

Макс Мах

Э клана Мишельер

Турнир II

Продолжение Турнира.

Глава 1. Сентябрь 1939

1. Габи

Она покинула постель только на третий день. Вышла к навестившему ее князю Трентскому на четвертый, но долго тогда не продержалась: сил хватило едва лишь на полчаса. Посидела с Зандером в ореховой гостиной, поговорила о том о сем, — стойко игнорируя испытующий взгляд собеседника, — поблагодарила за визит и снова вернулась к постельному режиму. Что-то с ней было не так. Словно, сломался внутри какой-то важный механизм и никак теперь не желал поддаваться починке. Серафина и ее помощники-целители чего только не пробовали, — и заговоры друидов, и заклинания золотой дюжины Асклепия, и панацею Иосифа Египетского[1], — но ничего путного из этих попыток, увы, не выходило. И на пятый день, Габи поняла, что дела ее по-настоящему плохи, потому что никто — даже ее Золотой человек, — ей в этот раз не поможет. А Источник, как и обещал, больше к ней не приходил. Исчез из виду и никак не давал о себе знать даже при том, что Габи, отчаянно нуждавшаяся в его помощи, только что криком не кричала, призывая его во сне и наяву прийти к ней, простить и еще раз помочь. Она готова была на все, даже на целибат[2] по эту сторону сна, если он ее, случаем, приревновал. Однако все ее усилия оказались напрасны. Тадж'А[3] к ней так и не пришел. И к себе не пустил, закрыв перед ней проход к пещере под замком.

«Сказал «нет», — признала Габи, — значит «нет».

Между тем, после схватки в императорском дворце — хотя схватки-то как раз и не было, а была казнь, — вернуться к прежней жизни оказалось совсем непросто. Разумеется, грех жаловаться, и Габи это хорошо понимала. Ведь, несмотря ни на что, она выжила и не утратила своего Дара. Однако так плохо, как сейчас, она себя никогда еще не чувствовала. Накатывающая по временам апатия, общее недомогание, физическая слабость и много чего еще, что не так уж просто выразить словами. Впрочем, как бы то ни было, сдаваться Габи не собиралась. Не для того пережила она чудо преображения, чтобы превратиться сейчас на самом пике успеха в немощную девицу, впавшую в меланхолию и общее убожество. Поэтому вечером того самого, пятого дня, она все-таки покинула постель. Встала и, преодолевая слабость, самостоятельно оделась. Спустилась в казематы, служившие ей и другим кланникам полигоном боевых искусств, и, проделав через силу десятиминутный комплекс разминочных упражнений, шесть минут затем кидала в цель молнии, огненные дротики и прочую опасную чепуху, включая сюда метательный нож, наскоро слепленный из nebulous nebula — колдовской туманной дымки, создавать которую она научилась еще в самом начале новой жизни.

Ну, что сказать. «Метания» прошли на удивление успешно, — уверенные броски, точные попадания, — но эти шестнадцать минут выжали ее насухо. Ноги перестали держать, и, обмякнув, Габи осела на каменные плиты пола. Впрочем, не усидела и практически сразу же опрокинулась навзничь. Лежала долго, не в силах вернуть себе упорядоченное дыхание, умерить заполошный бег сердца и задействовать свою магию. Сила была рядом. Габи ее чувствовала, но сейчас никак не могла до нее дотянуться. Так что прошло еще не меньше четверти часа, пока она смогла наконец встать на трясущиеся ноги и, держась за стены, отправиться в обратный путь. Где-то через двадцать минут, — наотрез отказавшись от

помощи набежавших со всех сторон слуг, — она все-таки доплелась до своих апартаментов и с наслаждением опустила в приготовленную камеристкой горячую ванну. Пока сидела в воде — благоухающей растворенными в ней минеральными солями и настойками целебных трав, — выпила один за другим три общеукрепляющих и тонизирующих коктейля, галантно презентованных ей накануне князем Трентским. Учитывая то, что она знала о Зандере со слов Триса, скорее всего, снадобья эти приготовил он сам, но, разумеется, — из скромности, наверное, — ей в этом не признался.

— Поверьте, Габриэлла, — сказал он во время их короткой встречи, — в империи и за ее пределами найдется немного столь же талантливых алхимиков, как мастер из Вердена. Однако, в отличие от большинства других людей, пользующихся его уникальными зельями, я знаю этого алхимика лично и могу свидетельствовать под присягой, что он не шарлатан, а, прежде всего, ученый. Анонимность же его связана исключительно с его личными обстоятельствами.

При этом, смотрел Зандер на Габи так, что ей даже стало неловко. Однако о том, что им, быть может, следует объясниться, сказать так и не решился или, быть может, просто не захотел. Промолчала и она, хотя, видят боги, не из робости. Она просто не знала пока, что с этим делать. То ли смириться с неизбежным и принять предполагаемые «чувства и отношения» такими, как есть, то ли отвергнуть Зандера, плюнуть и забыть.

— Здесь, — продолжил между тем Зандер, указав на плотно закупоренную бутылочку синего стекла, — эликсир, который поможет вам, Габриэлла, упорядочить обмен веществ и очистит кровь от шлаков. В зеленой бутылочке — общеукрепляющее снадобье. И наконец в этом сосуде, — кивнул он на маленький терракотовый кувшинчик, — находится отличная тонизирующая микстура. Все вместе, эти снадобья помогут вам вернуть здоровый аппетит, волюют в вас толику новых сил и прибавят бодрости.

Неуверенная в том, что все эти эликсиры ей чем-нибудь помогут, Габи, тем не менее, была благодарна Зандеру за заботу и, если бы не тотальная слабость, подумала бы даже о возможности превратить дружбу в близость. Но, увы, не в ее состоянии было мечтать о плотских утехах. А зелья она у князя не только взяла, но даже начала их употреблять. Однако сегодня, сейчас, это был всего лишь третий прием рекомендованных князем Трентским снадобий, и, даже если это была настоящая панацея[4], скорого эффекта Габи от них никак не ожидала. Но, как показали дальнейшие события, в этом отношении она ошибалась, серьезно недооценив научную компетенцию своего нового «более чем друга».

Прежде всего, этим вечером она впервые после нападения Жемчужной женщины испытала нешуточный голод. Выбралась из ванны, добралась, поддерживаемая служанкой до кровати, легла в постель и неожиданно поняла, что не уснет, поскольку ужасно голодна. Тогда, позвонив в электрический звонок, заменявший ей сонетку, Габи вызвала ушедшую было горничную и приказала Шанталь принести ей что-нибудь поесть.

— Легкое, — не преминула она напомнить девушке о своем жалком состоянии, — но сытное...

В заказе содержалось явное противоречие, но на замковой кухне работали весьма опытные и уж тем более изобретательные люди. В результате, — и разумеется, не без помощи магии, — уже через четверть часа Габи получила чашечку замечательного куриного бульона и два крошечных слоеных пирожка с мясом. На десерт ей предложили воздушное пирожное со взбитыми сливками запредельной жирности, а запивать все это великолепие ей пришлось сильно разбавленным красным вином, в котором мед, специи и настойка

шиповника компенсировали нехватку алкоголя. Вот после всего этого она и заснула. Положила голову на подушку и тут же отключилась, чтобы проснуться на утро в гораздо лучшем состоянии, чем накануне. У нее даже настроение поднялось, и подумалось, что надо бы поблагодарить Зандера, потому что его снадобья, и в самом деле, действовали и при том действовали отлично.

Однако, и то верно, что признаки выздоровления — это еще отнюдь не само выздоровление. Эдак можно до самой смерти выздоравливать и выздоравливать, а потом взять и помереть, так окончательно и не выздоровев. А значит, нужно не только хотеть, необходимо мочь, то есть, опять-таки, как и прежде, трудиться изо всех сил, вложившись в процесс выздоровления по полной, как в дело всей своей жизни, тем более, что так оно и есть.

Увы, но грустные мысли навещали ее чаще, чем хотелось бы. И лишь легкий налет приобретенного при Дворе цинизма помогал держаться на плаву. Цинизм и неведомо откуда взявшаяся у «слободской дворянки» гордость кланника. Эти два чувства или, вернее, настроения заставляли Габи вставать с постели по утрам и проживать наступивший день, как положено, а не как можется. Держать на лице маску холодноватого высокомерия и демонстрировать Городу и Миру образ «успешно выздоравливающей» после ранения коннетабля клана Мишильер. Однако, в действительности, дела ее обстояли отнюдь не так хорошо, как она пыталась представить окружающим. Все, что еще недавно давалось ей легко и, по видимости, просто, теперь требовало от Габи невероятной концентрации внимания и воли, а еще — тяжелого мучительного труда. Тренировки, без которых она не могла вернуть себе необходимую в ее положении форму, отнимали у нее гораздо больше времени и сил, чем всего лишь пару недель назад, и успехи были, по правде сказать, не так, чтобы впечатляющие. Восстановление шло медленно и трудно, и не было рядом с ней Золотого человека, чтобы помочь и унять боль. И все-таки она не сдавалась, продолжая упорно катить в гору одолженный у Сизифа камень судьбы.

Три-четыре часа сна, тренировки до изнеможения, седьмого пота и прокушенных от напряжения губ, до головной боли, до крови, текущей из носа и выступающей, по временам, в уголках глаз. Светская жизнь, которая свелась, впрочем, к приему посетителей, непременно желающих лично засвидетельствовать княгине свое почтение или дружбу, а то и любовь. Во всяком случае, некоторые намекали в разговорах именно на это чувство. Хотя верилось с трудом. Но люди, — какие бы цели они на самом деле не преследовали, — явно старались. Говорили комплименты, интересовались здоровьем, предлагали свою помощь. Редким ли снадобьем или каким-то древним заговором, помощью знакомого целителя или еще чем. Приносили цветы и экзотические фрукты, шоколад и вино «из личных запасов». И всех их Габи вынуждена была принимать, а это означало необходимость хорошо выглядеть и держать лицо. Говорить не то, что думаешь, а то, что должно. Следить не только за словами, но и за взглядами, движениями лицевых мышц и дыханием случайных и неслучайных собеседников. Огромное, ни на мгновение, не оставляющее напряжение: сегодня, как вчера, и завтра точно так же, как сегодня. И так день за днем, минута за минутой, вздох за выдохом и выдох за вздохом. Но, если и этого мало, у нее снова стали болеть мышцы. Крутило суставы, ныли кости и кружилась голова. Ухудшился аппетит, и желчь то и дело подступала к горлу, готовая — дай ей только волю, — двинуться дальше. И ведь не объявишь себя больной, не останешься в постели, никому не пожалуешься, не всплакнешь и не разрыдаешься на чужом плече. *Э клана Мишильер никогда не болеет, не устает и не*

печалиться. Не отступает перед трудностями и не показывает слабости. Никогда, нигде и ни в чем.

***

Наверное, прежде, чем начинать пробовать *такое*, ей следовало посоветоваться с братом. Но недаром говорится, что желание порой пуще неволи. Тем более, что Триса, как назло, не было дома, — он просто не успел вернуться в палаццо Коро «*после очередного вчерашнего*», — а идея, пришедшая ей в голову во сне, показалась Габи настолько заманчивой, что она решила взяться за дело, не откладывая. И так, если верить внутренним часам, на дворе, то есть за стенами палаццо, только-только рассвело. Со сном, как, впрочем, и со всем остальным, что касалось здоровья, дела у Габи по-прежнему обстояли хуже некуда. Она все еще болела, и, хотя все время ощущала слабость и желание прилечь, ночами все равно спала плохо и мало. Просыпалась рано и маялась, придумывая, чем бы таким заняться, только чтобы перестать думать о своей хвори. Но ей, если честно, пока было трудно даже читать, — глаза быстро уставали, — не то, чтобы бежать куда-нибудь, прыгать где-нибудь или еще что-нибудь в том же роде. А вот для того, чтобы попробовать разобраться с тем, что и как происходит в ее *разгромленном* организме, — вернее, в том, как он устроен в общем виде, — можно было, даже не вставая из кресла. Так что, подавив с недавнее ее нетерпение, — а ей ужас как хотелось *приступить уже* к делу, — для начала и, увы, не без помощи камеристки, Габи умылась, оделась и вообще привела себя в порядок. Затем позавтракала, остановившись на твороге с медом и свежее испеченным багетом по-деревенски, и, уговорив — не бесплатно, разумеется, — свою горничную Шанталь «*помочь ей в одном крайне важном деле*», села наконец в кресло и принялась за только что пришедшее ей на ум колдовство.

— Раздевайся и становись вот здесь, — указала она девушке на ковер метрах в двух перед собой.

— Совсем? — переспросила Шанталь, она была несколько дезориентирована, но держалась молодцом. — Донага?

— Донага, — подтвердила Габи.

— Мы будем?.. — чуть покраснела тогда горничная.

— И не надейся! — отрезала Габи, которой от Шанталь ничего подобного не требовалось, принцессы хватило «*за глаза и за уши*». — Просто разденься, пожалуйста, *донага*, встань вот там, повернись ко мне лицом и стой молча. Устанешь стоять, скажи, но до тех пор просто стой и молчи!

Смущенная девушка, неуверенно кивнула, поспешно разделась и встала там, куда ей указали. Она была на пару лет старше Габи и, не будучи красавицей, имела все необходимые приметы женственности. В общем, смотреть на нее было приятно, но не более того. Во всяком случае, никаких противоестественных желаний при взгляде на нее у Габи не возникло, что говорило, скорее о ее физическом состоянии, чем о сексуальной ориентации. На красивого мужчину она, верно, смотрела бы сейчас точно так же.

— Что-то еще? — между тем спросила Шанталь.

— Просто стой и молчи!

— Как прикажете, ваша милость!

— Я же сказала, помолчи! — поморщилась Габи, которую теперь часто раздражала медлительность и непонятливость окружающих ее людей, и, коротко вздохнув, принялась за дело.

«Итак, тело», — сказала она себе, рассматривая обнаженную девушку. Белая кожа и румянец, расплывающийся со щек на шею и плечи.

«Живой организм, — напомнила она себе, — имеет температуру 36 и 6 десятых градуса по шкале Цельсия, но только, кажется, под мышками...»

«А температура — продолжила она ход своих нехитрых рассуждений, — это же, наверное, стихия Огня. То есть, не «наверное», а именно!»

То, что следует из этого умозаключения, было более или менее понятно, но как конкретно это сделать? Как увидеть температуру тела? Габи попробовала так и эдак, покрутила в уме потоки Огня, придумывая на ходу, что бы такое из них сотворить, но для начала добилась лишь того, что «распустила» большие карминовые потоки, пульсирующие от переполнявшей их силы, на тончайшие нити всех оттенков красного. Работать с такими едва ощутимыми потоками, больше похожими на трепещущую на ветру шелковую нить, чем на лавовый поток, Габи еще не умела. Вернее, только-только начала осваивать этот уровень высшей магии. Но обычно она занималась этим под руководством Триса, и тогда брат ей все показывал и объяснял, как маленькой. А сейчас она влезла в этот живой, питанный силой хаос, похожий — так ей показалось в этот момент, — на клубок разъяренных змей, в одиночку, и сначала даже растерялась перед его природной мощью и невероятной сложностью. Но характер быстро взял свое, и уже в следующее мгновение Габи принялась *наводить в доме порядок*, укрощая одни потоки, переставляя местами другие и по новой переплетая между собой трети. Все это она делала исключительно на интуитивном уровне, боясь потерять кураж и начать думать головой. Вообще-то, про эту свою особенность она знала давно, но использовать ее по-настоящему научилась совсем недавно, поскольку раньше она зачастую не отдавала себе отчет в том, что именно она делает и как. Но Трис эту ее черту, — угадывать, а не анализировать, — подметил практически сразу, указал на нее Габи, и та вдруг осознала, что все так на самом деле и обстоит. Интуиция в ее случае была сильнее логики, а инстинкт — полезнее разума. И вопрос не в том, что Габи не умела рассуждать логически. Умела, и еще как! Но в магии интуиция, порой, решала все, потому что многие творимые чудеса получались гораздо лучше, если не поверять гармонию алгеброй. Сначала сделай, как видится, а разбираться, что там вышло и как устроено, будем потом. Впрочем, и разбираться, если лень или трудно, тоже не надо. Просто колдуй, коли уж приспичило, и ни о чем не думай. Эта сторона магии была сродни искусству, а не науке или ремеслу. И сейчас этот проверенный модус операнди[5] ее снова не подвел. Мгновение, другое, и Габи увидела свою горничную через призму стихии Огня.

Поверхность тела девушки представлялась равномерно розовой, не считая, разумеется, щек и шеи. Там цвет был гуще, но в следующее мгновение Габи обнаружила несколько более темных пятен, отчетливо выделяющихся на общем фоне: прямо сквозь кожу, просвечивали темно-красная печень, амарантовые влагалище и анус и трепещущий алый сгусток сердца. А еще через пару секунд картинка окончательно прояснилась, и Габи увидела всю кровеносную систему Шанталь, ее костный скелет, полотнища мышечной ткани и все, до единого, внутренние органы.

«Ничего себе! — восхитилась она, внимательно рассматривая живое анатомическое пособие. — Этак я смогу... А если приблизить? Смогу я увеличить отдельные части тела, чтобы рассмотреть их в подробностях? Ого!»

Одни боги знают, отчего рассматривать детали она начала именно с нижней части живота.

«Какой-то нездоровый интерес, — отметила Габи краем сознания, но сосредоточена сейчас она была на другом. Стоило ей присмотреться внимательнее, как она обнаружила, что ее горничная давно уже не девушка.

То есть, сначала-то Габи обратила внимание на то, что по первому впечатлению «там чего-то не хватает». Не хватало, как тут же выяснилось девственной плевы. И это было удивительно, поскольку Габи крайне слабо была знакома с анатомией и физиологией человека. А тут сразу и вдруг: и тебе ощущение некое несоответствия подспудным ожиданиям, и ответ на толком незадаанный вопрос. Это было неожиданно и похоже на чудо, хотя магия — это, по сути, и есть чудо. Так что, высказав свое мысленное «Ого!», Габи взяла себя в руки и продолжила свое странное исследование. И, как показали дальнейшие события, не зря.

Габи могла заметить, что «что-то тут не так», — и эта ее способность действовала безотказно, — но вот объяснить, что это такое, могла лишь в том случае, если была знакома с темой. Про девственную плеву она знала, потому, по-видимому, и поняла, чего там не хватает, а вот, как она узнала, что женщиной Шанталь стала никак не меньше года назад, Габи так и не поняла. Просто узнала и все. Перелом большой кости руки — названия которой Габи не знала, — она опознала по внешним признакам. А вот какие-то неприятности со здоровьем Шанталь смогла лишь «диагностировать» без того, чтобы дать название конкретному недугу и сделать прогноз на развитие хвори. Здесь ей попросту не хватало знаний, но уже то, что она обнаружила три точки, в которых зарождались сейчас неизвестные ей недуги, — два легких и один тяжелый, — было гораздо больше, чем ничего.

«Интересно, а через одежду я смогу?»

— Одевайся, Шанталь! — приказала она служанке. — Надеюсь, ты не успела еще устать?

— Нет, ваша милость!

И через пару минут, когда девушка была уже одета, Габи получила ответ на свой незадаанный вслух вопрос. Да, чтобы увидеть все, что она сейчас видела, раздеваться Шанталь было необязательно. Трудности были скорее связаны с расстоянием, чем с одеждой. «Помехи» начинались уже в четырех-пяти метрах от наблюдателя, и можно ли их как-то снять, было неизвестно. С этим еще следовало разбираться. Экспериментировать, пробовать, изучать.

«Теперь придется учить анатомию и патофизиологию, чем бы эта наука не оказалась на самом деле...»

И, разумеется, это была вполне здравая мысль, потому что от открывающихся перспектив у Габи просто дух захватывало. Поэтому, выбрасывать на ветер такой талант было бы настоящим расточительством, но без знания медицины эта новая способность ей была практически бесполезна.

«Разве что шлюх отлавливать...»

Последняя мысль ей сильно не понравилась, поскольку по этому критерию Габи тоже никак не образец женской добродетели.

«Ну, и Зевс с ними!»

— Мне можно уйти? — подала наконец голос служанка.

— Нет, — покачала головой Габи. — Постой так еще пару минут!

— Как прикажете, ваша милость, — тяжело вздохнула девушка, которая, верно, боялась колдовства. Служила в замке полным магов и при этом страшилась волшбы, что, к слову,

случалось сплошь и рядом даже в крупных городах империи и среди вполне образованных людей. Магия не только притягивала, она еще и пугала.

Однако, Габи служанке не ответила, она занималась делом. Занятие, впрочем, оказалось непростым и потребовало гораздо больше времени, чем жалкие пару минут. На то, чтобы повторить свое открытие, но уже не с помощью стихии Огня, у Габи ушло без малого сорок минут. Но предположение, что человек — *«суть смесь жидкостей и неразстворимых в воде компонентов»*, оказалась правильной. И Дар Воды показал себя в этом смысле ничуть не хуже, чем сила Огня. Цвета другие, да и «картинка» несколько иная, но оба взгляда — огненный и водяной, — на один и тот же организм оказались вполне сопоставимы. И более того! Они удачно дополняли друг друга, рассказывая Габи крайне интересные истории, которые ей, впрочем, еще предстояло научиться понимать.

***

Теперь, после того, как она научилась видеть человеческий организм через призму сразу двух противоположных по своей сути стихий, ей следовало бы расширить свои знания в анатомии и физиологии человека. Посетить университетский анатомический театр, поприсутствовать на хирургических операциях, но, прежде всего, изучить обычный анатомический атлас, — тот же каталог Бёмберга, для примера, — и какой-нибудь хороший лекарский компендиум[6] из новых. Габи так, собственно, и собиралась поступить. Она даже приступила уже к изучению книг и атласов, имевшихся в замковой библиотеке, сопоставляя цветные и черно-белые иллюстрации и пространные анатомические описания с тем, что видела на *«практических занятиях»*, исследуя тело горничной сквозь призмы Огня и Воды. А позже и через «Интроскоп», как она назвала, не имея под рукой иного термина, сложную магическую структуру, которую Габи сплела из «Шлейфа Тефиды[7]», «Ультрамарина»[8], «Небесной лазури»[9], «Заката» и «Червоного золота»[10]. Это было весьма познавательно, но явно недостаточно, и Габи обратилась к Серафине и Трису за рекомендациями практического толка. Кто-то же должен был объяснить ей, что и как происходит в организме человека, когда он здоров, и когда болен. Да и в анатомический театр или в хирургический зал госпиталя просто так не попадешь, — даже если ты, — Эклана Мишельер. Нужна протекция, и ей обещали помочь. Но, увы, как водится, вмешались непредвиденные обстоятельства, и ей стало не до учебы.

Дело в том, что, — то ли попросту так совпало, то ли действительно по специальному распоряжению принцессы, — но в конце августа в Турнире был сделан трехнедельный перерыв. Злые языки утверждали, что причина состояла именно в Эве Сабинии. Вернее, в ее интимной подруге Габриэлле Э'Мишельер, нарочито подчеркивая при этом двусмысленность понятия «интимный»[11]. Однако, официально, назначенный императором *«Большой антракт»* объяснялся необходимостью дать передышку порядком утомившимся участникам Турнира, а также небывалой жарой, обрушившейся на юго-западные регионы империи и наступившим периодом важных религиозных праздников. Впрочем, так или иначе, но трехнедельная пауза пришлась очень кстати, поскольку захватила весь острый период ее болезни, когда Габи физически не могла участвовать в светской жизни столицы. Так что ее выздоровление, — во всяком случае, внешне она была уже вполне здорова, — совпало с окончанием антракта и возобновлением Турнира. И так уж получилось, что первый выход в свет случился на дне рождения Марии Перигорской, встретившей Габи уже не как подругу, а едва ли не как родную сестру...

***

Возвращение Габриэллы Мишильер наделало много шума. Но реакция Общества на появление живой и здоровой Э была при этом отнюдь неоднозначной. Кое-кто был этому искренно рад, зато другие демонстрировали плохо скрытое разочарование. Остальным, — а они, к счастью, составляли большинство, — было попросту любопытно. Никто ведь толком не знал, что на самом деле приключилось с девушкой-коннетаблем. Даже официальное заявление, сделанное по этому поводу главой клана, ничего по сути не разъясняло. *Коннетабль*[12] *была атакована*, сообщалось в заявлении. Допустим, так все и обстоит, — думали люди, — но спрашивается, кем атакована и как именно? Ответ — *«Пока неизвестно. Ищем сильного колдуна, склонного к запретной темной магии, которую он или она использовали в качестве орудия нападения на сестру тана»*. Что за колдун, что за колдовство, неизвестно. Не успели-де пока разобраться, но *«мы над этим работаем»*. И все, собственно. Даже о том, какие такие раны нанес Габриэлле Мишильер этот ее неизвестный противник, — и от которых она, к слову, оправлялась почти полных две недели, что для молодой сильной магессы было более чем странно, — не сообщалось тоже. Понятное дело, что такая неопределенность пробуждала в людях нешуточный интерес и заставляла их «без необходимости множить суще»[13], воображая себе разные ужасы, и придумывать истории, одна увлекательнее другой. Впрочем, кое-кто все-таки знал правду, хотя и не всю.

Первым из этих немногих являлся князь Трентский, который, как выяснилось, мог почувствовать чужой Источник, если находился поблизости в момент, когда Небог творил свое особое, непохожее ни на что другое, колдовство. Станный талант, хотя Трис и утверждал, что в прошлом такие колдуны уже рождались. Информации о них, как и следовало ожидать, было до обидного мало, но факт, что такой талант существует, — и что это крайне редкая способность, — сомнений у тана не вызывал. Поэтому, заинтересовавшись чувствительностью Зандера к магии Источников и понимая к тому же, что промолчать — означает сделать только хуже, Трис переговорил с князем Трентским тет-а-тет. Габи об этом разговоре знала, но сама с Зандером на эту тему еще не говорила. Она с ним, вообще, пока так и не объяснилась ни по поводу того, что за отношения возникли, — если, и в самом деле, возникли, — между ними двоими, ни относительно того, что с ней произошло в императорском дворце. Трис же, не вдаваясь, разумеется, в *«не относящиеся к делу подробности»*, объяснил Зандеру, что Габи была атакована императорским Источником, получила тяжелейшие раны и выжила лишь благодаря своевременному вмешательству Источника клана Мишильер. Судя по всему, князь Трентский откровенность главы клана оценил по достоинству, предложив Трису свою искреннюю дружбу и любую помощь, какая понадобится.

«Еще бы, — решила Габи, выслушав рассказ брата, — у Зандера теперь есть все основания дружить. Целых три причины, если быть точной. Во-первых, я сама, если я не ошибаюсь относительно его чувств. Во-вторых, конспект пятой главы «Трудов» Виглера, и, наконец, откровенность Триса в таком деликатном вопросе, как истинная природа Источников. Наверное, мне тоже стоит с ним как-нибудь подружиться, а может быть, и что-нибудь еще...»

Чем может стать это *«что-нибудь еще»*, Габи, разумеется, догадывалась, но ее физическое состояние по-прежнему оставляло желать лучшего и уж точно не позволяло пока пускаться во все тяжкие. Даже хотелось *«чего-нибудь эдакого»* как-то смутно и без

подробностей. То есть, теоретически она была уже готова к близости с живым мужчиной, но практически — все еще нет.

Вторым человеком, знавшим правду, — во всяком случае, известную ее часть, — являлась Эва Сабиния. Но тут все случилось несколько иначе, чем с Зандером, да и разговаривала с принцессой сама Габи. Встретившись с ней в первый раз после выздоровления, на дне рождения Марии, Габи лишь поблагодарила принцессу за столь ярко выраженное участие в ее судьбе, но ничего особенно интересного о своем ранении не рассказала. Зато, когда, через неделю после этого, принцесса выразила удивление по поводу того, что Э клана Мишильер и, между прочим, ее сердечная подруга, — *«Ведь мы подруги, Габи, разве нет?»* — пропустила уже две подряд вечеринки во дворце, Габи вынуждена была попросить ее о разговоре с глазу на глаз. Эва Сабиния удивилась, но возражать не стала. Тогда они отошли в сторонку, где их никто не мог услышать, и Габи прямо спросила у своей венценосной подруги:

— Ты ведь знаешь об императорском Источнике?

— Разумеется, — ответила принцесса. — Я наследница престола, и потому обязана знать о такого рода вещах. Но почему ты спрашиваешь?

— Ты с ней встречалась?

— С чего ты взяла, что наш Источник женщина? — нахмурилась Эва Сабиния. — Источник — это Источник.

— Но ваш источник — это женщина, окутанная жемчужным сиянием, — возразила Габи.

— Откуда ты знаешь?! — Похоже, слова Габи поразили Эву Сабинию до глубины души, и, пожалуй, даже испугали.

— Я с ней встречалась.

— Что?!

— Эва, это она на меня напала. Прямо там, в вашем дворце. В дамской комнате.

— Но почему? — еще больше удивилась не на шутку встревоженная ее объяснением принцесса. — Как ты вообще могла ее видеть? И с чего бы ей на тебя нападать?

— Это ее решение, — пожалала плечами Габи, которой совсем не хотелось вдаваться в подробности. — Сама решила показаться, сама захотела убить. Я еле выжила и теперь просто боюсь появляться во дворце. Второй раз мне такую экзекуцию не пережить...

— Любопытно, — посмотрела ей в глаза принцесса, — и подозрительно, но так и быть, я не стану тебя спрашивать, что ты не поделила с нашим Источником. Я спрошу ее.

— Спроси, — кивнула Габи. — И попроси ее оставить меня в покое. Тогда я снова смогу приходить во дворец.

На том разговор и закончился, а через два дня Габи получила от Эвы Сабинии коротенькую записку:

«Здравствуй, Габи!»

Как мы и договаривались, я встретилась с Ней и спросила о тебе, — писала принцесса, — но Она наотрез отказалась отвечать на мои вопросы. Сказала только, что у нее на то есть веские причины. На то, чтобы желать твоей смерти, и на то, чтобы никому ничего на этот счет не объяснять, ни мне, ни моему отцу. Тогда я настоятельно попросила оставить тебя в покое, поскольку ты моя подруга и коннетабль влиятельного клана и просто обязана бывать во дворце. Похоже, что мои доводы оказались достаточно основательными, потому что Она обещала с сего дня соблюдать в отношении тебя

строгий нейтралитет. Так что можешь не бояться и приходить. Мы с Олимпией и Марией хотим сегодня вечером сыграть в вист, как тебе такая идея?

*С улыбкой,
твоя Э».*

Габи прочла записку три раза и пришла к выводу, что опасность действительно миновала. Поэтому тем же вечером она появилась на женской половине императорского дворца, и до полуночи играла там в вист с принцессой и ее гостями.

[1] Моше бен Маймон — называемый «Моисей Маймонид» и Рамбам, в русской литературе известен также как Моисей Египетский (между 1135 и 1138–1204) — выдающийся еврейский философ и богослов-талмудист, раввин, врач и разносторонний учёный своей эпохи.

[2] Целибат — обет безбрачия, но поскольку христианство в этом мире не возникло, то Габриэлла имеет в виду нечто вроде обета безбрачия, который в Древнем Риме давали служительницы культа Весты, или «клятвенной девственницы».

Клятвенная девственница, вирджина, тобелия — женщина, добровольно принявшая клятву безбрачия и перенимающая мужскую роль в семье. После принесения клятвы перед старейшинами деревни с «клятвенной девственницей» обходятся как с мужчиной.

[3] Тадж'А — Жаркий Ветер Пустыни — имя Источника палаццо Коро.

[4] Панацея — мифическое универсальное средство от всех болезней, способное также продлевать жизнь, вплоть до бесконечности. Поиском панацеи занимались алхимики. Название происходит от имени греческой богини Панакеи (всё излечивающей), дочери Асклепия — бога медицины и врачевания в древнегреческой мифологии.

[5] Modus operandi (модус операнди) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия» и обозначает привычный для человека способ выполнения определенной задачи.

[6] Компендиум — сокращённое изложение основных положений какой-либо дисциплины. Сжатое суммарное изложение основных положений.

[7] Тефида — в древнегреческой мифологии одно из древнейших божеств, титанида, дочь Урана и Геи, супруга своего брата Океана.

[8] «Шлейф Тефиды» и «Ультрамарин» — потоки стихии Воды.

[9] «Небесная лазурь» — поток стихии Воздуха.

[10] «Закат» и «Червоное золото» — потоки стихии Огня.

[11] Интимный — 1. Касающийся отдельного лица, его личной жизни; 2. Относящийся к тесной дружественной или любовной связи между людьми.

[12] Коннетабль — высшая военная государственная должность в средневековом Французском королевстве. Аналоги в других странах — маршал, лорд-констебль, шпалмейстер.

[13] Бритва Оккама — методологический принцип, в кратком виде гласящий: «*Не следует множить сущее без необходимости*».

2. Зандер

Так уж вышло, что, хотя Э'Мишильер оправилась наконец от «ран» и вернулась к светской жизни, Зандер с ней так и не объяснился. То ситуация не располагала, то настроение было неподходящее — чаще у Габи, чем у него, — то еще что, но поговорить нормально никак не получалось. И, возможно, это даже к лучшему, потому что чем больше проходило времени, тем меньше он понимал, о чем, собственно, идет речь. Во всяком случае, не имея опыта в оценке собственных чувств, Зандер в них не только не разобрался, но, напротив, запутался еще больше.

«Я думаю о ней, потому что она выпадает из обыденности», — решил он, рассматривая из-под ресниц императорскую ложу, в которой разместились сейчас принцесса Эва Сабиния и дамы ее круга. Габриэлла тоже была там, на нее Зандер и смотрел.

«Она непохожа на других молодых дам, — добавил он, обдумав предыдущий тезис. — Иная, и это неоспоримый факт. А еще, наверное, я ее просто хочу, хотя и не знаю, с чего вдруг, ибо, если все обстоит именно так, как мне кажется, то это противоестественное желание».

И в самом деле, половое влечение в их случае было более, чем очевидно, — во всяком случае, с его стороны, — хоть и неожиданно, если сравнивать Габриэлла с восхитительной Анаис. Однако, как говорили древние латиняне, «De gustibus non est disputandum»[1]. Вспоминалась по этому поводу еще одна, хотя и довольно-таки грубая народная мудрость: любовь зла, полюбишь и козла.

«Козу, если быть точным в деталях».

Сейчас в ложе, Габриэлла сидела в пол-оборота к Зандеру, положив ногу на ногу, — отчего подол короткого платья поднялся едва ли не до середины бедра, — и курила длинную сигарету, вставленную в еще более длинный костяной мундштук. Показалось или нет, но с некоторых пор, а точнее, с того дня, как ее чуть не убил императорский Источник, окружавшее девушку золотое сияние стало темнее и гуще. Оно, словно бы, уплотнилось, превратившись в нечто, напоминающее прозрачный, но вполне материальный кокон червонного золота. Вообще, золото чудилось этим утром даже там, где его никогда не было и не должно было быть. Светло-русые волосы Габриэллы казались сейчас скорее золотистыми, чем серебристыми. Золотой оттенок приобрела и ее кожа.

«Потрясающе! — признал Зандер, любясь необычным зрелищем. — Но, скорее всего, это чудо вижу один только я. И это более, чем любопытно, потому что вопрос-то, оказывается, не один. Их ровно два: что это такое, и почему это сияние вижу один лишь я?».

«Нет, — решил он еще через мгновение. — Вопросов не два, а три, и на один из них я уже знаю ответ. Нет, это — не любовь и не вожделение. Я просто хочу разгадать ее тайну. А значит, это все-таки всего лишь научный интерес, любопытство ученого и ничего больше!»

Вероятно, он еще долго продолжал бы рассуждать на эту многообещающую тему, но его прервали:

— Прошу вас пройти на позицию, ваша светлость.

Зандер кивнул мужчине в строгом костюме-тройке, — черная шерсть, черные лакированные штиблеты, белая манишка и атласный галстук-бабочка, — и, встав из кресла, неторопливо прошел к огневому рубежу. Здесь на столе справа от позиции его уже ожидал

заявленный им для состязаний шестизарядный «колониальный» кольт. Сейчас Зандер действовал строго по протоколу. Вынуть оружие из кобуры и убедиться, не стоит ли курок на боевом взводе. Взять револьвер левой рукой в обхват за ствол, повернув дулом вниз, а рукояткой влево, и так далее, и так далее, пока не заполнил патронами все шесть камер. Все движения четкие, выверенные и доведенные до полного автоматизма, так что и думать ни о чем не надо.

Завершив подготовку, он вернул заряженный револьвер на стол и внутренне изготавился, ожидая сигнала.

Итак, ему предстояла стрельба на скорость с дистанции в 20 метров по горизонтально-скользящей мишени. При этом технические характеристики револьвера, — необходимость каждый раз взводить курок, — позволяли сделать за 7-10 секунд, в течении которых мишень будет довольно быстро двигаться перед ним, как раз необходимые шесть выстрелов. Не больше, будь ты хоть трижды ганфайтером на колониальный манер. Лишь бы не меньше!

В ожидании отмашки Зандер встал несколько наискось к белой широкой полосе, отмечавшей границу стрелковой позиции, и широко расставил ноги, так, чтобы затем ему было легче вращать туловище в бедрах, следуя за движением мишени. В этом случае его рука будет оставаться в спокойном положении, так же, как и вся верхняя половина туловища. Все это так же не требовало от Зандера даже малейшего усилия, тело само знало, что и когда ему следует делать. А в следующее мгновение ударил гонг, и, появившаяся перед ним мишень бодро заскользила справа-налево вдоль огневого рубежа.

«Пошла!» — Так быстро, как только мог, Зандер схватил со столика свой револьвер и, беря горизонтальный прицел, начал вращать верхнюю часть туловища в ту же сторону, в которую скользила мишень. Его рука с зажатым в ней револьвером двигалась при этом впереди мишени, удерживая постоянный разрыв в один-два сантиметра.

«Начали!» — Разворачивая тело вслед за мишенью, Зандер постепенно нажимал на спуск, и, когда прицел был правильно взят впереди мишени, выстрелил в первый раз. Второй и последующие выстрелы ударили вслед за первым так быстро, как только возможно. Три медленных удара сердца, шесть выстрелов с равными промежутками, шестьдесят очков и обеспеченное место в тройке лидеров.

«Безукоризненно!» — с поразившим его самого самодовольным торжеством воскликнул он мысленно, и в этот момент произошло сразу несколько событий, каждое из которых, — правда, несколько позже, — заставило Зандера переосмыслить многое из того, что он почитал правдой или истиной. Уютное существование в башне из слоновой кости, построенной им внутри башни Людовика, практически не подготовило Зандера ни как человека, ни как мага к встрече с жестокими реалиями жизни, такой, какая она есть. И шестинедельные труды по самосовершенствованию ничего в этом смысле исправить уже не могли. Но в тот момент, когда рухнуло небо, у него, разумеется, не было времени ни на рефлексии, ни на сожаления, времени не оставалось вообще ни на что.

Отстрелявшись, Зандер повернул голову, чтобы посмотреть на принцессу и ее цветник и застал мгновение, завершающее некое действие или, лучше сказать, событие, начавшее разворачиваться еще до того, как его взгляд охватил императорскую ложу целиком. Он увидел вставшую во весь рост Габриэллу, она как раз вытянула вперед поднятые перед собой и чуть разведенные в стороны руки. А еще двух телохранителей принцессы, застигнутых его взглядом в полете. Один, похоже, пытался прикрыть Эву Сабинию своим телом спереди, другой — сзади. Начали двигаться и другие участники событий. Находившиеся в ложе

женщины отшатнулись от принцессы. Кто-то из них падал вперед, а кто-то — навзничь, опрокинувшись назад вместе со своим складным стулом.

Все это Зандер увидел и даже частично осознал, едва охватив быстрым взглядом императорскую ложу. Но в то же самое мгновение он почувствовал на себе скрестившиеся взгляды двух или даже трех людей, — точнее в тот момент он сказать не мог, — и это были недобрые, вернее, крайне опасные взгляды. Так он смотрел давеча на мишень. Так или почти так, поскольку, стреляя из револьвера, он не испытывал к цели ровным счетом никаких чувств. За этими же взглядами ощущалось чувство, потому что эти люди пришли сюда не для того, чтобы пострелять, а для того, чтобы убивать. И убить они собирались именно его — князя Александра Трентского. Во всяком случае, один из стрелков совершенно точно метил ему в голову.

Все это Зандер увидел и почувствовал одновременно и в одно мгновение. Он даже успел оценить угрожающую ему опасность, вот только сделать с этим он ничего уже не успевал. Он не был боевым магом, и, обладая недюжинной колдовской силой и обширными познаниями в магической науке, никогда не собирался применять их для защиты — своей или кого бы то ни было еще, — не говоря уже о нападении. У него были совсем другие жизненные интересы, и он не хотел тратить время попусту. А в результате, оказался здесь и сейчас агнецом на заклании, бессильным предотвратить неизбежное, безоружным и, увы, не дееспособным. Много позже он будет думать и об этом тоже, но в тот момент он успевал сделать только две вещи: частично оценить угрожающую ему опасность и выразить самому себе *«глубокое сожаление»*. Однако, как ни странно, это был еще не конец, потому что за первым мгновением последовало второе, вместившее в себя удар молнии, сорвавшейся с правой руки Э'Мишильер, выстрел из винтовки с оптическим прицелом и звук затвора другой винтовки, досылающего патрон перед роковым третьим выстрелом. А еще была стена пламени, неожиданно вставшая перед принцессой и прикрывшая ее от возможного, но так и не прозвучавшего выстрела.

Покушение было великолепно спланировано и отлично осуществлено. Стреляли три снайпера, вооруженные мощными винтовками с панкратическими прицелами[2]. Учитывая, что стенд для состязаний в стрельбе был оборудован на арене олимпийского стадиона, найти для наемников выгодно расположенные позиции на расстоянии от трехсот до четырехсот пятидесяти метров от «мишени» не составило труда. К тому же, начини нападавшие колдовать, их бы тут же засекала охрана или участвующие в Турнире аристократы — все, как один, являвшиеся сильными магами. А вот о покушении с помощью обычного огнестрельного оружия никто даже не подумал. Так что у ассасинов был шанс не только уничтожить цель, но и выбраться со стадиона живыми. Но вот незадача — на пути осуществления их планов встала Габриэлла Э'Мишильер, и все их влажные мечты пошли прахом.

Каким-то неведомым образом эта брутальная фемина, — аристократка высшей пробы, говорившая, как наивная простушка, и одевавшаяся, как великосветская кокетка, — уловила то, чего не почувствовал больше никто из магов, присутствовавших на состязаниях по стрельбе. Другое дело, что сначала она, скорее всего, подумала о покушении на принцессу, которую тут же прикрыла воздушной волной, — она-то и послужила сигналом тревоги, — а затем, через мгновение или два, на всякий случай поставила перед Эвой Сабинией еще и стену огня. Затем, неизвестно с какой стати, Э'Мишильер решила, что стрелять будут в герцогиню Перигор, и потратила еще несколько драгоценных мгновений на то, чтобы убрать

ее с линии огня. И лишь затем, за четверть секунды до того, как первый стрелок нажал на спусковой крючок, она вычислила наконец его настоящую цель. Убийца, как это ни странно, пришел за жизнью Зандера, а он, *asinus*[3], стоял, развернувшись вполборота к императорской ложе и ждал — *stultus stultorum rex*[4] — неизбежного.

Однако все это стало ему известно — а значит, и понятно, — несколько позже, а в те считанные мгновения между жизнью и смертью он даже подумать о чем-нибудь дельном не смог, потому что не успел. За него подумала Габриэлла. Молнией он сожгла первого стрелка, толчком воздушного кулака в плечо отшвырнула Зандера в сторону, и заставила двух других убийц потратить свои выстрелы впустую, прикрыв огненным щитом всех, кого только было возможно, а затем еще и грохнула молниями обоих, и только тогда время вернуло себе власть над миром и ударилось в заполошный бег.

Закричали люди. Истерически зарыдали некоторые из присутствующих на стадионе дам. Телохранители принцессы взяли было ее в коробочку, но отчего-то не побежали, уводя в укрытие, а, напротив, снова разошлись, образуя вместе с несколькими мужчинами-аристократами живое ограждение. Почему, зачем? Этого Зандер не знал, ему было плохо видно из-за метавшихся в панике людей. Между тем, по трибунам стадиона уже бежали имперские гвардейцы, а участники состязаний начали спешно организовывать группы прикрытия, беря под защиту женщин и детей. Впрочем, не всех. Кое-кого надо было не защищать, а успокаивать, отпаивая бромом или настоем корня валерианы. Юная графиня Вальтесса де Ла Бинь взлетела, — благо левитировала она отнюдь не по-детски, — на одну из двух колонн, обрамлявших центральный вход на стадион, и начала метать оттуда громы и молнии. В прямом смысле этого слова. Магесса она была незаурядная, но отличалась излишней впечатлительностью, легкой возбудимостью и детской непосредственностью. Толку от ее демонстрации силы было немного, — она, похоже, не знала даже, в кого стрелять, — зато шума — хоть отбавляй. Под стать ей, но уже по другую сторону арены неистовствовал де Брэйне младший. Зандер не помнил, как его зовут, — возможно, Ив или Эрик, — но знал из газет, что у паренька предположительно двенадцатый, а то и тринадцатый уровень Дара воды. Поучаствовать в срыве нападения он не успел, — реакция не та, — зато теперь явно вознамерился залить всех, правых и виноватых, проливным дождем с грозой. В небе быстро сгущались тучи, и где-то в отдалении уже отчетливо погромыхивало, и сверкали молнии.

«Н-да, детки...» — Зандер встал наконец с земли и поплелся к императорской ложе. Ему было стыдно за свою мужскую несостоятельность, но уйти, не поблагодарив спасшую ему жизнь Габриэлла, он не мог. Вот и тащился, как на эшафот. Впрочем, это и был эшафот, только казнили на нем не самого Зандера, а его гордость.

«*Ave, Caesar, moritūri te salūtant!*»[5] — Задумавшись, Зандер не заметил, как дошел до ложи.

— Если она умрет, ты труп! — Голос Эвы Сабинии буквально выдернул Зандера из состояния прострации, и он недоуменно взглянул на принцессу.

Такой он ее еще не видел, и более того, он ее такой даже представить себе не мог. Бледная, как полотно, с трясущимися губами и безумным взглядом широко раскрытых глаз она явно была на пути к жесточайшей истерике, что было, в общем-то, понятно. После такой-то встряски. И Зандер начал было соображать, чем бы таким можно было купировать приближающийся приступ, но тут его взгляд сместился чуть в сторону от принцессы, и он сообразил наконец, что здесь происходит, и что означают слова, брошенные ему в лицо, как

пощечина или, скорее, как плевок.

На дощатом полу ложи, прикрытом персидским ковром, на сдернутой со стены и сложенной в несколько раз бархатной драпировке лежала Э клана Мишильер, и, если Эва Сабиния была бледна, то у Габриэллы, похоже, вообще не осталось в жилах ни капли крови.

«Умерла?! Не может быть!» — Но все указывало как раз на то, что Габриэлла мертва. Неподвижное тело, синюшная бледность кожных покровов, широко открытые, устремленные в никуда серые глаза.

Над девушкой склонилась Мария Перигорская, которая, судя по потокам Воды и Воздуха, пыталась реанимировать свою подругу. Ей помогли две другие женщины. Ни одна из них, как тут же сообразил Зандер, не являлась ни академическим лекарем, ни магессой-целительницей. Обычное домашнее знахарство, и ничего более. Зандер в отличие от них знал и умел гораздо больше. В свое время, в Гейдельберге, он занимался медициной серьезно, хотя и не для того, чтобы кого-нибудь лечить. Однако, как ни крути, он хотя бы представлял себе, что и как надо делать в первую очередь. Времени с начала заварухи прошло еще совсем немного, а значит, что бы ни случилось с Габриэлкой, главное сейчас было удержать ее по эту сторону Стикса. А там, глядишь, подоспеет квалифицированная помощь и ею займутся настоящие целители.

— В сторону, принцесса! — скомандовал он. — Потом, все потом!

В три быстрых шага Зандер добрался до Габриэллы, присел рядом с ней на корточки и положил руки на ее лоб и чревное сплетение. Первое и главное, что он узнал практически сразу: она была жива. Однако, жизнь в ней едва теплилась, и было очевидно, что, если не принять срочных — и, разумеется, чрезвычайных — мер, ее агония надолго не затянется. Впрочем, клиническая картина ухода протекала у Э клана Мишильер на особый лад. Не было никаких видимых проявлений. Недвижное, холодное тело, обесцвеченные кожные покровы и глаза с застывшими зрачками. Борьба шла подспудно, скрытая от посторонних глаз, как течение бурной реки под ледяным панцирем студеной зимой. Там, в глубине, сила ее магии противостояла физическому недугу, разрушавшему ее организм. Она держала Габриэлку наплаву, не давая ей кануть во тьму, но, увы, силы этой оставалось уже совсем немного.

Разумеется, Зандер не знал, что — во имя богов, — приключилось с Э'Мишильер, и времени расспрашивать свидетелей у него не было. Время истекало, и он должен был действовать, даже не представляя себе, с чем борется на самом деле. Поэтому он «прописал» девушке симптоматическое лечение и тут же взялся за это непростое дело.

— Кто-нибудь умеет поддерживать сердечный ритм? — спросил он, не оглядываясь. Все его внимание было сосредоточено на Габриэлле, на ее мертвых глазах, на низком уровне активности коры головного мозга и буре, бушевавшей в подкорковых образованиях. Таламус[6] и Лимбическая система[7] бедной девушки пылали, как факелы в ночи, внутренние органы отказывали один за другим, а ее железа творения вычерпывала последние капли магии, растворенной в крови, чтобы удержать организм от полного распада и смерти.

— Я могу, — Мария Перигорская, сидевшая на земле по другую сторону от Э клана Мишильер, сразу же возложила ей руки на грудь и принялась за дело. Судя по тому, что почувствовал Зандер, она действительно умела поддерживать сердечный ритм.

— Тридцать ударов в минуту, — сказал он вслух, вливая свою магическую энергию в обессиливший *glandula creaturae*[8] Габриэллы. — И не менее восьми вдохов. Сможете?

— Да, — коротко и по делу ответила герцогиня, чего, если честно, Зандер от нее никак

не ожидал.

— Надо бы еще поднять температуру тела...

— На сколько? — спросила какая-то незнакомая ему блондинка, присаживаясь рядом с Зандером.

— Внутренние органы хотя бы до тридцати двух — тридцати трех градусов. Сможете?

— Смогу до тридцати шести, но долго не продержусь. Максимум минут десять.

— Действуйте!

Сам Зандер пытался сейчас разбудить кору головного мозга Габриэллы, одновременно поддерживая уровень магического сопротивления. Но сделать это было крайне сложно. Сказывалось отсутствие опыта и пробелы в медицинском образовании.

— Нужен целитель не ниже девятого уровня, — бросил он в пространство, зная, что кто-нибудь да услышит.

— В пути! — Этого голоса Зандер не узнал, но он и, вообще, мало кого знал при дворе, тем более, почти никого не мог узнать по голосу.

— У кого-нибудь есть нектар? — спросила вдруг блондинка. — Два-три грамма, дамы, не больше. Я попробую «впрыснуть» его Габи через бедренную артерию.

«Хорошая идея, — отметил Зандер краем сознания. — Может помочь...»

— Хорошая идея, — сказал он вслух, — уже в который раз пытаюсь реанимировать лобную кору Габриэллы. — Умеете?

— Приходилось! — сразу же откликнулась женщина, но при этом оставила свое признание без комментариев. Видно успела в жизни погулять вволю, потому что такие навыки просто так у магов не появляются.

— Тогда, вперед!

«Нектар» являлся довольно сильным наркотиком, принимать который, впрочем, могли одни лишь маги. Только на них он, собственно, и действовал, и, если им злоупотреблять, мог легко свести с ума. Однако сейчас, — в данном конкретном случае, — нектар мог помочь, понизив тонус мышц и взбодрив кровоток. Еще, если конечно Зандеру не изменяла память, нектар мог хотя бы немного притушить пожар, бушевавший в глубинных отделах мозга.

«Попробуем... Хуже не будет!» — решил он и, окончательно отрешившись от всего, что не касалось напрямую борьбы за жизнь Э'Мишильер, с головой ушел в тот жуткий хаос, в который превратились ее физиология и магия...

[1] О вкусах не спорят (лат.).

[2] Панкратические прицелы — оптические прицелы с переменной кратностью.

[3] Осел (лат.).

[4] Тупейший из тупых (лат.).

[5] Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).

[6] Таламус — отдел головного мозга, представляющий собой большую массу серого вещества, расположенную в верхней части т промежуточного мозга человека. Таламус выполняет несколько важных физиологических функций. Он отвечает за передачу сенсорной и двигательной информации от органов чувств к соответствующим областям коры больших полушарий головного мозга, играет важную роль в регуляции уровня сознания, процессов сна и бодрствования.

[7] Лимбическая система — совокупность ряда структур головного мозга, расположенных на обеих сторонах таламуса. Окутывает верхнюю часть ствола головного мозга, будто поясом, и образует его край (лимб). Участвует в регуляции функций внутренних

органов, обоняния, автоматической регуляции, эмоций, памяти, сна, бодрствования и др.

[8] Железа Творения — *glandula creaturae* — орган, открывающий магом доступ к магическим потокам. Расположена в Чревном сплетении и защищена сверхпрочной магической оболочкой — *divina testa* — божественной скорлупой.

Глава 2. Сентябрь 1939

1. Габи

Если верить внутренним часам, на этот раз она отсутствовала чуть меньше тридцати часов. И, судя по ощущениям, все это время отнюдь не спала. Но, если не сон, то что? Она попыталась припомнить, что предшествовало «отлучке». Получалось плохо. Вспоминался олимпийский стадион, но всплывавшие в памяти образы были нечеткими и обрывочными. Какие-то лица, отдельные слова и реплики, мгновенные впечатления и никакой связной картины. А ведь, если это был именно стадион, значит, речь шла о шестом этапе Турнира: о состязаниях в стрельбе из пистолетов и револьверов. Дистанция двадцать метров, шесть выстрелов на скорость по движущейся мишени. Но все это в теории, согласно планам на следующий день, представленным в программке, отпечатанной в дворцовой типографии готическим шрифтом на бумаге цвета слоновой кости. Однако на практике Габи самих состязаний не помнила, и означать это могло одно из двух. Либо она отключилась до начала соревнований, либо у нее случилась ретроградная амнезия. Вот только сами по себе такие нарушения памяти, наверное, все-таки не возникают, им для этого нужна веская причина. И что из этого следует?

Габи в таких вещах совершенно не разбиралась. Она и термин-то этот — *«ретроградная амнезия»* — всего лишь вычитала как-то раз в газете, оставленной на обеденном столе ее благодетелем Бернаром Новаком. Поэтому и не могла сейчас даже предположить, что такое должно было с ней приключиться, чтобы она забыла все вообще: как минимум, шесть-семь часов физического времени, предшествовавших моменту потери сознания. Впрочем, это было, хоть и неприятно, но поправимо. Сейчас она находилась дома, в своей спальне в палаццо Коро, и могла ожидать, что кто-нибудь — брат или домочадцы, — расскажет ей все, что она пропустила.

Придя к такому заключению, Габи несколько успокоилась и взялась изучать саму себя, что называется, с ног до головы. Впечатления оказались смешанными. Руки-ноги, вроде бы, целы, голова на плечах, сердце стучит в привычном ритме, но все это ощущается каким-то не своим, непривычно слабым и, словно бы, отчужденным. То же самое с магией. Она есть, но ее мало, и воспринимается она не как прозрачная родниковая вода, — что было для Габи обычным делом, — а как мутная водичка из ямы, выкопанной близ болота.

«Чем же меня таким приложили?» — удивилась она и тут же отметила еще одну странность. Даже эти острые по самой своей сути вопросы не вызвали в ее душе соответствующего по силе отклика. Разумеется, она не была совершенно равнодушна, вовсе нет. Однако ее эмоции, словно бы, утратили силу. Они тоже стали чужими или, лучше сказать, отчужденными, как ее руки и ноги.

— Вижу, вы проснулись.

Габи повернула голову и увидела Триса, стоявшего в дверях. Ни его присутствия, ни того, как он вошел, она попросту не заметила, что было на нее совершенно непохоже. То ли чутье притупилось, то ли еще и оглохла для полного счастья.

— Рада вас видеть, брат. — Голос прозвучал достаточно твердо, хотя и был несколько хрипловат.

— Как самочувствие? — Вопрос напрашивался, не правда ли?

— Да, вот пытаюсь понять, — честно призналась Габи. — Не то, чтобы плохо, но и не слишком хорошо. Как-то странно... И это меня тревожит. Впрочем, вру. Тревожит тоже как-то не так... Нет привычной силы переживаний, если вы понимаете, о чем идет речь.

— Ну, уже кое-что, — неожиданно улыбнулся Трис, — потому что прежде было совсем плохо.

— Плохо? — переспросила Габи, пытаясь вызвать в себе реакцию, адекватную вопросу, но не находя в душе подходящего отклика. — До какой степени плохо?

— Зависит от того, как будем оценивать агонию и последовавшую за ней кому.

— Агония — это же смерть? — уточнила Габи, ощущая, как постепенно, не сразу и не вдруг начинают возвращаться к ней эмоции.

— Вы были на пути к Стиксу, — кивнул Трис, входя наконец в ее спальню и присаживаясь в кресло, стоящее неподалеку от кровати. — По мнению очевидцев, оставалось всего чуть-чуть: заплатить за перевоз, сесть в лодку Харона, и отчалить от берега...

— Расскажите подробности? — нахмурилась Габи, пытавшаяся сейчас вспомнить, что же такое с ней произошло, ведь агония просто так случиться не может, но, как и прежде не добившаяся успеха.

— А что последнее вы помните?

— Танцевальный вечер в клубе «Модерн»... — начала вспоминать Габи. — Музыка, шампанское, танцевали фокстрот, шимми и чарльстон... Потом, уже дома, я еще почитала книгу перед сном... «Пролегомены эмпатической магии», если мне не изменяет память... И все, как ни странно. Больше ничего.

— Насколько я знаю, все случилось во время состязаний в стрельбе на скорость.

— Я почему-то так и подумала, — призналась Габи, начиная понимать, что дело действительно плохо. Впрочем, она, кажется, постепенно оживала, и это было уже хорошо. — Что именно там случилось?

— Совсем ничего не помните?

— Абсолютно.

— Есть хотите? — спросил тогда Трис, не ответив, Впрочем, на ее вопрос.

— Есть? — Габи прислушалась к своим ощущениям и пришла к выводу, что отнюдь не голодна. Это было странно после тридцати часов небытия, но она действительно ничего не хотела: ни есть, ни пить, ни сходить в уборную.

— Спасибо, — поблагодарила она Трису за заботу, — но нет, пожалуй. Так что там все-таки случилось?

— Случилось покушение, — коротко ответил Трис.

— Серьезно? — Сейчас ей даже удалось удивиться. — На кого? На меня?

— На всех сразу, — усмехнулся в ответ ее брат. — На князя Трентского, на принцессу Эву Сабинию и, верно, за компанию на вашу подружку. Я имею в виду Марию Перигорскую.

— А так разве бывает? — Эмоции, и в самом деле, начали возвращаться, но, по мнению Габи, лучше бы еще немного обождали.

— Оказывается, бывает.

— Дайте-ка мне, что ли, сигарету! — попросила Габи, пытаясь справиться с нахлынувшими на нее вдруг чувствами.

— Не уверен, что это правильное решение, — пожал плечами Трис, — но делать нечего, наш девиз: «хотеть, значит мочь». Держите, сестра!

Он достал из кармана брюк портсигар и, щелкнув крышкой, протянул его Габи. Для этого ему пришлось встать из кресла и подойти ближе к постели.

— Он приходил? — Вопрос не праздный. В общем-то, важный вопрос. В особенности, в свете предполагаемых обстоятельств.

— Не знаю, — Габи взяла сигарету и выжидательно посмотрела на брата. — Или не помню. Но думаю, что не приходил. Он, знаете ли, отказал мне от дома.

Она, и в самом деле, не помнила, приходил ли к ней Источник. Помогал или нет. Но вот их последний по времени разговор помнила во всех деталях.

«Не приходил и не придет!» — Габи закурила, подпалив кончик сигареты своим собственным Огнем, затянулась, выпустила дым. Голова не закружилась, и, значит, дела обстояли не так плохо, как могло показаться в начале.

— В общем, не знаю, — повторила она свою прежнюю мысль. — Но давайте, Трис, вернемся к нашим баранам. Рассказывайте!

— Меня там не было, — предупредил Тристан, возвращаясь в кресло. — Так что, все, что я знаю, я знаю из рассказов очевидцев и из первичного доклада императорской службы безопасности. Картина произошедшего восстановлена до сих пор не полностью и вызывает много вопросов, но это то, что у нас есть на данный момент...

Тристан рассказывал подробно, не упуская важных, с его точки зрения, мелочей, но, отвлекаясь время от времени на расширенные комментарии, если считал их совершенно необходимыми. Габи слушала его, как всегда внимательно, и практически не прерывала рассказ уточняющими вопросами или сторонними замечаниями. Время всему этому придет несколько позже, тогда, когда уляжется пыль, и Габи проанализирует все известные ей факты в совокупности. Пока же она довольствовалась теми выводами и предположениями, которые по ходу дела озвучивал рассказчик.

Императорская служба безопасности выдвинула предположение, что изначально заговор был направлен против герцогини Перигор. Кто его составил и зачем, выяснить пока еще не успели, но казалось вероятным, что это кто-то из трех возможных — в случае ее смерти, — претендентов на герцогскую корону. Скорее всего, на практике действовал против нее наемник или даже организованная группа наемников. Магов среди них не было, да они им были и не нужны, так как наемными убийцами был придуман и осуществлен весьма оригинальный способ покушения: выстрел из снайперской винтовки в момент состязаний по стрельбе. В этом случае внимание всех присутствующих, — в том числе и охраны, — будет приковано к очередному соискателю руки и сердца принцессы Эвы Сабинии. К тому же выстрелы из револьвера или пистолета заглушат тот единственный выстрел, который будет иметь значение и который должен был прозвучать во время выступления князя Трентского. Так все на самом деле и случилось. Стрелок нажал на спусковой крючок как раз во время пятого выстрела, вернее в промежутке между пятым и шестым выстрелами. Но ему не повезло. Каким-то образом его вычислила Габриэлла Э'Мишильер, и резонно предположив, что целью покушения является принцесса, прикрыла ее воздушной стеной, заодно отбросив в сторону летевшую к ложе пулю. О том, что пуля предназначалась не Эве Сабинии, а герцогине Перегор, аналитики службы безопасности узнали несколько позже, просчитав ее первоначальную траекторию. Габи же этого знать не могла, — во всяком случае, не в то мгновение, — но на всякий случай прикрыла и других женщин. Следующим вполне просчитываемым ходом Э'Мишильер была контратака, но тут все, собственно, и началось.

— Какова вероятность, что три независимые группы совершают покушение на трех разных людей в одном и том же месте практически одновременно, в момент, когда на позиции находится князь Трентский?

— Хороший вопрос, — согласился Трис. — Увы, никто не знает на него ответ. Я в их числе. Смахивает на оперу буф или на плохой детектив, но все, к сожалению, происходило на самом деле и именно так, как я рассказываю.

— Как я контратаковала?

— Молнией с правой руки, — сразу же ответил Трис. — Хочу заметить, сестра, вы такого еще не делали. Такой высокой интенсивности заряда от вас никто не ожидал. В том числе и я. Там все сгорело напрочь: и стрелок, и его винтовка, и вообще все в радиусе трех метров. Для такого результата потребна огромная сила. К тому же скорость реакции...

— Что с ней не так? — поинтересовалась Габи, начинавшая понимать, что все без исключения пошло там и тогда совсем не так, как можно было бы ожидать.

— Очень быстро, — объяснил Трис. — Я бы сказал, слишком быстро. Но ударили вы только после того, как прикрыли всех, кого только возможно. Необходимость в этом, по всей видимости, возникла в тот момент, когда вы обнаружили еще двух снайперов...

Габи слушала, и чем больше рассказывал ей Трис, тем сильнее она недоумевала.

— Но как такое возможно?!

— Возможно, — пожал плечами Трис, — если предположить, что те две неустановленные группы, которые готовили покушение на Александра и Эву Сабинию, каким-то образом узнали о заговоре против Марии и решили воспользоваться им, как прикрытием. Знали ли они друг о друге, пока неизвестно. Но, воспользовавшись ситуацией, они попытались применить тот же самый метод: снайперские винтовки и минимум магии.

— Как вышло, что отреагировала одна я?

— Хороший вопрос, — согласился с ней Трис. — Но у меня нет на него ответа. Могу только предположить, что у вас, Габриэлла, кроме основного Дара и таланта проецировать силу вовне, в минуту опасности проявился еще и редкий Дар настоящего боевого мага — Охотничье чутье. Иначе все это никак не объяснить. Вы первая обнаружили опасность, и первая начали действовать. Весьма эффективно, если воспользоваться эвфемизмом. По мнению свидетелей, в какой-то момент вы одновременно манипулировали семью потоками, относящимися к трем разным стихиям. А это, знаете ли, нечто такое, о чем еще долго будут говорить, как о выдающемся достижении.

«Выдающееся достижение, — повторила она про себя. — Особый Дар...»

Что-то колыхнулось на краю еще не вовсе пришедшего в порядок сознания. Что-то важное... Любопытное...

— Трис, — спросила она, буквально на ходу додумывая пришедшую ей в голову мысль, — истинная телепатия возможна?

— Именно истинная? — уточнил мужчина. — То есть, чтение мыслей?

Среди магов, порой, встречались люди с весьма странными и зачастую редкими способностями, однако ни экстрасенсорная эмпатия, ни поверхностная телепатия, позволяющая улавливать владеющую человеком *общую идею* или намерение — не были такой уж редкостью. А вот по поводу истинной телепатии Габи до сих пор, кроме самого термина, ничего не знала. Ну, разве что то, что чтение мыслей одаренного невозможно в принципе.

— Да, — подтвердила она. — Я имею в виду чтение мыслей.

— Ну, что ж, — улыбнулся Трис, — не даром говорят, что великие умы мыслят схоже. Я тоже подумал о телепатии. Она возможна, но встречается крайне редко. Кроме того, маги, владеющие этим искусством, предпочитают, — что не странно, — о своих способностях не распространяться.

— Значит, если при дворе... — предположила Габи, голова которой работала сейчас гораздо лучше, чем еще пару минут назад.

— Или где-то поблизости, — кивнул тан.

— Кто-то может читать мысли, — продолжила Габи. — Этот колдун...

— Или колдунья...

— Да, — согласилась Габи. — Или колдунья. Но пол сейчас не важен. Важно, что этот маг мог знать о заговоре, направленном против Марии...

— Или о том, что вы не совсем та, за кого себя выдаете...

— Одно к одному, — согласилась Габи. — И, если человек этот не только читает мысли, но и может их вкладывать в чужие головы...

— Тогда понятна синхронизация покушения, — кивнул Трис. — Красивая схема, но небезупречная.

— Что вас в ней не устраивает? — Габи понимала, Трис успел обдумать эту версию «от и до».

— Почему два дополнительных покушения, а не одно?

— Если цель — Эва Сабиния, — предположила Габи, — то все остальное для отвода глаз. Ему же надо было запутать следствие.

— Неплохая версия, — согласился мужчина, — но и она недостаточно подкреплена фактами.

— Ну, — задумалась было Габи. — За тридцать часов большего и не накопишь. Стрелки мертвы?

— Ты убила всех, — подтвердил брат. — Совсем ничего не помнишь?

— Ничего...

— А жаль, — неожиданно хмыкнул Трис. — Было бы любопытно узнать, как ты умудрилась удерживать семь потоков одновременно.

— Мне тоже, — нахмурилась Габи, твердо зная, что она на такие подвиги не способна.

«Или была неспособна? Что если это и есть последствия, о которых говорил ей Источник?»

Возможно, она просто не знала пока границ своей силы и всех особенностей своего Дара?

— Расскажите теперь, что было дальше, — попросила она после довольно долгой паузы.

— Дальше, как поведала мне герцогиня Перегор, вы, сестра, собрались умирать, — сказал Трис, и Габи сильно не понравилась интонация, с которой он это сказал. — Князь Трентский... Все сходятся на том, что, если он обязан жизнью вам, то вы обязаны жизнью ему. В общем, он, разумеется, не целитель, но, по-видимому, знает и умеет гораздо больше, чем многие дипломированные лекари. Так вот, он не понимает, что именно с вами произошло, но высказал гипотезу, что вы интуитивно — в условиях жесточайшего стресса, — воспользовались Даром, не успевшим еще по-настоящему раскрыться и укорениться. Как следствие, ваш организм, не будучи готов к таким нагрузкам, пошел вразнос. Это несколько похоже на случаи врожденной дисгармонии между силой Дара и

способностью нервной системы к ней адаптироваться. Однако, повторюсь, это всего лишь предположение ученого, а не диагноз, поставленный врачом или целителем...

Следующие полчаса Трис рассказывал ей, в каком она была состоянии в тот момент, когда Зандер Трентский приступил к реанимационным мероприятиям. Что он увидел, подойдя к ней, и что сделал потом. Кто еще помогал ему спасти Э клана Мишильер и чем именно. В общем, как все происходило. И надо сказать, Габи услышанное совсем не понравилось.

— В конце концов, ему удалось стабилизировать ваше состояние и удерживать вас наплаву до того момента, как прибыли врачи из университетской клиники. Затем уже они колдовали над вами часа три подряд, пока не запустили все ваши внутренние органы по новой, одновременно активировав вашу «железу творения». Я в это время уже был рядом с вами, — меня оповестил один из наших кланников, находившийся в тот момент на стадионе, — и как только опасность миновала, забрал вас домой. Это случилось двадцать пять часов назад. В себя вы все это время не приходили... Но есть еще одна вещь, о которой вам следует знать. Сейчас вы, разумеется, ослаблены, сестра, но, полагаю, это быстро пройдет. Всего лишь остаточное действие примененной к вам врачами интенсивной терапии. Но речь не об этом, а о вашем Даре.

— Надеюсь, на этот раз я его не утратила? — встревожилась Габи.

— Успокойтесь, сестра, — улыбнулся ей Трис. — Ничего вы не потеряли. Скорее, приобрели.

— Вы говорите об «охотничьем чутье»?

— И о нем тоже, — кивнул тан, — но, прежде всего, о вашей силе.

— О моей силе? — не поняла его Габи.

— Сейчас у вас, моя дорогая сестра, пятнадцатый ранг в стихии Воздуха, тринадцатый — Огня и десятый — Воды и Земли. Вы превратились во вне рангового универсального мага, совсем немного не дотянув до моего уровня. Как вам такая новость?

— Если честно, я в ужасе, — почти искренне улыбнулась в ответ Габи. — Я просто стою на пороге жесточайшей истерики.

— Увы, но я вам не верю, сестра, — покачал головой Трис. — Такие женщины, как вы, обычно не склонны к истерикам, но вот о рассудке, нам с вами придется подумать самым серьезным образом. Нам только вашего безумия не хватает для полного счастья, все остальное у нас уже есть...

2. Габи и Трис, Сентябрь 1939

Трис пришел к ней поздним вечером, почти ночью. Прислал камеристку Камиллу, спросить, не занята ли, — подразумевалось, не спит ли часом, — и, получив приглашение, зашел. Время приближалось к полночи, но Габи действительно не спала. Сидела, укрывшись пледом, в уютном кресле, придвинутом едва ли не вплотную к разожженному камину, читала «Биржевые ведомости» и пила горячий травяной сбор с медом. Хотя после покушения на Олимпийском стадионе прошло целых четыре дня, ей все еще нездоровилось. Впрочем, уже не лежащая больная, какой была сразу после инцидента. Тем не менее, в теле все еще ощущалась порядком раздражавшая ее слабость, кружилась приступами голова и все время немного знобило. А еще ее клонило в сон, и по-прежнему отсутствовал аппетит. Поэтому, — а еще, потому что на этом настаивала Серафина, — из дома Габи пока не выходила, и сама почти никого не принимала. Компанию ей в эти дни составляла в основном одна лишь дама Конкордия. Трис, как обычно, был чем-то сильно занят, а остальных, если честно, Габи просто не хотела видеть. Ссылалась на недомогание и вежливо отказывала от дома. Даже трем людям, считавшимся — и не без причины — ее близкими друзьями: принцессе Эве Сабинии, князю Трентскому и Марии Перигорской. Другое дело Трис. Он ее старший брат и глава клана, и, хотя бы поэтому, не нуждается в особом приглашении, да и в разрешении тоже. Палаццо Коро — его дом, и здесь именно он устанавливает правила. Но Тристан Мишильер — человек воспитанный в лучших традициях франкской аристократии и своей властью никогда не злоупотребляет. Вот и сейчас, ведь явно пришел не просто так, а по делу, и все равно, сначала осведомился о том, не помешает ли, и только затем зашел в гостиную.

— Как ваше самочувствие, сестра? — спросил, поздоровавшись.

— Соврать или сказать правду? — почти улыбнулась в ответ Габи.

— Предпочитаю правду, — ожидаемо ответил Трис и, добавив сакраментальное «с вашего позволения», придвинул к камину еще одно кресло.

— А Серафина что, уже не докладывает? — Габи отложила газету, мгновение смотрела на огонь и наконец перевела взгляд на Триса.

— Хотелось узнать из первых уст...

— Значит, правду, — дернула Габи губой.

— А правда такова, брат, — произнесла почти в раздражении, что было для нее отнюдь нехарактерно, — я все еще не в форме, если вы об этом, и поэтому не могу приступить к тренировкам.

— Печально, но поправимо, — Трис все еще стоял, не отходя, впрочем, от кресла. На Габи он сейчас не смотрел, оглядывал гостиную. Он явно что-то искал, и Габи догадывалась, что именно.

— Можете не искать, Тристан, — пожаловалась она. — Вина нет. Серафина все забрала.

Пристрастия к крепким напиткам Трис прежде за сестрой не замечал. Могла, конечно, по случаю выпить или даже напиться, но только в определенных обстоятельствах. В компании Эвы Сабинии, например, или от сильного расстройства чувств. Однако особой склонности к алкоголю или наркотикам она при этом не обнаруживала. Но, разумеется, он

мог ее понять: пятый день сидеть затворницей в четырех стенах и болеть, чего Габи делать абсолютно не умела, не говоря уже о том, чтобы любить. Для нее это то еще испытание воли. Можно захотеть и бокал вина или даже два.

— Да, не смотрите вы на меня так, — поморщилась Габи, догадавшаяся, верно, о чем он думает. — Мне до алкоголизма, Трис, как до Арденн... на четвереньках.

Трис по-видимому догадался, какое слово она хотела употребить, но постеснялась произнести вслух. Это ведь секрет Полишинеля, что абстинентная лексика не чужда некоторым молодым дамам из высшего общества, но такие слова и выражения дамы обычно используют только в своем кругу.

— Кстати об Арденнах, — повернулся к ней Трис. — Я, собственно, за этим к вам и пришел, Габриэлла. Завтра мы уезжаем на север, в наш замок шато д'Агрмон. Это в Арденнах, если помните, в долине Мааса недалеко от Намюра. Поживем там пару недель в тишине и покое. Осень в тех местах необычайно красива. Река, ручьи, зеленые пастбища и разноцветье лиственных лесов на пологих склонах гор. В основном, там растут дуб и бук с берёзой. И еще, кажется, ясень, но встречаются и ельники. Погуляем, подышим свежим воздухом, насладимся местными кулинарными изысками. Вы же любите картофель? Поохотимся на кабанов и рысей, попьем местного вина... Впрочем, вру. С вином там, прямо скажем, не дружат, хотя, видят боги, Шампань находится буквально под боком. Но нет, предпочитают крепкое пиво. Ощущается сильное влияние Валлонии и Брабанта, но зато и пиво у них отменное.

— Очень поэтично, — прервала его дифирамб чуткая к нюансам сестра. — Просто пастораль и парадиз. А на самом деле?

— На самом деле? — переспросил Трис. — На самом деле, сестра, вам следует отдохнуть и окончательно прийти в себя. Набраться сил... Разве это недостаточная причина?

— Мне кажется, что для поездки через всю страну этого все-таки недостаточно, — предположила Габи.

— Что ж, — согласился Трис, — не стану вас обманывать, Габриэлла. Есть еще одна, — особая — причина для того, чтобы уехать в шато д'Агрмон. Об этом я как раз и хотел с вами поговорить тет-а-тет. Замок хорош тем, что стоит на отшибе. До города десять километров, и в это время года постоянные обитатели других имений, расположенных поблизости, обычно отсутствуют. Так что мы будем предоставлены самим себе и сможем заняться кое-какими делами, не терпящими посторонних глаз и ушей.

— Запретная магия? — удивилась Габи.

— Скорее, засекреченная и неизвестная, — уточнил Трис.

— Неизвестная кому?

— Надеюсь, что большинству окружающих нас здесь людей.

— Тогда, позовите кого-нибудь из слуг, — предложила Габи. — Прикажите подать вина, садитесь в кресло, раз уж придвинули его к огню, и рассказывайте! Ведь я же вижу, вам есть, что рассказать, я права?

— Как всегда, — улыбнулся ей Трис.

Он не стал нажимать на электрический звонок, а напрямую связался с буфетчиком, используя магию палатки. Четко, простыми короткими фразами вбил приказ прямо в голову слуги и только после этого сел в кресло напротив Габи.

— Итак, — поощрила она его.

— Видите ли, сестра, у меня никак не шел из головы наш разговор. Тот самый, что

состоялся сразу после того, как вы пришли в себя. Вернее, один, обсуждавшийся тогда нами вопрос. Я имею в виду истинную телепатию. И знаете, Габриэлла, у меня было такое чувство, что где-то я об этом уже читал или слышал. Обычно я ничего не забываю, но тут, скорее всего, речь шла о каком-то мимолетном впечатлении. Тогда, я напряг память и все-таки вспомнил. Что-то такое о телепатии и ментальной магии упомянул при мне однажды наш великий отец. Вскользь упомянул. Мимоходом, показав мне при этом одну старую книгу. В общем, я ринулся в архив и нашел там ту самую книгу. На поверку, она оказалась не такой уж и старой. Да и не книга это вовсе, а рукопись книги, которую, судя по надписи на первом листе, презентовал отцу сам автор. Его звали Алессандро д'Анкона. Он был профессором Римского Коллегиума, но его книга *«Психогеника[1]. Магия высшей и низшей психики»*, как мне кажется, так никогда и не увидела свет. Не знаю, отчего так случилось. Явно не из-за запрета властей, цензуры или еще чего-нибудь в том же роде. В начале прошлого века в Риме можно было издать любую ересь, и другие книги д'Анконы, числом более двадцати, — я проверил вчера в каталоге императорского собрания, — были опубликованы без каких-либо затруднений. Вот, собственно, этой книгой, вернее, тем, о чем написал профессор д'Анкона, мы с вами теперь и займемся.

— Будем учиться читать мысли? — В глазах Габи зажегся нешуточный интерес и, вроде бы, даже хворь отступила.

— Увы, нет, — покачал головой Трис, он тоже был в некоторой степени разочарован и не считал нужным это скрывать. — Я даже не уверен, что этому можно научиться. Истинная телепатия, сестра, если она действительно существует, — это какой-то уникальный талант. А профессор д'Анкона пишет в своей книге о сложных или, скорее, изоощренных ментальных техниках, с помощью которых, даже не имея сильного Дара, можно защитить свой разум, память и чувства от нежелательного вторжения.

— Ментальный щит! — Не посчитав нужным скрывать свои эмоции, Габи даже зажмурилась от удовольствия. Трис был вторым человеком после баронессы де Грамон, перед которым она могла, пусть и ненадолго, приоткрывать мир своих истинных переживаний. — Даже не верится, что такое возможно!

— Возможно все! — улыбнулся ей Трис. — Часто мы просто не знаем, как этого добиться.

— А д'Анкона, значит, знал?

— Судя по всему, он сам эти техники и разработал.

— Техники? — испытующе взглянула на брата Габи. — Множественное число подразумевает, что...

— Техник несколько, — закончил за нее Трис. — Тут есть еще один небесполезный в нашем случае инструмент. Я об этом не знал, но, оказывается, можно научиться скрывать свою истинную силу, а, возможно, и наличие Дара вообще.

— То есть, как? — опешила Габи.

— Так, что кто-нибудь вроде меня не узнает, что перед ним находится маг, или не сможет определить уровень вашего Дара.

— Моего?

— В том числе и вашего, — усмехнулся Трис, вполне оценив искренность ее смущения.

— Да, — вздохнула она. — Мне бы это пригодилось...

И в самом деле, никто в столице не знал пока, что ее Дар претерпел существенные и настолько драматические изменения. Так что, не приходилось сомневаться, что рано или

поздно, но кто-нибудь об этом обязательно узнает. Узнает и, разумеется, будет сильно удивлен. И тогда возникнут вопросы, ведь прирост силы никогда не происходит вдруг и без причины. Однако в том-то и проблема, что Габи никому ничего не могла объяснить. Ей нечего было сказать по существу вопроса. Зато кто-нибудь, знающий чуть больше, чем другие, мог догадаться, о чем на самом деле идет речь, догадаться и взять след.

— Вот поэтому я и хочу увезти вас в Арденны, — продолжил свою мысль Трис. — Ненадолго, всего на две, максимум, на три недели. Мне тоже, знаете ли, не стоит надолго оставлять столицу в такое смутное время. Но и вам здесь оставаться сейчас нельзя. Поэтому уедем от греха подальше, а когда вернемся, будем уже во всеоружии и готовы к возможному противостоянию, кто бы это ни был.

— Значит, не у одной меня паранойя...

— Нет, не у одной вас, сестра. И полагаю, наша с вами паранойя полностью оправданна. Поэтому будет разумно прикрыть от чужих глаз свои мысли, чувства и воспоминания и претвориться, что у вас не появилось никаких новых талантов и не увеличилась сила Дара. Меньше будет ненужных вопросов...

— Полностью с вами согласна, Тристан, — наконец улыбнулась Габи. — Поедем вдвоем?

— Да, — озвучил Трис очевидное. — Чем меньше людей посвящены в семейные тайны, тем лучше. Возьмем только охрану и несколько слуг.

— Знаете, брат... — Габи замолчала, потому что как раз в этот момент в дверь постучали.

Это пришла служанка. Получив позволение, она вкатила в гостиную сервировочный столик, поставила его на стопор около кресел Габи и Триса, сняла серебряный колпак с блюда, на котором были разложены аккуратно нарезанные ломтики сыра бри, и белую салфетку с фарфоровой вазы с крошечными пирожками, показала Трису бутылку с белым вином, получила одобрителный кивок — «спасибо, Эмилия, дальше я сам», — и быстро покинула тана и его сестру.

— Мне налейте тоже! — потребовала Габи.

Трис посмотрел ей в глаза, встретил жесткий давящий взгляд серых глаз и только пожал плечами.

— Вы уже взрослая девочка, Габриэлла, — сказал, вынимая пробку из бутылки. — Сами можете решать. Кстати, вы видели, как я достал пробку?

— Создали вакуумную лауну над бутылкой...

— Увидели или догадались? — поинтересовался Трис.

Он не переставал учить сестру при каждом удобном случае, не упустил представившейся возможности и сейчас. Слишком многому ей предстояло научиться за очень короткое время. Слишком сильными были случившиеся с ней изменения. За четыре месяца, прошедшие с их первой встречи, она из слободской девчонки-слабосилка с третьим уровнем Дара Земли превратилась в его сестру — аристократку, Э клана Мишильер и могущественного универсального внерангового мага. Пятнадцатый уровень Воздуха, тринадцатый — Огня и десятый — Воды и Земли — таких колдуний в империи раз-два и обчелся, но и ответственность, соответственно, велика, и люди ждут от нее гораздо большего, чем она способна показать. Допустим, свою боевую мощь коннетабль клана Мишельер уже успела продемонстрировать во время покушения, но вот мелкое, обыденное и обиходное колдовство — это совсем другое дело. Его от нее ждут никак не меньше, чем

демонстрации боевого могущества.

— Итак?

— Увидела, — усмехнулась Габи, наблюдая за тем, как Трис разливает вино по бокалам. — Вы же знаете, брат, теперь я могу видеть потоки Воздуха. Так что увидела во всех подробностях и наверняка смогу повторить сама. Вы же специально все сделали медленно?

— Верно. Но вот вам домашнее задание, Габриэлла. Придумайте сами не менее двадцати способов открывания бутылки с помощью разных стихий и их сочетаний.

— Развиваете мою креативность?

— Почему бы и нет?

— Дайте сигарету! — потребовала Габи, увидев, что Трис достает портсигар.

— Проверяете границы дозволенного? — усмехнулся он. — Ладно держите. Вы взрослая, сами можете решать.

Закурили. Трис ждал реакции организма сестры, но табачный дым подействовал на нее парадоксальным образом. Голова у нее явно не закружилась, но зато щеки неожиданно порозовели.

— Перед тем, как нас прервали, — сказал он тогда вслух, — вы начали мне что-то говорить.

— Ах, это, — кивнула Габи. — Да, хотела сказать, что я в жизни никогда не путешествовала. Даже из Поймы в центр города ни разу не выезжала. Так что путешествие мне в диковинку. Отсюда вопрос: как мы будем добираться? Далеко ли нам ехать? Долго ли?

— Вы задали три вопроса, но я, так и быть, отвечу на все, — Трис пыхнул сигаретой и, стряхнув пепел, который тут же исчез в короткой огненной вспышке, сделал глоток вина. — Поедем на машине. Поведу я. Слуги — на другой. Ехать тут недалеко — около семисот километров через Дижон и Реймс. Дорога хорошая, — шоссе, — так что доберемся быстро, часов за десять. Нам же в пути надо будет передохнуть разок-другой, сходить в туалет, перекусить. Выйдем часов в восемь утра. Нужно дать слугам время собрать вещи. К шести вечера будем на месте. Я уже позвонил мажордому замка. Они все подготовят к нашему приезду. Комнаты, постели, обед и все прочее. Вечером отобедаем, отдохнем, прогуляемся по парку, если не будет дождя, — впрочем, его не будет, я не позволю, — а с утра за работу. Как вам такой план?

— Я вся в предвкушении! — улыбнулась Габи, которой не терпелось уже выехать из города, увидеть новые места, вдохнуть полной грудью воздух свободы, узнать, что это такое — замок в горах, попробовать местного крепкого пива, поохотиться с ружьем или арбалетом, погулять по расцвеченным осенью лиственным лесам.

— Ну, вот и славно, — ответно улыбнулся Трис и поднял свой бокал:

— Ваше здоровье, сестра! И знаете, что, в тартар все эти условности и этикет туда же. Вне официальных приемов, я для вас Трис, а вы для меня — Габи.

— Тогда, возможно, мы могли бы перейти на «ты»? — осторожно поинтересовалась Габи, явно впечатленная его словами.

— Непременно! — кивнул Трис. — За тебя, Габи! За Э клана Мишильер и мою любимую младшую сестру!

«Приятно, черт возьми!» — отметила мысленно Габи, но вслух ничего не сказала, лишь отсалютовала брату бокалом и сделала первый глоток...

***

Дорога до шато д'Агремон заняла чуть больше девяти часов, и это при том, что ехали спокойно, скорость держали умеренную, — в общем, не так, как, дай ей волю, вела бы машину Габи, — и останавливались везде, где хотелось. Захотелось, впрочем, лишь дважды. В первый раз, немного не доезжая до Дижона, в городке под названием Сент-Фелибер. Ничем не примечательное местечко, но поздний завтрак, который они себе там устроили, оказался выше всяческих похвал. Во всяком случае, здесь у Габи наконец прорезался хоть какой-то — пусть даже робкий, — аппетит. Еще не тот «лютый голод», который терзал ее еще совсем недавно, но петух, тушеный в вине Шамбертен, ей все-таки понравился. Она съела всю порцию, отдав должное и бургундской маре, местной виноградной водке, напоминающей по вкусу милую ее сердцу граппу из Фриули. Под изумительно вкусное мясо и под настроение Габи выпила три крошечных рюмочки, граммов по двадцать пять-тридцать каждая. Настроение поднялось еще выше, и всю дорогу до Реймса в буквальном смысле ожившая Габи расспрашивала Триса о том, чем различаются такие понятия, как «психика», «интеллект» и «разум», и как ко всему этому относятся такие определения, как «ментальный», «умственный» и «когнитивный». И где, в этом случае, находятся чувства, память и душа? А еще ей хотелось понять, являются ли «чувства» и «эмоции» синонимичными понятиями или нет? Вопросов было много, но Трис знал ответы на любой из них и, пожалуй, был даже рад, что сестра их ему задает.

— Понимаешь, Габи, — сказал он ей в Реймсе, когда, сделав вторую остановку, они устроились в элегантном кафе, где их угостили чудесным розовым шампанским и реймскими ванильными бисквитами, — все эти вопросы крайне важны именно сейчас, когда мы будем учиться ставить ментальные блоки и перекрывать доступ к нашей памяти и эмоциям. Будем считать, что это вводное занятие: пролегомены[2], так сказать, теории вопроса.

Габи не возражала, ее интерес был тем и вызван, что она не слишком хорошо представляла себе, что именно предстоит научиться защищать и от чего. В школе, имея в виду Пойму и окрестности, такому, разумеется, не учат. Так что, по факту, Габи восполняла сейчас недостатки своего образования, получив вместо школьной программы пять часов великолепных лекций, прочитанных ей персонально одним из самых эрудированных людей империи франков. Казалось, Трис знает буквально все. Удивляло лишь то, как успел он узнать так много в таком молодом возрасте. Габи очень хотела его об этом спросить, но интуиция подсказывала, что делать этого не стоит, и она заставила свое любопытство замолчать, хотя и предполагала, что не все так просто с этим его знанием, как может показаться на первый взгляд. Ведь могло стать, что Трис не так молод, как говорит. Возникало у нее временами чувство, что он сильно старше своих лет. Это было любопытно, но не более того. Учитывая ее собственную историю, истинная биография Триса могла оказаться не менее оригинальной. Однако не все сразу. Возможно, когда-нибудь он ей расскажет подлинную историю своей жизни, но случится это, по всей видимости, нескоро, если вообще когда-нибудь произойдет. А пока, завершив вчерне экскурс во вселенную сознания, разума и интеллекта, Трис перешел к описанию эмоционально-волевой сферы[3] человека.

— Постой, постой! — остановила его Габи, когда он начал объяснять ей природу аффекта. — Получается, что чувство, эмоция и аффект — это принципиально разные явления?

— Красиво сформулированный вопрос указывает на хорошее домашнее образование, — усмехнулся в ответ Трис.

— Не заговаривай мне зубы!

— Я думал, что делаю тебе комплемент, — улыбнулся брат и отсалютовал ей чуть приподняв свой бокал. — А ответ на твой вопрос однозначно прост. Да, это разные, хотя и взаимосвязанные явления. Соответственно, контроль над ними достигается разными, пусть и похожими друг на друга способами. А сокрытие истинных чувств и сиюминутных эмоций — это настоящее искусство, не говоря уже об аффекте, который суть взрывной — а значит, интенсивный и кратковременный, — отклик человека на уже возникшую ситуацию, что и отличает его от чувств, настроений и эмоций. Скрыть бурную реакцию на слово или поступок другого человека совсем непросто, хотя тебе это чаще всего вполне удастся. Однако замаскировать внешние проявления аффекта — это одно, а скрыть сам аффект от чуткого к чужим эмоциям мага — совсем другое. Ты это хорошо делаешь, потому что у тебя невероятно быстрая реакция, сильная воля и великолепная самодисциплина. Но даже я — хотя я ни разу не эмпат, — порой способен почувствовать твой «нерв». А техники Алессандро д'Анкона позволяют скрывать не только чувства и эмоции, но и аффективные реакции даже от самых сильных эмпатов. Во всяком случае, должны скрывать по утверждению профессора.

— А что, если он ошибался?

— Закономерный вопрос, но профессор пишет, что на продвинутом этапе овладения его техниками у сильных магов появляется неведомая им прежде способность к детальному самоконтролю. То есть, ты сама будешь знать, получается у тебя или нет.

— Но как я узнаю, что это не самообман? — уточнила Габи, переварив очередную порцию непростых для понимания откровений.

— Узнаешь, — Ее вопрос Триса не удивил. Скорее всего, он и сам его себе уже задавал. — Истинная рефлексия[4] — это ведь тоже одна из техник, которые предлагает д'Анкона. Оценка правдивости своих ощущений — это, по его мнению, необходимый элемент ментальной защиты. Без этого никак.

На этом разговор прервался, поскольку пора было снова отправляться в путь, но затем лекция естественным образом продолжилась уже в машине, и до самого замка д'Агремон они с Трисом обсуждали различия между так называемыми «техниками общего типа», основанными на когнитивном контроле и ингибиции[5], и «специальными техниками», подразумевавшими использование магии. Впрочем, поговорили и о самой магии. О ее формах, стилях и инструментах. Габи, судя по всему, тяготела к так называемому стихийному профилю. Опыт показывал, что она великолепно, — быстро и точно, — усваивает формулы заклятий и отлично с ними управляется. Несколько хуже, но тоже неплохо, она пользовалась инсталляциями и начертательной магией, хотя порой ей не хватало для этого опыта и эрудиции. С ритуалистикой Габи попросту не успела познакомиться в достаточной мере, но зато манипулирование магическими потоками всех четырех стихий основного ряда давалось ей на уровне интуиции. Она просто знала, что и как нужно делать, или делала, не успев даже толком сообразить, как добилась того или иного результата. И бой на Олимпийском стадионе был в этом смысле едва ли не лучшей иллюстрацией к ее уже сложившемуся модусу операнди[6], судя по всему, включавшему среди прочего и магический инсайт[7].

Габи до сих пор так и не вспомнила, как ей удалось тогда удерживать семь

разностихийных магических потоков одновременно. Да и все остальное, что происходило там и тогда, на арене олимпийского стадиона, было, словно бы, подернуто густым туманом неопределенности. Что она делала? Как и почему? Но по факту, — вернее, со слов очевидцев, — она была первой и, в общем-то, единственной колдуньей на стадионе, кто обнаружил стрелков. Одно это являлось серьезным достижением, в особенности, если речь идет о биографии боевого мага. Однако Габи этим отнюдь не ограничилась. Она прикрыла одних, — кого Огнем, кого Воздухом или Водой, — и убрала с линии огня других, попросту отбросив Зандера ударом воздушного кулака в сторону. А затем — и снова же стремительно, — перешла в контратаку, нанеся противнику *«однозначно непоправимый ущерб»*. Попросту говоря, сожгла всех наемников ударами молний, и все это, с начала и до конца, ни на мгновение не задумавшись, интуитивно чувствуя, что и как должна делать в том или ином случае.

Вообще, тот день оказался для нее поворотным пунктом. Именно тогда дала о себе знать особая магия Народа Тжа, которую она получила от Тадж'А и Тва'А. Один ее любил, во всяком случае, был не против при случае отиметь, другая — ненавидела и хотела убить, но оба поделились с ней своей силой, а добровольно или нет, это уже совсем другой вопрос. Эту силу, разительно отличавшуюся от любой другой доступной ей магии, Габи ощущала и сейчас, понимая при этом, что одной лишь трансформацией во внерангового мага дело никак не ограничилось. Влияние этой особой магии выходило далеко за рамки ее вновь приобретённых талантов. Трансформация Дара, переход на высшие уровни владения силой — все это относилось к магии людей, магия же Источников была совсем другой. Габи это чувствовала, но пока не знала, как именно работать с этой новой для нее силой, и на что эта магия способна. Трису она об этом рассказала только сейчас, решив, что в одиночку со всем этим ей точно не справиться. И брат в очередной раз не обманул ее ожиданий, восприняв ее рассказ со спокойным интересом и пообещав, что будет разбираться с этим вместе с ней и готов поддержать ее во всем, что потребуется для этого сделать. Впрочем, он так же нашел нужным мягко предупредить Габи о ее новом статусе и потенциальных проблемах, связанных с этим статусом.

— Ты же понимаешь, что на данный момент, мы, возможно, единственные люди в империи, которые вообще знают о Разделенных Тжа, — бросил он на нее быстрый взгляд. — А ты, Габи, единственная из людей, кто владеет силой Источников. Ну, или, в крайнем случае, одна из немногих. Это может тебе пригодиться, но может так же стать источником неизвестных нам пока проблем.

— Ну, — возразила на это Габи, — наш Источник, как ты знаешь, отказал мне от дома, а императорский... Жемчужная дама обещала оставить меня в покое. Так что, делить мне с ними теперь, вроде бы, нечего. Даже на новую встречу рассчитывать не приходится, хотя, если честно, по нынешним временам не очень-то и хочется с ними встречаться. Особенно с ней.

— Человек предполагает, а боги располагают, — усмехнулся в ответ Трис, сворачивая с главной дороги на второстепенную. — Могут встретиться другие Источники, или вот эти их волки... Тадж'А сказал, что они живут среди людей. Как знать, не пересекутся ли где-нибудь ваши дороги, их и твои...

***

Оказалось, что шато д'Агремон — это фамильный замок Мишильеров, и не удивительно

поэтому, что в округе — на фермах, в больших деревнях и крошечных городках, — жило больше алеманнов[8], чем франков, и преобладала чисто германская кухня. Поэтому и на поздний обед тану и его младшей сестре слуги подали аутентичные арденнские блюда алеманнского замеса: айнтопф[9] с фасолью и копченой грудинкой, арденнский салат с беконом, рагу из телятины, ретельские сосиски и свинину, тушеную с картофелем. Все очень вкусное и сытное, хотя и приготовлено незатейливо — на крестьянский лад, без великосветских изысков и прочих выкрутасов высокой кухни. Именно поэтому запивали все это кулинарное великолепие крепким нефилтрованным пивом, а не вином. Пиво, к слову сказать, оказалось тоже местным. Его варили в самом замке.

Габи к этому времени успела и устать, — слабость-то пока никуда не делась, — и проголодаться, тем более, что по дороге из Лиона в шато д'Агрмон к ней вернулись наконец хорошее настроение и здоровый аппетит. Так что под разговор с Трисом, наелась она, что называется, до отвала, да и выпила на пару с братом тоже немало. Поэтому ни о какой ванне перед сном речи уже не шло, поскольку сидение в горячей воде на полный желудок могло оказаться роковым, в особенности, после того, как она уже два раза подряд, — и почти без перерыва, — едва не протянула ноги. Габи понимала это даже на пьяную голову, — а крепкое пиво, как выяснилось, бьет по мозгам не хуже вина, — и довольствовалась душем, после которого, едва успев обтереться полотенцем, рухнула на кровать прямо поверх одеяла и попросту отключилась. Причем произошло это настолько быстро, что, проснувшись утром, она обнаружила, что спала голый, — а-ля натюрель[10], — забыв накануне от усталости о ночной рубашке, заботливо приготовленной для нее на этой же кровати ее личной камеристкой Камиллой. Но и это не все. Спала она не только голый, но и не под одеялом, как следовало бы, — исходя из того, что в комнате было по-осеннему прохладно, — а поверх него. И при этом, — вот в чем состояло на самом деле диво дивное, — ничуть не замерзла, а, напротив, даже вроде бы, согрелась. Объяснение этому могло быть лишь одно: она интуитивно организовала себе ночью магический обогрев.

«Знать бы еще, как я это провернула!»

И в самом деле, если бы вспомнить, — но это вряд ли, — что и как она сотворила ночью с помощью магии Огня, цены бы этому умению не было. Ведь одно дело иметь закаленное и тренированное тело, чтобы стоически переживать холод, голод и прочие неприятности, и совсем другое — иметь под рукой колдовскую грелку, которую можно включать и выключать по собственному желанию. Но, увы, вспоминать Габи было попросту нечего, поскольку в тот момент она находилась в бессознательном состоянии, а как осознанно задействовать магическую интуицию, она все еще не знала. Зато, как выяснилось за завтраком, — на который она благополучно опоздала, увлеченная экспериментами с собственным Даром, — это, что не удивительно, знал Трис.

— Что ж, — кивнул он, внимательно выслушав рассказ сестры, перемежавшийся горькими сетованиями на собственную глупость и беспомощность, — я тебя понимаю. Но это, Габи, не одна проблема, а две. Впрочем, я готов помочь тебе с обеими. Обогрев — ценное умение, но магия эта простая. Я тебя сегодня же научу. А вот, как разбудить магическую интуицию, которую ты, судя по всему, использовала сегодня ночью, это совсем другой вопрос. И решается он, к сожалению, не в один присест. Мы этим займемся, разумеется, но сколько это потребует времени и сил, сказать я сейчас не могу. У всех по-разному. Но начнем мы все-таки с другого ценного навыка. Ты должна научиться сжигать алкоголь прямо в крови.

— Алкоголь? — переспросила Габи. — А зачем, собственно, его сжигать? Мы же пьем, чтобы опьянеть, разве нет?

— И да, и нет, — пожал плечами Трис. — Выпила, опьянела, протрезвела. Такова правильная последовательность событий. Вчера, например, оно тебе нужно было, это твое опьянение?

— Я об этом не подумала...

— А, если срочное дело или надо принять бой, что будешь делать? Полезешь под холодный душ?

— Похоже, ты прав, — согласилась Габи. — А когда займемся методиками профессора д'Анкона?

— Сегодня же и начнем, — заверил ее Трис. — Закончивай завтрак, и пойдем в северную башню. Там, наверху есть отличная комната: тихо, спокойно и никто нам не помешает.

Так они и сделали. Поднялись после завтрака на верхний ярус квадратной башни и расположились в простых деревянных креслах, поставленных одно напротив другого у западной и восточной стен. Комната, в которой они сейчас находились, была просторной и совершенно пустой. Винтовая лестница в углу между западной и южной стенами, четыре узких окна-бойницы, однотипные пол и потолок — широкие дубовые доски, лежащие на мощных поперечных балках, и всей разницы, что наверху они видны, а внизу — нет. Ни ламп, ни застекленных оконных переплетов, но стреловидные проемы прикрыты магическими щитами, а на полу вырезана сложная геометрема: гексаграмма со вписанной в нее пентаграммой[11], вписанная в свою очередь в круг, и круг этот, если присмотреться, состоит из соединенных в цепь символов бесконечности. Ну, и, разумеется, весь этот сложный колдовской узор заполнен керубическими символами[12], рунами и буквами греческого, древнееврейского и арабского алфавитов.

Габи видела захваченные этой графической инсталляцией магические потоки, заплетенные прямо над ней в сложный трехмерный узор. В ее воображении потоки, относившиеся к разным стихиям, имели разный цвет. Это была условность, разумеется, к тому же условность простенькая, незамысловатая. Огонь — красный, Вода — зеленая, Земля — желтая, а Воздух — голубой. Впрочем, в общий узор, — как заметила Габи, были вплетены также нити, относящиеся к двум другим стихиям, на которые она прежде никогда не обращала внимания, а может быть, и не видела, не обладая достаточной силой Дара. Серебристый поток Габи идентифицировала, как стихию Жизни, а прозрачную алмазную нить — как силу Разума.

— Ты видишь потоки? — спросил между тем Трис.

— Да, — кивнула Габи. — Отчетливо и, как всегда, в цвете.

— Сколько?

— Шесть?

— Шесть — это хорошо, — улыбнулся тан. — Дар развивается, возможности возрастают. А теперь, Габи, загляни в себя.

— Куда именно? — не поняла она.

— Хорошо, сделаем по-другому, — предложил тогда Трис. — Ты можешь почувствовать свою кровеносную систему?

— Не знаю, — растерялась Габи. — Никогда не пробовала.

— Начинай с сердца, — предложил Трис. — Почувствуй, как оно бьется и попытайся

увидеть сам процесс. Как оно качает кровь, принимая ее через вены и нагнетая в аорту и лёгочную артерию. Ты же учила анатомию и физиологию. Вот и почувствуй теперь сердечный ритм, загляни внутрь системы!

Легко сказать, но совсем непросто сделать. Тем не менее, Габи справилась. Даже сама удивилась, как быстро это у нее получилось. А справившись с первой задачей, она решила и вторую. Увидеть всю кровеносную систему целиком, начиная проследивать вены и артерии от центра, то есть, от работающего сердца, оказалось не так уж и сложно. Зато теперь она физически чувствовала всю свою кровеносную систему и могла визуализировать ее в своем воображении.

— Вижу, — сказала она, не переставая удивляться легкости, с которой смогла разрешить заданный Трисом ребус.

— Отлично! — похвалил он ее. — А теперь, дорогая сестра, давай рассмотрим состав твоей крови...

***

Трис оказался прав, и его идея уехать на время из столицы, полностью себя оправдала. За три недели, что они прожили в Арденнах, в чудном старинном замке шато д'Агремон, Габи полностью оправилась от чудовищного магического истощения, ставшего следствием «боя на олимпийском стадионе». Она окрепла и не только полностью восстановила свою прежнюю форму, но, пожалуй, даже стала физически крепче и сильнее. Во всяком случае, через неделю после приезда, они уже бегали с Трисом по лесам и горам, устраивали скоротечные спаринги, плавали в холодной и быстрой реке и делали многое другое, что не всегда возможно в людном городе или даже в собственном палаццо Коро. А еще они много и вкусно ели, — в особенности, Габи, у которой полностью восстановился ее чудовищный метаболизм, — и охотились сами, добывая оленей, кабанов, кроликов и птицу, так что вскоре замковые повара полностью переключились на меню из дичи. Впрочем, тогда же Габи открыла для себя еще одно нерядовое развлечение: она научилась ловить крупных окуней и судаков, ныряя в реку, и стремительно выхватывать из воды форель в горных ручьях. Забава эта оказалась ей по душе, а жареная и печеная на углях рыба разнообразила их с Трисом стол.

Вернулись к ней и боевые навыки. Однако Габи пришлось порядком попотеть, пока она не укротила бушующую в ней новую силу, чтобы соразмерять «силу посылы» с типом «оружия» и характером «мишени». Проще говоря, чтобы не стрелять из пушки по воробьям и не палить из дробовика по огнедышащему дракону. Эти занятия на свежем воздухе ей тоже понравились, тем более, что Трис научил ее между делом еще паре дюжин ценных для боевого мага колдовских приемов. Ну, и, разумеется, они много и упорно работали над освоением приемов и методов, изложенных в книге профессора д'Анкона. Тщательно прочли рукопись, анализируя те или иные идеи, и шаг за шагом овладели теми методами ментальной защиты, о которых толковал в своей так и не опубликованной книге этот замечательный ученый-колдун.

Несмотря на скепсис, который Габи и не пробовала скрывать, все у нее, в конце концов, получилось. Она достаточно быстро научилась скрывать свои мысли и эмоции, тем более, что это совпадало с ее скрытым, несколько отчужденным от мира и людей характером. Развился ментальный самоконтроль и появилась истинная колдовская рефлексия. И более того, к концу занятий, Габи полностью скрыла от «посторонних глаз» все те изменения в

Даре, которые появились у нее после боя на олимпийском стадионе. Впрочем, оставалось кое-что важное, что пока ей так и не далось. Габи все еще не знала, как целенаправленно и осознанно «включать» магическую интуицию, хотя прекрасно задействовала ее в условиях кризиса. Неосознанно она могла много больше, чем по собственному осмысленному желанию. Но с этим до времени делать было нечего. Только трудиться, надеясь, что когда-нибудь все у нее получится.

Не давалась ей пока и магия Источников. Габи ее чувствовала и иногда даже спонтанно задействовала, но до сих пор не знала, как это у нее получается, и не могла ее контролировать. Все происходило сразу вдруг без какой-либо видимой причины. Просто однажды сам собой засветился окружающий ее воздух, а в другой раз прямо на глазах Габи высох старый дуб. Умер, — листья, все и сразу, опали с него одной плавной волной, — высох и сразу же сгнил, превратившись в мертвую труху. К счастью, такое случалось крайне редко, но все-таки случалось. Магия Источников просыпалась, словно бы, сама по себе, и наверняка неспроста. Во всяком случае, интуиция твердила, что причина должна быть, вот только Габи, сколько ни пыталась разобраться в этом Даре-Проклятии, по-прежнему не понимала, отчего это зависит. Так что и здесь предстояло еще очень много работы, но всех дел, как говорится, не переделаешь, — старики в Пойме говорят, что у правильного человека дел хватает еще на три дня после смерти, — так что, в целом, Габи поездкой осталась довольна, и они с Трисом совсем уже собрались возвращаться в Лион, когда с ней случилось кое-что не менее странное, если конечно не считать странным вообще все, что происходило с Габи, начиная с ее первой встречи с будущим братом...

***

Незадолго до возвращения в столицу, Трис предложил еще раз поохотиться, но уйти на этот раз выше в горы и забраться глубже в лесную чащу. Идея Габи понравилась, и, оседлав лошадей, они спозаранку отправились в путь. Ехали долго и спешили только тогда, когда Трис наконец «услышал» оленя. Вернее, он его почувствовал, воспользовавшись одним из своих поисковых заклинаний, которые бросал время от времени вперед и в стороны. Неожиданно это показалось Габи нечестным или, лучше сказать, не спортивным. Зачем вообще выходить на охоту, если оленя, как и любое другое животное, можно приманить и убить одним лишь колдовством.

— Все, все! — улыбнулся Трис, выслушав ее критику. — С этого момента без магии!

— И правильно! — она спешила и передала поводья сопровождавшему их егерю. — Это будет по-спортивно.

В тот день они выслеживали в лесу матерого оленя и договорились охотиться с одними лишь арбалетами. Охота без ружей и магии показалась им обоим хорошей идеей, но что-то пошло не так, и в какой-то момент Габи овладел настоящий кровавый азарт. Она пробиралась лесом несколько в стороне от Триса, которого сейчас не слышала и не видела за деревьями. Он скользил бесплотной тенью где-то там, метрах в двухстах от нее, и ей оставалось лишь пытаться, подражая ему, двигаться скрытно и быстро. То есть, идти тихо, но при этом не отставать. Ступать осторожно, выбирая место, куда поставить ногу, обходить кустарники и не задевать древесных ветвей. Направление она знала неточно, — только со слов Триса, — и поэтому все время пыталась услышать зверя, заметить его следы или учуять. Мысль, что зверя в лесу можно выследить по запаху, появилась у нее как-то сама по себе, но Габи была настолько занята поисками оленя, что анализировать свои мысли и чувства

попросту не могла. Однако, несколько позже она все-таки догадалась, что мысль эта являлась всего лишь проекцией той внутренней сосредоточенности, в которой она прибывала. И чутье, — чем бы оно не являлось на самом деле, — неожиданно сработало. Олень возник перед нею в отдалении, по-прежнему невидимый и неслышимый за деревьями, но открывшийся перед Габи благодаря своему особому острому запаху. Поймав направление, она ускорила, но испуганное животное, — не ясно было только, кто или что его вспугнуло, — тоже не стояло на месте. Пришлось еще прибавить хода, чтобы не потерять в глухом лесу взятый след. Но догнать оленя при такой скорости движения было невозможно. Он уходил, и понимание этого разом вскипятило Габи кровь и заставило ее двигаться еще быстрее. А потом, — это случилось как-то сразу вдруг, — она ощутила себя хищником, догоняющим дичь, отбросила ставший ненужным ей теперь арбалет, скинула теплую куртку и сапоги и побежала босиком, налегке. Сначала ее вел запах оленя, но затем она почувствовала эманацию жизни, с вплетенными в нее нотками панического ужаса, и это оказалось куда лучше. Разом взбодрило, придало сил, толкнуло вперед. Габи легко бежала через лес, все время на самую малость, увеличивая скорость, и, в конце концов, настигла жертву. Увидела оленя, ускорила и, наконец, поймав верную дистанцию, прыгнула, мгновенно оказавшись у зверя на спине ...

— Ну, и что это было? — спросил Трис, обнаружив обессилившую Габи и убитого ею оленя.

— Похоже, я действовала не как человек, а как хищник, — нехотя призналась она. — Почуяла, догнала и сломала ему шею. Даже не знаю, как смогла, и не спрашивай, зачем. Если бы вовремя не очнулась, наверное, разорвала бы ему горло и стала пить кровь. Но боги были милостивы ко мне. До такого безумия я все-таки не опустилась, но, поверишь, в тот момент мне это казалось хорошей идеей.

Помолчала, испуганно глядя на брата, и добавила едва ли не шепотом:

— Ну, не вампир же я? Правда? Или вампир? Не оборотень... Это точно. Одежда цела. Но гон, Трис! Я же устроила настоящий волчий гон! И запах звериный чувствовала, и прыгнула прямо ему на спину... Метров с семи-восемью, я думаю... Откуда только силы взялись? Я же ему шею свернула. Ты видел, какая у него шея? А я ее раз, и все!

— Но кровь пить не стала, ведь так? — успокоил ее Трис. — И значит, никакой ты не вампир, милая. Вампир бы не удержался от соблазна, а ты к оленю даже не притронулась...

— Это утишает, — тяжело вздохнула Габи. — Но что же я такое, Трис? Кто я такая?

— Моя сестра, разве нет? — усмехнулся он в ответ. — Еще, кажется, Э клана Мишильер. Ведь я ничего не путаю? Подруга принцессы Эвы Сабинии и один из сильнейших боевых магов империи. А то, что произошло сегодня... А что, собственно, произошло? — подмигнул он Габи. — Ты догнала оленя и убила его без магии и оружия, как одна из тех валькирий древности, что сражались с врагом наравне с воинами-мужчинами.

— Но такие, как Брюнхильда[13], больше не рождаются, — возразила Габи.

— Как знать, — пожал плечами Трис. — Времена меняются, и на смену старым героям приходят новые...

[1] Автор знает, что это слово обозначает совсем не то, что имеется в виду в этом рассказе. Просто слово понравилось.

[2] Прологомены — рассуждения, формулирующие исходное понятие и дающие предварительные сведения о предмете обучения; разъясняющее введение в изучение той или иной науки.

[3] Эмоционально-волевая сфера — это свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств, в том числе способов их регуляции. Компонент эмоциональной устойчивости. Степень волевого владения человеком своими эмоциями.

[4] Рефлексия (от позднелат. reflexio «обращение назад») — это обращение внимания субъекта на самого себя и на своё сознание, в частности, на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление. В частности, — в традиционном смысле, — на содержание и функции собственного сознания, в состав которых входят личностные структуры (ценности, интересы, мотивы), мышление, механизмы восприятия, принятия решений, эмоционального реагирования, поведенческие шаблоны и т. д.

[5] Ингибиция — подавление, замедление или прекращение каких-либо реакций, процессов, активности и т. п.

[6] Modus operandi (Модус операнди) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия» и обозначает привычный для человека способ выполнения определенной задачи.

[7] Инсайт (от англ. insight — проницательность, понимание, озарение, внезапная догадка, прозрение), или озарение, — термин из области психологии, описывающий внезапное и невыводимое из прошлого опыта понимание отношений и ситуаций в целом, посредством которого достигается осмысленное решение проблемы. Также этот термин может использоваться в значении внелогическое прозрение.

[8] В реале алеманны — это союз древнегерманских племён, и их потомки живут довольно далеко от этих мест, в Швабии.

[9] Айнтопф — блюдо немецкой кухни, заменяющее собой первое и второе блюда. В этом блюде варятся в одной емкости практически все продукты, которые есть под рукой. Айнтопф представляет собой густой суп, который варится на воде или бульоне. Ингредиентами могут быть: овощи, бобовые, крупы, макаронные изделия, мясо, копчёности (например, сосиски) или другие мясные продукты (почки, гусиные окорочка и др.).

[10] То, что имеет естественный, натуральный вид.

[11] Гексаграмма — шестиконечная звезда, пентаграмма — пятиконечная звезда.

[12] Некоторые знаки Зодиака.

[13] Брюнхильда — «кольчуга+битва» — воинственная героиня германо-скандинавской мифологии и эпоса, валькирия; супруга Гунтера, короля Бургундии.

Глава 3. Сентябрь-Октябрь 1939

1. Зандер

Как и следовало ожидать, инцидент на олимпийском стадионе никого не оставил равнодушным: ни полицию, ни жандармерию, ни секретную службу. Несмотря на жестокие цензурные запреты, о покушении писали газеты, шептались обыватели и сплетничали все, кому не лень. А высший свет охватила натуральная истерика, которая практически мгновенно переросла в неконтролируемую панику. Еще бы, ведь оказалось, что покушиться могут в буквальном смысле на кого угодно, и, значит, абсолютно никто не застрахован от преждевременной смерти. Ни правящая герцогиня, ни имперский князь, ни сама, страшно сказать, наследница престола. Люди были напуганы и дезориентированы. Император рвал и метал, требуя от секретной службы немедленных результатов. Ну, а те, в свою очередь, действовали без оглядки, словно с цепи сорвались. Трясли всех подряд, вот только все без толку, и Зандер догадывался, отчего так. Тот, кто составил этот заговор, не дурак и не верхогляд. Умный и способный сукин сын. И не один, по-видимому, поскольку, по факту это было не одно, а три разных покушения. Однако и то правда, что одно из них было основным, а другие всего лишь маскировали главную цель. Но кто из них троих, — принцесса, он или Мария, — являлись основной целью неизвестного врага, иди еще разберись. И, значит, невозможно было пока вычислить кукловода, придумавшего и осуществившего настолько дерзкий и хитроумный план. По большому счету, это был безукоризненный замысел, ведь, если бы не вмешался случай, — а он, к слову, никак заранее не просчитывался, поскольку никто не знал об истинных возможностях Э'Мишильер, — все бы у этого господина Икс получилось именно так, как задумывалось. Но вот, что именно планировалось, кем и зачем, оставалось пока совершенно непонятно.

— Судите сами, Мария, — рассуждал Зандер, забыв на время и о дымящейся в пепельнице «гаване»[1], и о бокале с вином, стоявшем на подлокотнике кресла. — Прежде всего, давайте учитывать, что на самом деле у нас не одно, а три покушения на трех разных людей. И ни в одном случае, мотив отчетливо не прослеживается.

— Ну, не скажите, князь! — возразил шевалье де Марбёф. — На Марию могли покушаться из-за наследства. Она не замужем, детей у нее нет, умри она сейчас, кто унаследует титул и богатства семьи?

Они собрались маленькой компанией в Вишневой гостиной шато дю То[2], резиденции герцогов Перигор — сама герцогиня, ее кузина баронесса Анна Мария де Сегюр, шевалье де Марбёф — жених Анны Марии и Зандер, — и пытались разобраться в произошедшем, тем более, что двое из них едва не стали жертвами того самого заговора, о котором шла теперь речь.

— И в самом деле, кто бенефициар[3]? — спросил Зандер и, вспомнив наконец о своей черной короне[4], взял ее из пепельницы пыхнул чуть сладковатым дымом.

— Если исходить из прав наследования, — ответила, не задумываясь Мария, — то это двоюродный брат моего отца граф Эрве де Леон, у него, кажется, седьмой уровень Воздуха, его сын, мой кузен Георг, у него шестой уровень Огня и еще кузен Гийом барон де Сент-Круа, сын еще одного двоюродного брата моего отца, покойного Эммануэля де Сент-Круа. У него, на сколько я знаю, восьмой уровень Земли.

— А что не так с вашей тетей? — спросил Зандер, искренно удивившийся ее ответу. — Почему не рассматривают в качестве наследницы ее? Она ведь ближе к вам по родству. Или вот Анна? — перевел он взгляд на кузину Марии. — Это оттого, что они женщины?

— Нет, князь, — покачала головой Анна де Сегюр, — дело, как всегда, в Даре. У меня всего лишь пятый уровень Воды, а у матушки и того меньше. Но я думаю, что есть кое-кто, чьи права на герцогскую корону куда основательнее, чем у любого из тех родственников, кого упомянула Мари.

— Не говори глупости! — прервала ее герцогиня Перигор. — Я обязана Габи жизнью. Стала бы она меня спасать, если бы это был заговор Мишильеров?

— Но большего бенефицианта, в случае вашей смерти, чем Тристан Мишильер, даже если захочешь, не найти, — внес вежливое замечание жених Анны шевалье де Марбёф.

— Согласен с вами, — кивнул Зандер, — но зачем бы ему? Захотел бы получить герцогство, мог бы попросту жениться на Марии. Вы бы, Мария, вышли за него замуж, сделай он вам предложение?

Вопрос непростой, но раз уж разговор свернул в эту сторону, Зандер хотел расставить все точки над «i».

— В моем нынешнем положении это стало бы лучшим решением, — дипломатично ответила Мария Перигорская. — И повторяю. Если бы это был заговор Мишильеров, Габи должна была знать об этом заранее. Она коннетабль клана. Зачем бы ей тогда меня спасать? Напротив, в той ситуации она могла убить меня множеством способов, и никто бы этого даже не заметил.

— Согласен, — кивнул Зандер. — Подозревать Мишильеров неразумно. Другое дело, иные бенефициары. В моем случае это ведь тоже серьезный мотив. Я не женат и не имею наследников...

«И, как последний дурак, не оставил завещания. Вопрос, кто еще, кроме отца, знал об этом прискорбном факте?»

Ему не хотелось думать на Виктуара, — все-таки зависть недостаточная причина для того, чтобы убить собственного брата, — но приходилось признать, что дело не только в зависти, но и в корысти. Титул, башня и замок в провинции — одного этого могло хватить, чтобы вписаться в заговор.

«Неглуп, хитер...» — добавил Зандер к своим прежним мыслям.

И ошибся Виктуар практически единственный раз в жизни, когда перегнул палку, радуясь титулу, который, казалось, был уже у него в руках. На этот раз он мог действовать гораздо осторожней. И тем не менее, убийство родного брата? Впрочем, история франков знала немало таких случаев, так что отбрасывать эту гипотезу из одной лишь брезгливости не стоило. Итак, *cuī prodest?* Кому выгодно? Тут могли быть варианты, поскольку, если это не Виктуар, то, значит, кто-то, с кем Зандер пересекался в связи со своими, так сказать, профессиональными интересами. Видят боги, среди этих людей кого только не было! Но убийство? Кому это могло понадобиться, и с чего вдруг?

«Я кому-то перебежал дорогу? — спросил он себя. — Или случайно узнал то, чего мне не следовало знать? Увидел? Услышал? Стал свидетелем? Или это постарался кто-то из соискателей руки и сердца Эвы Сабинии? Убрать конкурента практически хрестоматийный пример прагматического мышления».

Увы, вариантов здесь было явно больше одного, но, не зная, о чем конкретно идет речь, было невозможно определить мотив покушения, а значит, и заказчика.

— Ну, хорошо, — сказала Мария Перигорская, вернув Зандера к реальности, — допустим и у князя, и у меня проблема в наследстве. А что тогда, у Эвы Сабинии? Ее-то за что?

— За компанию, — кисло улыбнулся Зандер.

У него уже появилась пара идей относительно того, как раскрыть этот темный замысел, но он не хотел впутывать в это дело посторонних людей. Слишком острой для некоторых могла оказаться информация, слишком компрометирующей для самого Александра и слишком специфической, чтобы разглашать ее публично вне круга посвященных. Поэтому на том чаепитие «по горячим следам» он никому ничего определенного не сказал, но действовать начал уже на следующий день с самого утра.

Первым делом, Зандер прошелся по всем своим контактам, имеющим связи по ту сторону закона. Таких, к слову сказать, было немало, и Зандер отнюдь не хотел, чтобы знакомство с такими людьми стало достоянием гласности. Контрабандисты, скупщики краденого, воры и подпольные зельевары, он не стремился афишировать такого рода знакомства, но именно через этих людей он покупал необходимые ему в работе ингредиенты, инструменты и запрещенные к обороту в империи вещества. Через них же он зачастую сбывал свою «продукцию», зарабатывая на этом немалые деньги. А сейчас он озадачил их поисками концов, которые организатор покушения не успел спрятать в воду. Если в деле участвовали профессиональные стрелки, вооруженные к тому же довольно редкими и дорогими снайперскими винтовками, значит где-то должны остаться следы, как людей, так и оружия. Ну а, чтобы поиски осуществлялись быстрее, Зандер выставил свою цену: деньги, эликсиры, услуги... Разным людям требуются разные стимулы, вот он и не мелочился.

— Значит, деньги тебе не нужны, — кивнул он Бертрану ван де Пуле. Старичок был часовых дел мастером, но кроме того содержал «черную кассу» — подпольный банк, готовый хранить несправедно нажитые деньги или давать ссуды под огромный грабительский процент. — А как насчет «Живой воды»?

— Сказки! — отмахнулся от него старичок. — Нет такого зелья, и никогда не было!

— Как знать, — пожал плечами Зандер. — Но вот мне один мой знакомый дал эту гадость на пробу...

С этими словами, он достал из кармана серебряный цилиндр, внутри которого находилась крошечная пипетка с одной каплей прозрачного раствора.

— Капни на десну, — предложил он старику.

— А не отравишь? — насторожился черный банкир.

— Ну и зачем бы мне тебя травить? — искренно удивился Зандер. — Постой! Ты что же так и не понял, что я маг?

— Маг?! — испугался старик, и в этот момент Зандер сжал ему горло воздушной удавкой. Подержал немного, наблюдая, как начинает синеть его несговорчивый оппонент, и отпустил.

— Если бы я сейчас не отпустил, ты бы умер от удушья, — вежливо объяснил Зандер. — Но следов удушения на тебе не осталось бы. Так что убить я тебя могу быстро и чисто, зачем же мне заморачиваться с ядом? Капай!

Старик коротко взглянул на него исподлобья, открыл беззубый рот и, приняв из рук Зандера пипетку, уронил каплю остро пахнувшей жидкости себе на десну.

— Сядь и жди! — приказал Зандер, кивнув на стул.

Старик пожал плечами и сел.

— Чего ждем?

— Зуб должен вырасти.

— Серьезно? — не поверил старик. — Вот прямо-таки зуб?

— С чего мне врать?

— Ну не знаю, — усмехнулся черный банкир. — Может, ты так развлекаешься.

— Сиди, жди! — повторил Зандер.

Он-то точно знал, что зуб вырастет, поскольку в пипетке действительно была капля «живой воды». Это было редкое зелье, но на самом деле опытные лекари из магов о нем знали с тех пор, как его сварил неизвестный алхимик почти четыреста лет назад. Знали, но предпочитали не болтать, поскольку, с одной стороны, производить «живую воду» в Европе, — да и в ближайших азиатских и африканских землях, — умели всего лишь несколько зельеваров, по традиции остававшихся к тому же анонимными. То есть, достать зелье было трудно, и стоило оно дорого. Но, важнее цены, были сложности, с которыми сталкивался любой, кто захотел бы купить эту истинную «панацею». А между тем, у магов-целителей, не говоря уже о человеческих лекарях, для обычных людей имелось не так уж много по-настоящему сильных лекарственных средств и целебных снадобий. Простые болезни они, если иметь в виду, магов-целителей, лечили легко, но вот с по-настоящему тяжелыми недугами, старостью и травмами, в большинстве случаев, справиться не могли. И «живая вода» являлась как раз одним из немногих лекарственных средств, которые хорошо действовали на обычных людей, но были бесполезны для отмеченных магическим Даром. Впрочем, для одаренных в распоряжении целителей имелся широкий спектр других не менее эффективных средств. Им истинная «панацея» была не нужна.

Все это Зандер знал еще с тех пор, как изучал медицину, физику и теоретическую магию в Гейдельбергском университете. Тогда же он купил через третьи руки пару капель «живой воды» и смог разобраться в сложной химии этого удивительного зелья. А вот синтезировать «панацею» он смог лишь через несколько лет. С тех пор, он раз в год закрывался на десять дней в своей лаборатории и варил «живую воду». Очень сложный и кропотливый процесс, долгий, трудный, требующий невероятно сложных вычислений по ходу синтеза, который никогда в точности себя не повторяет. Однако Зандер тратил на это свое время и свои силы, включая свою собственную магию. Часть «продукции» он затем продавал, используя цепочку подставных лиц, другую же хранил на всякий случай. Мало ли какие сложатся обстоятельства.

— Болит? — поинтересовался он через пару минут, увидев болезненную гримасу на лице старика. — Забыл, поди, как это, когда режутся зубы?

Ван де Пуле открыл рот и стал нервно ощупывать неожиданно распухшую десну.

— Не удивляйся, Бертран, — усмехнулся Зандер. — Это, и в самом деле, «живая вода». Пройдет не больше пяти минут, и там, куда упала капля, вырастет один, а может быть, и пара зубов. И значит, у меня есть для тебя кое-что, что дороже денег. Жизнь и молодость, Бертран. Снова и, как минимум, на десять-пятнадцать лет. Вот и подумай, старик, стоит ли это чудо твоих гребанных усилий?

***

Поиски в городском криминальном подполье занимали не так уж мало времени, и это при том, что от своих новых обязательств Зандер не мог отказаться тоже. Турнир — в связи с

«непредвиденными обстоятельствами», — был снова временно приостановлен, но светская жизнь в столице не прекращалась даже во времена войны и мора. И, вышедший из тени на свет, князь Трентский должен был в ней активно участвовать. А это, в свою очередь, означало, что где-то там, в обществе, — на балу или на рауте, на конной прогулке в одном из городских парков или в опере, — он мог столкнуться и наверняка сталкивался с таинственным и опасным господином Икс. Зандер этого человека, еще не вычислил, хотя и угадывал его присутствие по косвенным признакам, а вот кукловод наверняка знал всех несостоявшихся жертв в лицо. Даже в обычном случае, это было бы крайне неприятно и опасно, поскольку аноним мог при случае услышать то, что не предназначено для его ушей. Ведь кто-нибудь, — да сам же Зандер, если уж на то пошло, — может по наивности ляпнуть что-то важное в самом обычном разговоре. Но дела, как догадывался Зандер, обстояли гораздо хуже. Возможно, и даже скорее всего, их противник являлся истинным телепатом, то есть мог читать мысли других людей, — и магов в том числе, — а в некоторых случаях даже внушать этим людям свои мысли или, возможно, подчинять их своей воле.

Предположив худшее, Зандер не выходил теперь из дома, не приняв заранее пару капель зелья, именуемого «Вуаль Гекаты»[5], и более того, куда бы он ни отправился, всегда имел при себе несколько миллиграмм этой тинктуры[6]. «Вуаль Гекаты» делала мысли человека «непрозрачными». Скрывала их, маскировала, но при этом не решала проблему, а лишь ослабляла риск «быть услышанным» не тем человеком и в неподходящее время. К сожалению, снадобье было нестойким, и его можно было преодолеть, если знаешь, где спрятан секрет. Поэтому оставалось надеяться, что телепат, — а Зандер был практически уверен, что это кто-то из придворных, — не обратит внимания на «спутанность» мыслей князя Трентского и не попытается пробиться через искусственную завесу силой. К тому же, его следовало принимать каждые шесть часов. Не слишком удобно, в особенности, когда не знаешь, от кого прячешься. Поэтому параллельно с расследованием, которое он предпринимал, Зандер искал способ защитить свой разум от телепатического воздействия.

Начал он, разумеется, с книг, но, увы, в доступных ему библиотеках ничего путного по этой теме найти не удалось, а Тристан Мишильер, который, возможно, знал кое-что не только о метафизике, но и о телепатии, находился в отъезде. Он увез куда-то в провинцию свою страдающую от магического истощения сестру. О том, что Трис энциклопедически образованный маг, Зандер догадался почти сразу, — во время первого их разговора, — и затем убеждался в этом не раз и не два. Ну, и кроме того, в палаццо Каро находились огромная библиотека и обширный архив великого Августа Мишильера. Так что, существовала вероятность, что там имелся, если и не ответ, то хотя бы намек на то, что сейчас так остро интересовало князя Трентского. Однако до возвращения брата и сестры Мишильеров из Арденн, об этом источнике информации можно было забыть. Поэтому Зандер и отправился туда, куда никогда не хотел возвращаться.

Он обратился в лугдумскую[7] обитель ордена Гекаты Нарбонской. Члены ордена, — в своем большинстве монахи и монахини самого аскетического толка, — являлись фанатиками веры в Асклепия[8]. И все бы ничего, если бы они занимались одной лишь медициной, но за фасадом целительской практики, — в Лионе, например, им принадлежала лучшая, после университетской, и самая большая в городе клиника, — они изучали темные искусства, воссоздавали древние ритуалистические практики и занимались откровенным мракобесием. Однако, многое из того, что было известно асклепианам, кроме них не знал, по-видимому, никто, не говоря уже о богатейшем собрании книг и рукописей, хранившихся в

киновии[9]. Когда-то именно этот аспект их деятельности привлек молодого Зандера в обитель Хирона[10], но он достаточно быстро разочаровался, как в их одержимости банальными идеями, так и в скрытой от посторонних глаз тайной жизни асклепиан, не чуравшихся преступлений, если они, по их мнению, вели к достижению поставленной цели. При этом жизни отдельных людей не стоили в их глазах и ломанного гроша. Цель оправдывает средства, где-то так.

Лугдумская обитель ордена Гекаты Нарбонской представляла собой настоящую крепость: высокая кирпичная стена, четыре угловых башни и массивные здания внутри оборонительного периметра. Зандер подошел к цитадели асклепиан со стороны Куриальной улицы, на дальнем конце которой находилась площадь Курии[11] с построенными друг против друга помпезными зданиями Сеньориального и Манориального судов. Здесь в толстой стене обители была прорезана небольшая калитка, сколоченная из толстых дубовых досок, окованных железом. Стучать в такую дверь бесполезно, хотя Зандер мог потряхнуть ее так, что вылетела бы вместе с куском стены. Впрочем, во-первых, она наверняка была заговорена, а во-вторых, князь Трентский не хотел начинать со скандала. Поэтому он позвонил в электрический звонок. После четвертого звонка, в двери открылось совсем уже крошечное оконце, забранное стальной решеткой, и невидимый страж поинтересовался, кто тут бродит вечерней порой, и что этому кому-то надо в обители.

— Передайте его преподобию господину приору[12], что его хочет видеть по срочному и важному делу доктор фон Берлинг, — сказал Зандер, зная, что его священство Роберт Орн никогда не откажется от встречи с фон Берлингом, хотя бы для того, чтобы излить на него очередную порцию своей желчи.

Так и случилось. Где-то через четверть часа его впустили в обитель, провели через пустой в это время двор к главному зданию, больше похожему на укрепленный форт, чем на резиденцию приора, и еще через десять минут Зандер оказался в кабинете его священства Орна.

— Не рад тебя видеть, — сказал старик, сидящий за огромным письменным столом, — но раз пришел, спрошу: чего тебе надо?

— Мне нужна информация, — коротко объяснил Зандер цель своего визита.

— Здесь не подают, — довольно резко ответил старик, одетый в серую хламиду, и пожевал губами, словно подыскивал слово. Бранное, разумеется, но все-таки слово, а не жест.

— Я заплачу.

— Не интересно.

— Бартер? — предложил тогда князь Трентский, чего-то в этом роде ожидавший от старика-приора.

— Смотря что предложишь. — Вот это был уже серьезный разговор. Торговля началась.

— Формула «живой воды», — предложил Зандер.

— Без тебя знаем, — поморщился приор.

— Схему детектора магии? Градуированный *vi sensorem*[13]? Можно под шкалу Кольера или под Антиохийский лимб[14].

— Нет, пожалуй. Нам вся эта ваша машинерия ни к чему. Сами можем.

— «Поцелуй Хель[15]»? — бросил небрежно Зандер.

— Хочешь сказать, что эта дрянь существует на самом деле? — подался к нему Роберт Орн.

Увы, но так все и обстояло. Этот яд реально существовал, — бесцветный, безвкусный, отсроченного действия, — и, к слову сказать, это демоново зелье было известно довольно давно. Вот только синтезировать его могли всего один-два алхимика в поколение. Такая вот мудреная штука.

— Думаешь, я стал бы предлагать тебе пустышку? — слегка обиделся Зандер.

— Всякое бывает.

— То есть, ты мне не веришь, твое священство? — Ругань одно, а заявление о том, что не доверяешь честному слову доктора фон Берлинга, совсем другое.

— Верю, — поморщился старик. — В том-то и дело, что верю. Что тебе от меня надо?

— Все, что есть у ордена по истинной телепатии и способах защиты от нее.

— Много просишь, — как бы, в раздумье протянул приор.

— То есть, «поцелуй Хель» тебе не нужен?

— Нужен, — решил наконец старик. — Приходи завтра с утра. Принесешь формулу и описание технологии производства, а я прикажу показать тебе все, что у нас есть. Выносить из библиотеки не дам, но здесь работай сколько хочешь. Главное — не попадайся мне на глаза.

— Хорошо, — не стал спорить Зандер. — Но я захочу сделать кое-какие записи.

— Но недословные.

— Идет.

— По выходе из библиотеки, будешь показывать записи книжному службе.

— Значит, по рукам?

— Пошел вон!

— Не надо грубить, — усмехнулся Зандер и поспешил покинуть кабинет приора.

***

Старик не обманул. Следующим утром он принял от Зандера тонкую стопочку листов, исписанных мелким четким почерком, — рисовая бумага, черная тушь, — бегло просмотрел, явно, не столько проверяя, сколько любопытствуя, и, препоручив визитера заботам толстенького служки, одетого на манер крестьянина в простые порты и рубаху, сделал вид, что князь его более не интересует. Зандер от Робера ничего иного не ожидал, поэтому без сожаления оставил кабинет приора и последовал за назначенным ему в Вергилии молодым адептом. Идти, однако, пришлось долго, поскольку главное здание обители на деле оказалось настоящим трехмерным лабиринтом. Тем не менее, еще через двадцать минут Зандер оказался в главном зале приоратской библиотеки, похожем размерами и декором на храм Афины или Аполлона, но работать, как тут же выяснилось, ему предстояло не здесь, а в отдельном кабинете, вход в который находился на галерее, опоясывавшей зал на высоте примерно четырех метров. В помещении находились только простые стол и стул, а на глубоком подоконнике стояли кувшин с водой и стакан. Аскетично, но Зандеру большего и не надо было.

— Я вас оставляю, мастер, — впервые нарушил молчание служка.

«Надо же, все-таки мастер, — отметил Зандер почти равнодушно. — Могло быть хуже».

Оставшись в кабинете один, он сел за стол, разложил справа от себя карандаши и блокнот, и стал ждать развития событий.

С Орном, как, впрочем, и со многими другими интересными людьми, Зандер познакомился в Гейдельберге. В то время будущий приор являлся главной обители ордена и

читал в университете курсы «Глубокой диагностики» и «Нервных болезней М». М — означало «маги», и Орн, таким образом, сосредотачивал внимание студиязусов на отличиях нервной системы Номо magus от нервной системы Номо vulgaris[16], описывал специфические болезни, от которых страдают маги и предлагал способы их лечения. О том, что профессор Орн одновременно является городским префектом ордена Гекаты Нарбонской Зандер узнал несколько позже, когда Орн вовлек перспективного неофита в дела Гейдельбергской ложи. Он не учел лишь одного, но крайне важного обстоятельства: Зандер был индивидуалист до мозга костей, других людей не любил и терпел лишь по необходимости. Поэтому любая коллективная работа или работа на благо людей его, в лучшем случае, раздражала, но чаще вызывала рвотный рефлекс. Клевреты кого-либо или чего-либо из таких людей не получают. Даже пробовать не стоит. Орн, однако, попробовал, поэтому разрыв между ними не обошелся без громкого скандала, то есть, без громов, молний и проклятий. Так что, обращаясь к приору обители Зандер порядком рисковал, поскольку вместо помощи мог получить еще один цикл ругани и оплевывания. Но, слава богам, обошлось. Корысть оказалась сильнее давних обид.

Скучать долго не пришлось. Минут через десять служка доставил Зандеру требующиеся ему документы — плоскую картонную коробку, которую, судя по остаточной эманации заклятия, обычно держат внутри стального заговоренного на взлом и огонь футляра. В коробке лежали несколько тоненьких тетрадей малого формата — на глаз foolscar octavo[17], - и разрозненные листы разного размера и качества. Все очень старое и хранившееся прежде без ума и бережения. Что, при ближайшем рассмотрении, легко получило объяснение. Все это являлось бумагами одного и того же человека, имя которого, однако, нигде не упоминалось. Человек этот, скорее всего, жил всего лишь лет двести назад и являлся, то ли академическим ученым, то ли великолепно образованным дилетантом. И занимался он, судя по всему, не только истинной телепатией, но и многими другими темами. Однако в коробке были собраны только те документы, которые прямо относились к интересующей Зандера теме. Отрывочные размышления, дневниковые записи, черновики, похоже, так и не написанных статей, и заметки по генеалогии.

Исследование всех этих бумаг заняло у Зандера два световых дня, но оно того стоило, хотя и не оправдало всех его ожиданий. В бумагах содержалась весьма ценная информация о самом Даре истинной телепатии, но не было даже намека на то, как от нее защитить свои мысли. То есть, намек, возможно, все-таки был, ведь если знаешь, как работает этот феномен, полдела как бы сделано. Осталось всего лишь понять, где взять такую палку, которую можно было бы вставить в колесо работающего Дара. Но зато, появилась надежда поймать злоумышленника. Дело в том, что среди прочего в бумагах нашлись два генеалогических древа каких-то мелких дворянских родов с Атлантического побережья. Оба обрывались почти два столетия назад, и, тем не менее, это была любопытная зацепка. Судя по контексту, речь шла о семьях, в которых на протяжении нескольких веков неоднократно рождались носители уникального Дара истинной телепатии. Разумеется, их будет непросто проследить до наших дней, но это лучше, чем ничего. Возможно, в конце концов, ему удастся вычислить ту скотину, что устроила покушение на Олимпийском стадионе.

[1] Сигара.

[2] Во Франции действительно есть такой дворец. Название связано с тем, что здание имеет форму греческой буквы Тау (Т — «То»).

[3] Бенефициар — какое-либо заинтересованное лицо в чём-либо, интересант.

[4] Корона — формат сигары, калибр — 50 мм.

[5] Геката или Селена — древнегреческая богиня лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

[6] Тинктура — настой лекарственного вещества на спирте или эфире.

[7] Лугдум — римское название Лиона.

[8] Асклепий или Эскулап — в древнегреческой и древнеримской мифологиях бог медицины. Воспитан кентавром Хироном, который и обучил мальчика искусству врачевания.

[9] Киновия, или Ценобий — христианская монашеская коммуна, монастырь общежитского устава, одна из двух (наряду с отшельничеством) форм организации монашества на начальном историческом этапе.

[10] Хирон — в древнегреческой и фессалийской мифологиях — кентавр, изначально наделённый бессмертием. В отличие от большинства остальных кентавров, славившихся буйством, склонностью к пьянству и враждебностью к людям, Хирон был мудрым и добрым. Он жил на горе Пелион. Был учеником Аполлона и Артемиды. В свою очередь учил очень многих героев. Обучал медицинскому искусству Асклепия и Патрокла, а охотничьему — Актеона.

[11] Феодальная курия — совещательное собрание вассалов при дворе сеньора в Западной Европе в Средние века, решавшее финансовые, судебные и другие вопросы. Поскольку одной из главных функций была судебная, феодальная курия развилась в сеньориальный или манориальный суд, а слово «курия» и его производные от него (фр. *cur*) стали обозначать суд вообще.

[12] Приор — титул настоятеля небольшого мужского католического монастыря или старшего после аббата-настоятеля члена монашеской общины.

[13] *Vi sensorem* — датчик силы (lat.)

[14] Лимб — цилиндрическое или коническое кольцо, или диск, разделённый штрихами на равные доли, как правило угловые (градусы, минуты и т. д.), деления на лимбе считываются непосредственно или с дополнительным нониусом, либо отсчитываются с помощью верньеров или микроскопов-микрометров.

[15] Хель — в германо-скандинавской мифологии повелительница мира мёртвых (Хельхейма), дочь Локи и великанши Ангрбоды (Вредоносной), одно из трёх хтонических чудовищ.

[16] *Homo magus* — маг, колдун, *Homo vulgaris* — человек обычный.

[17] Ин-октаво — на типографском листе размещаются 8 страниц (16 страниц с учётом двусторонней печати). *Foolscap octavo* — производное для *octavo* — 170 мм × 108 мм.

2. Трис

— Что скажешь? — спросила она.

— Что сказать? — усмехнулся он в ответ, подразумевая что-нибудь, вроде «а что бы ты хотела услышать?».

Это был вечер накануне отъезда из шато д'Агремон. Поздний ужин, поданный в малой трапезной. И, наконец, завершающий эпизод: два кресла, поставленные одно против другого рядом с разожженным камином. Большие керамические чашки с глнтвейном. Огонь, танцующий на березовых поленьях. Горячий воздух, пахнувший медом, вином и специями, дорогим мамлюкским табаком и гашишем, — оба курили египетские сигареты, вошедшие в моду этим летом, — можжевельником и сосной.

— И все-таки, — настаивала она, пуская сигаретный дым аккуратными колечками.

Это надо было видеть. Этим стоило любоваться. Перед Трисом в покойном кресле рядом с разожженным камином сидела молодая дама в замшевом, стилизованном под охотничий, костюме. Весьма элегантно, очень дорого и безупречно с точки зрения вкуса. Несколько «скромных» украшений, обозначающих размеры богатства семьи и клана, к которым принадлежит женщина. Спокойное лицо, ни в коем случае не равнодушное, но сила отражающихся на нем эмоций явно занижена. Уверенный взгляд, легкая — хотя и несколько прохладная, — улыбка, появляющаяся время от времени на красиво очерченных губах. Спокойный, но при этом отнюдь не равнодушный взгляд больших серых глаз. Светло-русые, с каким-то невероятным серебряным отливом волосы, убранные в толстую, сложного плетения косу. Картину *неоспоримой безупречности* довершали правильная речь, — произношение, грамматика, лексикон, — указывающая вместе со сдержанным, но уверенным поведением молодой женщины на отличное домашнее образование и безукоризненное воспитание. В общем, идеальное попадание в нетривиальный образ молодой аристократки невероятно голубых кровей, обладающей всем, о чем может только мечтать девушка ее возраста: броской внешностью, богатством и невероятным по силе магическим Даром.

«Magnifique femme[1]!»

— На мой непросвещенный взгляд, Габи, — мягко улыбнулся Трис, понимая, насколько важен заданный женщиной вопрос, для нее, для него, для всего их восстающего из небытия клана, — передо мной находится сейчас довольно сильная магесса. Ну, ладно, твоя правда, сестра. Не «довольно сильная», а очень сильная колдунья: одиннадцатый уровень стихии Огня, правда, небезупречный. Где-то на самой границе ранга, скорее даже десятый с большим довеском, но пусть будет одиннадцатый. Восьмой ранг Воздуха, хотя в императорском реестре записан, помнится, девятый, но после таких потрясений... Вполне вероятен определенный откат и, как следствие, спад силы. Что-то еще? Ах, да, конечно. Еще крайне неуверенный шестой ранг стихии Земли.

— Совсем ничего не видно? — спросила она, сохраняя, тем не менее, полное спокойствие.

— Совсем, — подтвердил Трис. — И последние три дня я совершенно не считываю твоих эмоций. Такое впечатление, что их просто нет. Прямо сказать, весьма неординарный результат.

«И так быстро! — подумал он, побоявшись произнести эту мысль вслух. — Не слишком ли быстро для того, кто «появился на свет» всего лишь полгода назад?»

Казалось бы, такое попросту невозможно, и расскажи ему эту историю кто-нибудь другой, Трис не поверил бы. Но вот она, его Галатея. Сидит в непринужденной позе, курит египетскую сигарету и демонстрирует идеальный контроль и невероятную по мощи защиту.

«Меньше, чем за три недели...»

И в самом деле, двадцать дней усиленных занятий, и вот он выдающийся, — иначе не назовешь, — результат. Она овладела всеми без исключения ментальными техниками мэтра д'Анкона, окрепла физически, сполна вернув себе прежнюю бойцовскую форму, научилась многому новому, если иметь в виду атакующие и оборонительные плетения, и открыла в себе новые способности, которые Триса одновременно восхищали и пугали.

«Охотник или, вернее, хищник... Ей будет непросто справиться со своей неожиданно раскрывшейся природой...»

И здесь Трис подходил, возможно, к самому главному вопросу: как это возможно? Неужели все дело в дарах, полученных от Источников, или причина все-таки в том, что Габи изначально обладала огромным потенциалом, который ей самой было никак не раскрыть? Может быть, ей требовался внешний раздражитель, — уникальный триггер большой силы, — и, когда она его получила, Дар раскрылся, как раскрывается бутон цветка под лучами солнца. Впрочем, нельзя было исключить и еще один — третий вариант: дары Источников, хотят они того или не хотят, — это дары данайцев, и вся эта история могла закончиться для Габи плохо или даже очень плохо, но находящийся в латентном состоянии Дар изменил вектор воздействия с отрицательного на положительный. А в результате случилось то, что случилось, и гусеница превратилась в прекрасную бабочку.

«Стальную бабочку, — грустно улыбнулся Трис, представив Габи в образе чудесного, но хрупкого создания. — И кстати о металлах...»

Шато д'Агремон никогда не являлось главной резиденцией клана. Тем не менее, его великий отец Густав Перигор-Мишильер хранил здесь в хорошо укрытых от посторонних глаз тайниках кое-что из того, что действительно нельзя держать в частных банках или обычных сейфах. Кое-что... На самом деле, много всего, но кое-что из всего этого по праву принадлежало теперь Габриэлле Э'Мишильер. И раз так, должно было быть передано ей здесь и сейчас, поскольку утром они покинут замок, и неизвестно, когда представится новая возможность вернуться в эти места. К тому же, если память его не обманывает, то некоторые из тех вещей, что хранятся в казематах замка, могут понадобиться сестре именно сейчас, а не когда-нибудь в отдаленном будущем. Другой вопрос, отчего он вспомнил об этом только теперь? Однако наследство Густава Мишильера, — его знания и умения, переданные Трису, — являлось весьма странным даром и, кажется, обладало собственными представлениями о необходимом и возможном.

— Подожди меня здесь, — сказал Трис, вставая. — Разговор не окончен. Есть еще, как минимум, два вопроса, которые мы должны с тобой обсудить прежде, чем пойдем спать.

— Долго? — бровь чуть поднялась, обозначая вопрос, но и все, собственно.

— Четверть часа, — ответил он правду. — Может быть, чуть больше.

— Хорошо, — кивнула Габи. — Иди, Трис. Я обожду тебя здесь.

На проверку, расчет времени оказался ошибочным. Поход в замковые подземелья и обратно занял добрых полчаса, но Габи действительно никуда не ушла. Сидела в кресле у огня, курила сигарету и терпеливо ждала. Вот разве что вместо глинтвейна пила теперь что-

то прозрачное и ароматное. Сирок[2], надо полагать, потому что подававшаяся в замке граппа имела цвет ромашкового настоя, а не родниковой воды.

— Извини, что пришлось ждать, — сказал Трис, входя в комнату.

— Наверное, оно того стоило, — посмотрела Габи с любопытством на шкатулку и небольшой кожаный сак, которые он принес с собой.

— Сейчас узнаем, — усмехнулся Трис, выкладывая свой груз на стол. Деревянная резная шкатулка глухо стукнула о столешницу, а кожаный сак недвусмысленно звякнул, в нем лежали какие-то металлические штуковины.

— Хочешь посмотреть?

— Хочу, разумеется, — Габи поднялась из кресла одним плавным движением и вмиг оказалась около стола. — Показывай!

— Тут всякие безделушки... — объяснил Трис, открывая шкатулку, заполненную замшевыми и бархатными кисетами разной величины. — Трофеи, доставшиеся одному из наших предков во время взятия Кордовы. Теперь это все твое. Распоряжайся, как хочешь.

— Мое... — не вопрос, всего лишь озвученная мысль.

Габи вынула из шкатулки один из кисетов, развязала шнурок и двумя пальцами вытащила на свет золотой браслет, выполненный в виде змеи, трижды охватывающей запястье. Глаза у змеи были изумрудные, но этим в наше время никого уже не удивишь. Поражало другое: шкура змеи была сплошь покрыта чешуйками, и на каждой из чешуек была выгравирована одна из букв арабского алфавита.

— Красивая... безделушка, — улыбнулась Габи, надевая браслет на руку. — Чувствую накопитель... Но какой-то странный, кривой... и еще внутренний контур... О! — воскликнула она радостно после нескольких минут вдумчивого изучения предмета. — Эта штука не дает рассмотреть лицо женщины! Это вуаль, Трис. Но кому она нужна? Я могу это сделать сама без всяких там арабских финтифлюшек. Хотя... Постой-постой! Я поняла! Эта штука из разряда «надел и забыл». А значит, не надо тратить силы и распределять внимание. Напитал Воздухом с толикой Огня, и вуаля!

— Так и есть, — кивнул Трис. — Но это еще не все! Приглядишься!

— Есть что-то еще? — задумалась Габи, продолжая вертеть браслет в пальцах.

— Ага! Так вот в чем секрет! — обрадовалась она буквально через несколько минут. — В первый контур запрятан второй, и этот уже не маскирует черты лица, он их искажает, создавая другое лицо. Я права?

— Да.

— Но зачем?

— Не все обладают таким могуществом, как ты и я, — объяснил Трис, воспользовавшись памятью своего создателя. — Слабым магам нужны артефакты. В этой шкатулке много красивых вещей. Возможно, что-то из этого тебе понравится, и ты сможешь надевать их, как украшения. Но имей в виду, все драгоценности в этом ларце — артефакты. Тебе они, возможно, не нужны, но могут понадобиться другим кланницам, тем, кто со временем составят твой личный круг.

Личный круг прерогатива главы клана, первой леди и, в некоторых случаях, как в их с Габи, например, сестры или другого близкого родственника. На данный момент Габи совмещала в себе обе роли: первая леди и близкая родственница, и следовало признать, если бы не родство, Габи стала бы идеальной кандидатурой на роль супруги тана. Сила, воля, талант... Даже внешность, потому что лично ему она нравилась чуть больше, чем должна

нравиться в этом смысле сестра. Но, увы, у них одна кровь, и значит брак между ними невозможен, и с этим следует считаться.

— Распоряжайся, — подвинул он ларец ближе к Габи. — А вот это как раз именно для тебя.

Трис взял в руки кожаный сверток и стал его разворачивать. Здесь лежало именно то, что необходимо Габи, чтобы выжить, выстоять, уцелеть. Странно, но до сегодняшнего дня, до их разговора, во время которого его посетило смутное воспоминание, Трис ничего не помнил о «доспехе Алиеноры[3]», но, вспомнив, уже не мог не передать его своей сестре — коннетаблю клана Мишельер. Наконец сверток был развернут до конца, и Трис продемонстрировал Габи его содержимое: тончайшую кольчугу, словно бы сотканную из серебристой паутины, узкий пояс, собранный из кованых серебряных звеньев, узкие ножны, — кожа и серебро, — длинный обоюдоострый кинжал, наручи и поножи. Все это было невероятно тонким и легким, словно бы выкованное из лунного серебра.

— Серьезно? — подняла на него взгляд Габи. — Ты не думай, я ценю. Это... это очень красиво, но...

— Это доспехе Алиеноры Аквитанской, — пояснил тогда Трис. — Его создавали лучшие маги-оружейники того времени. Он защищал герцогиню во многих сражениях и спас от бесчисленного количества наемных убийц. Теперь он будет служить тебе.

— Зачем это, Трис? — не поняла Габи. — У меня пятнадцатый ранг, и я могу себя защитить, да и не только себя. И потом, в каком веке мы живем?

— Удар кинжалом в спину? — предположил Трис. — Уверена, что, если ассасин будет стоять почти вплотную к тебе, отреагируешь так же быстро, как на Олимпийском стадионе? А если это атака с помощью нескольких сильных артефактов, одновременно и с разных сторон? Не из винтовок с трехсот-четырёхсот метров, а, скажем, в бальном зале? Что случится, если придется защищать не только других, но и себя? Есть много ситуаций, Габи, когда одной собственной силы мало, поэтому, несмотря ни на что, многие сильные маги ходят с телохранителями и носят на себе защитные и атакующие артефакты. Не панацея, конечно, но береженных берегут сами боги!

— Ты подумал, как я буду выглядеть в кольчуге и поножах?

— Их никто не увидит, — Трис активировал боевой режим, и все, что лежало на столе, исчезло, растворившись в воздухе.

— Вес доспеха кило двести, — продолжил он свою краткую лекцию, — Кинжал — еще четыреста грамм. И его можно вообще не скрывать, а носить открыто. Вот и весь сказ. Конечно, если, пойдешь на гулянку в шелковом платье на голое тело, доспех будет не пододеть, но даже тогда поножи и наручь на левую руку — вполне.

— Какой удар держит эта броня? — Кажется, Габи, наконец, заинтересовалась и перешла к уточнению технических подробностей.

— Порядка 850 джоулей.

— Трис! — возмутилась его собеседница, не считая даже нужным скрывать свои чувства. — Мы проходили физику в урезанном объеме. Я не помню, а, скорее всего, просто не знаю, что это такое — джоуль. Так что, изволь объяснить.

— Скажем так, — усмехнулся ее возмущению Трис, — пуля весом в десять граммов, выпущенная из одной из тех винтовок, из которых стреляли снайперы-наемники на стадионе, с расстояния в десять метров.

— Я от такого удара физически улечу, как теннисный мячик...

— Но пробития доспеха не произойдет.

— Зато переломает все кости под кольчужкой...

— Не переломает, — успокоил девушку Трис. — В момент удара она ведет себя как броневой лист. Кинетическая энергия перераспределяется по всей площади объекта и частично уходит в окружающее пространство. Если будешь в это время стоять окруженная людьми, их разбросает вокруг тебя, как кегли, а ты останешься стоять на месте, словно, ничего не случилось. Возможно, вздрогнешь, и все.

— А ничего так, — признала Габи. — А с магией что?

— Атакующую технику до четвертого уровня включительно частично отразит, а частично впитает. До тебя дойдет максимум 15 % первоначальной силы.

— Под брючным костюмом вообще ничего видно не будет, но обниматься будет стремно.

— Не обнимайся, — пожал Трис плечами.

— А как же удовольствие пообжиматься в темном уголке гардеробной? — сделала Габи наивные глаза.

— Кстати об этом, — не поддался Трис на провокацию. — Есть еще один вопрос, который нам с тобой следует обсудить.

— Тогда, давай обсудим, — спокойно ответила Габриэлла.

— Ты так добра, Габи.

— В этом вся моя прелесть, — холодная улыбка и чертики в глазах. — В доброту.

— Что ж, тогда будь добра, выслушай меня спокойно. Речь пойдет о твоём замужестве.

— Я выхожу замуж? — удивилась Габи.

— Нет. Да. Не так скоро.

— Так нет или да? Как скоро? За кого?

— Не знаю за кого и когда, но именно об этом я хотел бы с тобой поговорить, — счел возможным объяснить Трис. — Ты совершеннолетняя, Габи, и со мной уже тут и там заговаривали на эту тему. И, поверь, пройдет совсем немного времени, как начнут свататься официально.

— Это было ожидаемо, разве нет? Ты сам говорил...

— Можешь не беспокоиться, — остановил девушку Трис. — Я не стану тебя неволить. Речь о другом. Когда-нибудь ты сама задумаешься о браке, и я хотел бы, чтобы к тому моменту ты четко знала, что возможно в твоём положении, а что — нет.

— Звучит интригующе... Слушаю тебя внимательно.

— Ты не можешь выйти замуж за кого-то равного тебе, — четко сформулировал Трис первое и главное ограничение. — За человека более знатного — тоже. Твой будущий муж должен быть менее знатен и, в идеале, беден. Но главное — он должен быть из тех, кого называют подкаблучником.

— Чтобы я могла ввести его в клан, и чтобы он не дерзнул лезть не в свои дела.

— Именно, — кивнул Трис. — Выбирай себе красавца... Любого, кто тебе понравится, и от которого ты сможешь родить здоровых детей. Дар перейдет к ним с твоей стороны... Это можно устроить. Есть, знаешь ли, методы. Так что жених может быть и не слишком одаренным магом. Выбирай так, как многие мужчины выбирают жену. Молода, красива и послушна. Но им обычно нужно еще и приданное, а тебе и этого не нужно.

— А если все-таки сильный, богатый и знатный... — Трис понял, о ком она говорит, и с жалостью подумал, что у таких, как она попросту нет выбора.

— Только если примет твой вассалитет, — сказал вслух, разом развеяв все надежды на мирный исход. — А это, если ты думаешь об Александре, практически невозможно.

— Жаль. Со слабаком жить неинтересно.

— Ты не обязана с ним жить, — пожал плечами Трис. — Развлекайся, получай от жизни удовольствие, а в остальном держи на коротком поводке. Впрочем, есть еще один вариант... Но, боюсь, тебе он не понравится.

— Рассказывай.

— Для женщин, по рождению или по необходимости принимающих на себя роль старшей в семье или клане... Речь о главе рода или, скажем, о коннетабле клана...

— Какое-то слишком длинное вступление...

— В общем, — решил, наконец, Трис, — ты можешь обратиться в императорскую коллегия или столичную курию и заявить при трех свидетелях, что ты мужчина.

— Но я женщина! — не поняла его Габи.

— Да, анатомически ты женщина и ею останешься, но тебя могут признать мужчиной. То есть, с этого момента во всех документах ты станешь мужчиной и получишь мужской статус согласно законам империи. Ни о каком выходе замуж тогда речи уже не пойдет, и все твои дети, от кого бы ты их не родила, будут считаться бастардами, но, как и любой бастард первого лица в клане, они смогут получить официальный статус. Будут признаны, усыновлены и получают все права законных наследников.

— Как-то это... вычурно.

— Да, но такой вариант тоже возможен.

— Кто-нибудь так уже делал? — нахмурилась Габи, явно впавшая сейчас в состояние ошеломления, граничащего с протрацией.

— Два-три прецедента в каждом поколении, — честно признал Трис, которому этот вариант тоже не нравился.

На самом деле, ему не нравился ни один из озвученных им вариантов, но он уже знал, что такое долг перед семьей, родом и кланом, — создатель сумел его в этом убедить, — как знал и то, что и сам сделает не то, к чему будет лежать его душа, а то, что должно сделать.

— А старой девой остаться не судьба? — выдвинула Габи вполне годную, как ей наверняка думалось, идею.

— Можно, — кивнул Трис. — Но тогда твои дети будут бастардами без права наследования. Их придется усыновлять мелким кланникам, а это, наверное, совсем не то, что ты захочешь для своих детей. Пойми, речь идет о восстановлении численности семьи, а это, в свою очередь, означает, что и мне, и тебе придется произвести не менее трех официальных потомков.

— Тебе легче, — поморщилась в ответ Габи. — Не тебе же рожать.

— Согласен, — признал Трис. — Женщинам в таких историях всегда тяжелее. Но делать нечего, за все в жизни приходится платить. За власть и богатство тоже.

— Напекаешь, что мне нужно поспешить с решением?

— Нет, — покачал он головой. — Просто хочу, чтобы ты имела это в виду, когда и если ты в кого-нибудь влюбишься. Ну или, если найдешь вдруг подходящую кандидатуру в отцы своих детей...

[1] *Magnifique femme* (фр.) — красивая женщина.

[2] *Виноградная водка Cigoc* производится во Франции. Она уникальна, так как в основе этой водки — спирт, полученный из двух сортов винограда: *Mauzac Blanc* из *Gaillac* и *Ugni* из

провинции Коньяк. Сок, отжатый из этих сортов белого винограда, подвергается холодному брожению, что дает на выходе качественный продукт с нежным ароматом и чистым натуральным вкусом.

[3] Имеется в виду Алиенора Аквитанская (ок. 1124 — 1 апреля 1204) — герцогиня Аквитании и Гаскони, графиня Пуатье с 1137 года, королева Франции в 1137–1152 годах, королева Англии в 1154–1189 годах, одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы Высокого средневековья. Алиенора была супругой двух королей — сначала короля Франции Людовика VII, а затем короля Англии Генриха II Плантагенета, матью двух английских королей — Ричарда I Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Женщина удивительной красоты, характера и нравов, выделяющих её не только в ряду женщин-правителей своего времени, но и всей истории.

3. Габи

Поездка в шато д'Агремон оказалась хорошей идеей.

«Нет, не так, — поправила себя Габи. — Это была блестящая идея!»

И в самом деле, на этот раз, Трис превзошел самого себя. Он всегда был безупречен практически во всем, и Габи к этому привыкла еще на стадии подготовки к «*первому выходу в свет*». Однако двадцать дней в долине Мааса оказались даже чем-то большим, чем было ей обещано. Габи не только овладела — и совсем неплохо овладела, — техниками ментальной защиты, она наконец окончательно пришла в себя от того ужаса, который пережил ее многострадальный организм после скоротечного боя на Олимпийском стадионе. Однако и это, как бы много его ни было, отнюдь не все просыпавшиеся на нее дары Фортуны, хотя именно об отдыхе и ментальных практиках говорил с ней Трис, отправляясь в путешествие в Арденны. Овладение изощренными ментальными техниками профессора д'Анкона привело Габи к неожиданному, но крайне важному результату. Она смогла поднять свой внутренний контроль до того уровня, который требуется для эффективного управления магическими потоками сверхмалой мощности. Причем умение это безотказно работало теперь не от случая к случаю, а по первому требованию, и не в одной какой-нибудь модальности, а с любой Стихией по выбору или во всех сразу, хотя последнее и означало огромный расход физических и душевных сил.

Это был серьезный и без преувеличений принципиально качественный шаг вперед, имея в виду развитие Габи, как внерангового мага. И даже это было еще не все, потому что существовали две вещи, о которых она не сказала пока даже своему брату. Во-первых, она, похоже, получила доступ к двум дополнительным стихиям — к Эфиру и Апейрону[1]. Но с этим, разумеется, ей предстояло еще разбираться и разбираться. А, во-вторых, — и это уже не «похоже», а факт объективной реальности, — она «нащупала» принцип взаимодействия с магией *Разделенных Тжа*. Там просто нельзя было думать «*по-человечески*» и включать *человеческую* логику. С магией Источника, — если уж ты не обладаешь способностью думать, «как они», — следовало работать по наитию: чувствовать, а не знать, формировать желания, доводить их до совершенства, превращая дубину неандертальца в остро заточенный мизерикорд.

Чувства, переживания и ощущения — точные, как математический расчет, интуиция вместо логики, настроение вместо осознания. Оперировать магией этих Полубогов было крайне сложно и требовало не сосредоточения, как в обычной магии, а, напротив, погружения в некое сумеречное состояние, похожее отчасти на то, что испытывает человек, находясь на грани между сном и бодрствованием. Таким, во всяком случае, представлялось это колдовство Габи. Возможно, все так и обстояло, но, может быть, и нет. Знать наверняка было нельзя. Однако никакой теории или руководства по использованию, по-видимому, не существовало, поэтому, исходя из принципа «*пока не попробуешь, не узнаешь*», ей оставалось лишь осторожно «*нащупывать тропу через болото*».

Между тем, дорога домой оказалась ничуть не хуже, чем путешествие в Арденны. Ехали не торопясь, останавливались, где понравится, и разговаривали обо всем на свете. Темы, в основном, выбирал Трис, но он был не против, чтобы иногда Габи тоже задавала вопросы. И вот, едва они миновали Дижон, она все-таки задала тот вопрос, который не выходил у нее из

головы все последние дни.

— Тогда на охоте... — начала Габи, неожиданно застенчившись своей решимости, — когда... Ты же помнишь, как я догнала оленя?..

Говорить о том, что она не просто его догнала, а затравила на волчий манер, ей не хотелось. Не нравилось вспоминать этот случай, тем более, о нем говорить. Но забыть не получалось. Как такое забудешь? Ведь Габи не просто догнала оленя, убила она его тоже не по-людски, не говоря уже о том, как ей тогда хотелось разорвать ему горло и пить горячую кровь. Неаппетитные воспоминания и желания нехорошие. Трис ее тогда успокоил, сказал, что никакой она не вампир, но ее это не утешило. И сейчас она снова вернулась к этой неприятной, но не желающей оставлять ее теме, спросив:

— А все-таки, что это было?

— Начало формирования боевого ядра, — ответил Трис, но, понятное дело, его слова ничего ей не объяснили.

— Звучит красиво.

— Но ты ничего не поняла.

— Так и есть, — кивнула Габи. — Самое время объяснить глупой мне, что тут и как.

— У боевых магов выше десятого ранга... — Было очевидно, Трис не в восторге от темы разговора, но он тоже, по-видимому, не раз вспоминал тот случай и, в конце концов, решил ей кое-что рассказать.

— У боевых магов выше десятого ранга со временем начинает формироваться так называемое «боевое тело». На самом деле, название не отражает сути дела. Это эвфемизм, потому что к бою это все относится более чем опосредованно. Грубо говоря, на начальной стадии это сгусток энергетических петель, связанных с эмоциями особого рода: гнев, азарт, неистовство и ярость. И все прочее в том же духе. А дальше так. Чем чаще ты используешь боевые плетения, чем выше твой магический потенциал, чем чаще ты попадаешь в напряженные или опасные ситуации, тем быстрее формируется «тело». На каком-то этапе, оно начинает влиять на характер мага, на его восприятие действительности. Нарастает тревожность, подозрительность, которая очень быстро превращается в паранойю. Мир видится в темных тонах, настроение уходит в минор, и постепенно ослабевают внутренний контроль и способность взглянуть на ситуацию критически. Случаются вспышки неконтролируемой агрессии и, так называемой, «боевой истерики». Это первый из двух возможных синдромов. Чаще всего «солдатская паранойя» характерна для относительно слабых магов, и дальше эмоций изменения не идут. Второй синдром, — синдром «темного охотника», — формирует в душе мага нечто вроде второй личности, которую легко спутать с боевым трансом. Вот это уже куда серьезней. Формирующаяся псевдоличность — это двусторонняя сущность, вроде Двуликого Януса. Вторая ипостась охотника — хищник, поэтому боевой маг поочередно впадает в одно из двух состояний: он или хладнокровный преследователь и упорный боец, или хищник, управляемый своими страстями, главная из которых — жажда крови в прямом и переносном смысле.

— И куда это меня приведет?

— Давай подумаем. — Вопрос Габи Триса не удивил. — У тебя огромный потенциал, и ты развиваешься очень быстро. Пожалуй, даже слишком быстро. Плюс ты прошла через две смертельные битвы. Умерла и воскресла. Дважды. Полагаю, твое «боевое тело» находится сейчас в третьей фазе развития, и это не «солдатская паранойя». И еще, ты скорее темный охотник, чем чудовище. Боец, а не хищник, и это хорошие новости.

— Тогда, переходим к плохим, — с кислой миной на лице предложила Габи.

— Лет эдак через пять-семь, если снова не вмешаются обстоятельства, охотник окончательно сольется с твоей личностью, что сделает тебя, Габи, еще спокойнее и холоднее, циничнее и, разумеется, безжалостной, как гнев богов. И это еще не самое плохое, чудовище станет разумным и обретет плоть.

— Я стану оборотнем? — обреченно спросила Габи.

— Нет, что ты! — успокоил ее Трис. — Ты сможешь выпускать своего хищника в мир. При всей свободе воли, он будет подчинен тебе, поскольку его выживание напрямую связано с тобой. В чем-то это даже хорошо. Такого телохранителя иди еще найди, но жизнь явно станет сложнее.

— Ты сейчас зачитал мне мой приговор? — почувствовав, как разом ушли из нее силы, спросила Габи.

— Почему именно приговор?

— Потому что в той, кого ты описал, меня уже не будет. Это ведь буду не я, разве нет?

— Тут ты права, — признал Трис, — но я имел в виду другое. Это не приговор, милая, потому что ничего этого с тобой еще не случилось. Будем искать противоядие, а кто ищет... Ты же знаешь, Габриэлла! Кто ищет, тот всегда находит.

Рассказанное Трисом, как и следовало ожидать, оказалось для Габи трудной правдой. Понятно стало, отчего он не стал ей рассказывать сразу о «темном охотнике». Наверняка, сомневался, а стоит ли расстраивать девочку заранее. Она и сама не была сейчас уверена в том, нужно ли ей было знать, какое будущее уготовили ей боги, какой высокой будет плата за доставшееся ей «*задаром*» невероятное могущество. Но сделанного не воротишь: вопрос был задан, ответ получен, и теперь с этим всем ей предстояло жить, беспомощно наблюдая за тем, как день за днем в ней умирает человечность. Невеселая перспектива. Ужасающая, если быть честной до конца. Способная до срока свести с ума. Однако, несмотря на мрачные ожидания, со страхом она справилась куда быстрее, чем следовало ожидать. Опасения никуда, вроде бы, не делись, но градус эмоционального напряжения очевидным образом понизился: истерики не случилось, и голова снова работала, как надо, а не как придется.

— А ты? — спросила она, переварив наконец услышанное. — Ты же гораздо сильнее меня. Как ты справляешься со всем этим?

— У меня другая природа Дара, — словно бы, нехотя, объяснил Трис. — Я, грубо говоря, ученый, а не солдат. Меня подобного рода изменения почти не затрагивают. Возможно, они компенсируются жаждой знания или еще чем-то в этом роде. Но, знаешь, что? Кажется, ты подала мне сейчас великолепную идею.

— О чем речь? — заинтересовалась Габи.

— Что, если отец предусмотрел такой исход и каким-то образом вмешался в развитие моего Дара.

— Допустим, — кивнула Габи, начиная понимать ход его мысли. — Хочешь сказать, что сделанное однажды можно повторить?

— Умница! — сразу же откликнулся Трис. — Нам есть с чего начать. Есть ты и есть я. То есть, у нас имеются для исследования два человеческих экземпляра со сходными характеристиками, — усмехнулся он, быстро взглянув на Габи и сразу же вернувшись к дороге. — И еще у нас есть архив отца. Я буду искать.

— Я готова помочь.

«Чем смогу... Но уж очень хочется поучаствовать... И... и придется, наверное,

поспешить с рождением наследников, а то потом может стать поздно...»

— Значит, будем искать вместе, — подвел Трис итог краткому обсуждению ее перспектив.

***

На этот раз путешествие затянулось. Вроде бы, та же дорога, те же развлечения, — поесть, попить или выпить, сходить в уборную, — но в палаццо Коро они приехали хорошо за полночь. Тем не менее, Габи категорически отказалась ложиться спать на голодный желудок, и в результате, уже в первом часу ночи им с Трисом подали «поздний ужин», состоявший из байоннского жамбона[2], жареной с картофелем колбасы андуэт[3], салата Нисуаз[4] и сыров из Бургундии и Лангедока. Пища, что и говорить, тяжеловатая, в особенности, для ночного перекуса, но у Габи был крепкий желудок, и она порядком проголодалась. Поэтому мела все подряд, с бешеной скоростью, но не нарушая приличий. Выпила под это великолепие два бокала белого вина и, вполне удовлетворенная достигнутым результатом, отправилась спать. Чтобы уже с утра вернуться к своей нормальной ненормальной жизни.

Подскочила в шесть утра, быстро написала несколько записок и, уронив их по пути на поднос для исходящей корреспонденции, занялась своим телом. Бег, сопровождаемый ментальной тренировкой, комплекс физических упражнений с одновременным удержанием контроля на два-четыре-шесть двустихийных плетений малой мощности, стрельба из лука и совсем немного боевой магии: пара-другая щитов и несколько атакующих. Получилось легко, почти без напряжения.

«Трис прав, — отметила мимоходом, — я развиваюсь слишком быстро!»

Беда, однако, состояла в том, что она уже не могла остановиться. Как-то незаметно, магия стала частью ее самой, и Габи просто не могла не колдовать. Потребность в использовании силы была, кажется, сильнее, чем голод и жажда.

«Вот же напасать!»

Но горюй или нет, прогресс налицо, и его уже не остановить. Дар развивался, и сила требовала выхода.

Загнав мрачные мысли в самый дальний угол, спрятавшийся в потемках ее души, Габи приняла душ, оделась подобающим образом и спустилась к позднему завтраку. К этому времени уже пришел ответ на ее первую записку. Герцогиня Перигор будет счастлива принять ее в любое время, — «*Только приходи!*», — и предлагала пойти вместе на полдничное чаепитие к принцессе Эве Сабинии. Записка обрадовала Габи, и между овсянкой с медом и киш-лорен[5] она быстро написала ответ, в котором обещала быть у «*моей любезной Мари*» не позже десяти утра и с радостью пойдет с ней вместе в императорский дворец на полуденный чай. А еще через полчаса, когда Габи уже допила свой утренний кофе, — черный, крепкий и без сахара, — и выбирала наряд на первую половину дня, с разницей в три минуты пришли ответы от Зандера и Эвы Сабинии. Судя по тексту послания, принцесса была искренно рада тому, что Габи «*жива, здорова и готова вернуться в Свет*», и настоятельно приглашала прийти к ней сегодня же на полуденный чай или отправиться вместе, но уже вечером на вечеринку в Во-ле-Виконт — городском замке Анаис д'Антиньи. В свою очередь, князь Трентский был готов к любому повороту: прийти в гости, встретить вечером у среброгосой Анаис или днем в императорском дворце, «*или еще где-нибудь в удобное для вас, Габриэлла, время*».

Что ж, ей понравились практически все предложения, и поэтому Габи решила, что сначала, как и собиралась, поедет к Марии, а затем уже вместе с герцогиней Перигор отправится на чаепитие к принцессе. При этом, учитывая, что полуденный чай в императорском дворце подают почти в два часа дня, Габи успеет заехать домой и переодеться. Однако возможно и совсем другое развитие событий. И, если душевный разговор с подругой затянется, — а Э клана Мишильер и сама была не против узнать все свежие новости, включая циркулирующие в обществе слухи и «*смелые предположения не названных по имени лиц*», — то, наверное, имеет смысл взять с собой на всякий случай камеристку и туалеты на смену.

«Значит, посадим ее с телохранителями в машину сопровождения, и кто-нибудь из парней, если потребуется, поможет Камилле, перетащить в шато дю То кофры с одеждой и прочим всем. Замечательная идея!»

Так она и поступила, и, как оказалось, не зря, потому что посиделки, — с миндалем и фисташками в меду и сладким айсвайном[6] — затянулись надолго, практически до самого полдничного чаепития. Они болтали с герцогиней Перигорской, смеялись, пили вино и снова смеялись, если уж не хихикали, но при этом Габи никак не могла отделаться от мысли, что все это мишура и маскировка. Отвод глаз, потому что Мари, похоже, говорит одно, а думает о другом. Сначала, это было лишь смутным ощущением, но время шло, и становилось очевидно — никакой ошибки здесь нет. За словами и улыбками есть что-то, что тревожит Марию, не дает ей покоя, что-то важное, о чем она, однако, не решается или стесняется говорить. В принципе, ничего необычного или невозможного в этом не было. Габи отсутствовала в Лионе почти три недели. За такой долгий срок у Марии мог появиться жених или любовник, новая подруга или свежие неприятности.

«Впрочем, — сообразила вдруг Габи, посетовав на свою забывчивость, — у нее и старые неприятности такие, что только врагу можно пожелать!»

— Рассказывай, Мари! — сказала она строго, даже не улыбнувшись очередному пересказанному ей каламбуру барона де Лакруа.

— Габи... — споткнулась на полувздохе герцогиня.

— Что-то стряслось? — нажала Габи. — Я же вижу, в каком ты состоянии, моя дорогая. Уважаю твою силу воли, но всему есть предел, а я все-таки не чужой тебе человек. Так что тебя... расстраивает?

Она хотела использовать другое слово, — «пугает», «гнетет» или еще что-то в том же роде, — но решила смягчить заданный вопрос.

— Покушение недостаточная причина?

— Смотря для чего.

— Для страха, Габи, для ужаса! Я до смерти боюсь, что когда-нибудь рядом со мной не окажется кого-нибудь вроде тебя!

— Вообще, боишься или опасаясь чего-то конкретного? — уточнила Габи, хотя и поняла уже, о чем пойдет речь. Вернее, о ком.

— Меня хотели убить, — ответила Мария просевшим и разом охрипшим больным голосом, — и я не знаю, кто хочет моей смерти. Больше всего пугает именно неизвестность: я не знаю кто, хотя догадываюсь, почему. Вернее, уверена: герцогская корона — достойный приз.

— Скорее всего, так и есть, — согласилась Габи, не видевшая других причин для покушения и не желавшая обманывать свою, возможно, единственную настоящую подругу.

«Если в этом мире, вообще, есть место дружбе...» — Впрочем, Мария свое право называться подругой заслужила, но тогда таковой следовало считать и Эву Сабинию.

— Проблема в том, — продолжала между тем герцогиня Перигор, — что тот, кто хочет убрать меня с шахматной доски, это кто-то, кого нет в списке очевидных бенефициаров. И это заставляет меня нервничать еще больше. Я не знаю, откуда придет следующий удар.

Что ж, она была права. За время пребывания в шато д'Агремон, Габи не раз и не два обсуждала этот вопрос с Трисом.

— Надо внимательно просмотреть все генеалогические цепочки за последние сто лет, — озвучила Габи одну из самых простых идей, возникших в ходе обсуждения с Трисом «*проблемы герцогини Перигор*». На самом деле, брат, — а Габи чем дальше, тем чаще называла его своим братом даже мысленно, — давно уже отдал распоряжение клановой разведке тщательно проверить все окружение Марии Перигорской, и это было не единственным делом, которым занимались сейчас потайники клана.

— Разумеется, — согласилась с ней Мария. — Но я... О, боги! Как же сложно иногда выразить самую простую мысль!

— Мари, — Габи постаралась максимально смягчить свой голос, убрав из него любой намек на властность или требовательность, — мне ты можешь сказать, не опасаясь, все, что угодно. Обещаю, я сохраню твои слова здесь, — указала она на сердце.

— Хорошо... Спасибо! — решила наконец герцогиня. — Габи, ты лучшая! Передай своему брату, что, если он сделает мне предложение руки и сердца, я соглашусь без колебаний. Вот!

«О-ля-ля! — восхитилась Габи. — Трис, как всегда, оказался прав».

Такую возможность они с братом обсуждали тоже и пришли к выводу, что это был бы оптимальный вариант и для клана, и для Марии, да и для него самого, наверное, тоже. Однако Трис тогда оговорился, что сам с этим вопросом спешить не будет, однако, если инициатором заключения брака выступит Мария, тянуть не станет тоже. Первый шаг в ее случае означал среди прочего, что при составлении брачного контракта герцогиня Перигор не станет требовать больше того, что предложит ей тан Тристан Мишильер. Проблема в таком раскладе была одна, но крайне серьезная: не случится ли так, что они сыграют по чужим нотам. Что если кто-то хитроумный просто подтолкнул герцогиню к «*единственно правильному решению*». Непонятно, только зачем? *Is fecit, cui prodest*, как говорят образованные люди. *Сделал тот, кому выгодно*. Но кому это может быть выгодно кроме них с братом и Мари?

— Ты отдаешь себе отчет в последствиях такого шага? — спросила Габи вслух. Она была рада такому повороту, но не хотела, чтобы предложение Марии оказалось следствием момента слабости.

— Да... — кивнула Мария. — Я все обдумала. Советовалась с нашими юристами. Все согласны с тем, что это безупречное решение. Во всяком случае, для меня и для императора.

— С Эвой ты на эту тему говорила? — вопрос возник сам по себе, без какой-либо веской причины, но, возможно, сработала ее обострившаяся в последнее время интуиция.

— Она говорила со мной, — подтвердила Мария.

— То есть, это ее идея? — насторожилась Габи.

— Ты не думай, — всполошилась Мария, по-видимому, неправильно оценив вопрос Габи, — мне Тристан очень нравится, и с тобой тогда мы станем почти сестрами.

— Я знаю, что он тебе нравится, — успокоила Габи подругу. — Но первой озвучила эту

идею Эва?

— Да.

«Остается понять, почему? По доброте душевной или по приказу императора?»

Впрочем, могло случиться и так, что кто-то другой попросил принцессу об услуге или, как бы случайно, подбросил ей мысль свести герцогиню и тана. И оба варианта, что характерно, означают заинтересованность третьей стороны. Вот только не угадать, кто бы это мог быть, и в чем его интерес. А все непонятное — потенциально опасно, и, значит, ей придется заниматься еще и этим, хотя, видят боги, интриги — не ее профиль.

— Я передам, — сказала она вслух. — И я буду просить его отнестись к твоим словам со всей серьезностью, которой они достойны.

— Если хочешь, конечно, — добавила она мягко, поскольку Габи показалось, что ответ прозвучал излишне сурово.

— Хочу, — без заминки ответила Мария и бросилась к Габи на шею.

Объятия... слезы... Все это было лишним. В таком случае, Габи предпочла бы постель. Лучше трахаться, — это хотя бы приятно, — чем жалеть и горевать. Но делать нечего, приходилось терпеть.

[1] Древнегреческий философ Эмпедокл создал учение о четырёх стихиях — воде, земле, огне и воздухе. Эфир — это тончайшая пятая стихия в античной и средневековой натурфилософии, физике и алхимии. Соответственно, Апейрон — это нечто промежуточное между воздухом, водой, огнём и землёй. Пифагорейцы называли апейроном беспредельное бесформенное начало, которое вместе с противоположным ему «пределом» является основой сущего.

[2] Байоннский жамбон или байоннская ветчина, — сыровяленый свиной окорок, производимый в окрестностях Байонны на юго-западе Франции. Окорок солят всухую каменной солью, после чего сушат на открытом воздухе до 7 месяцев.

[3] Андуйет — сорт французской колбасы, традиционный для старых французских провинций Шампань, Пикардия, Артуа. Изготавливается также во Фландрии и Лионе.

[4] Салат Нисуаз — салат с анчоусами. Готовится из свежих овощей, вареных яиц с добавлением анчоусов и оливкового масла.

[5] Киш-лорён (лотарингский пирог) — это слоёный тарт (открытый пирог) с основой из рубленого теста, заливкой из смеси яиц, сливок или молока и сыра, сметаны 35 % и с копчёной грудинкой, нарезанной тонкими брусочками.

[6] Айсвайн — ледяное вино (фр. Vin de glace, нем. Eiswein) — дорогое коллекционное десертное вино с густым букетом, изготавливаемое из винограда, замороженного на лозе.

Глава 4. Октябрь 1939

1. Трис

Это был странный день. День, когда нарушаются сложившиеся прежде планы и возникают новые возможности.

Вернувшись из поездки в Арденны, практически весь следующий день Трис провел в своем кабинете. Дела сами себя не сделают, а дел этих у главы клана всегда столько, сколько получится переделать, и еще столько же. И какие бы хорошие ни были у него помощники, хозяйский пригляд никогда не будет лишним. Вот Трис и работал, проводя одно совещание за другим, выслушивая отчеты своих помощников и советников, просматривая документы, поданные ему на подпись, отдавая распоряжения и формулируя вежливые просьбы. Ни о занятиях наукой, ни о светской жизни в таких обстоятельствах не могло идти и речи. Однако там, где сам тан определил свои цели и задачи, отказавшись для экономии времени даже от нормальных завтрака и обеда, настойчивость проявили другие люди из его близкого и дальнего окружения, внося некоторые коррективы в принятую Трисом повестку дня.

Первым таким активистом стал, как ни странно, Рудольф де лас Куэвас, известный в полукриминальных кругах столицы как Жером Нуар. Руди был мастер на все руки и выполнял зачастую весьма деликатные поручения своего молодого господина.

— Ваша милость! — вежливо поклонился мужчина, входя в рабочий кабинет Триса.

— Оставим расшаркивания на потом, — отмахнулся Трис. — Карл сказал, у тебя что-то срочное, Руди. Времени у меня мало, поэтому садись, — кивнул он на кресло для посетителей, — излагай. Только коротко, пожалуйста. Самую суть.

— Суть, — согласился Рудольф, усаживаясь в кресло. — А суть такова, мой тан, что я нашел след одной из трех винтовок. Это снайперский вариант русской СВТ-40.

— СВТ?

— Самозарядная винтовка Токарева. Токарев — это фамилия конструктора.

— Я понял, дальше!

— Винтовка эта у нас особым спросом не пользуется, но все-таки поступила в торговый дом Дюфура малой партией, всего семь штук, в 1926 году. Последний экземпляр был продан два года назад Деборе Моенн-Локкоз, но исчез из ее дома вместе с некоторыми другими ценностями в январе 1932. Госпожа Моенн-Локкоз страстная охотница, и у нее в доме находится довольно приличная коллекция охотничьих ружей и боевых винтовок. В тридцать втором украдены были только две из них, и наша СВТ не являлась ни самой дорогой, ни самой редкой из тех, что стоят в оружейных шкафах мадам. Я поговорил кое с кем в уголовной полиции, говорят, что похоже на специальный заказ, и что это хороший след. Вора постараются найти как можно быстрее. Я их простимулировал, «оплатив расходы», так что... Думаю, найдут. Ну, это все, на самом деле.

— Спасибо, Руди! — поблагодарил Трис своего лучшего агента. — Это действительно хорошая новость. Дожми их!

— Будет сделано.

— Что-то еще?

— Да, вот даже не знаю... — неожиданно смутился мужчина.

— Рассказывай! — потребовал Трис, уловивший нечто любопытное в интонациях своего

потайника.

— Это касается вашей сестры, мой тан. Даже неловко говорить, но...

— Продолжай!

— Дней десять назад, — словно бы, виновато начал агент, — в клубе «Нуба» появилось новое лицо. Гийом де Ламот-Уданкур из Сентонжа. Род древний и знатный, — герцогская корона в гербе, — но оскудевший. У Гийома, как говорится, ни кола, ни двора, но титул принадлежит именно ему. Служил на флоте, ушел в отставку в звании Capitaine de corvette[1]. Маг, естественно, но не очень сильный: шестой-седьмой ранг в стихии Воздуха.

— Какое отношение это имеет к Габриэлле? — счел нужным уточнить Трис, вспомнивший по случаю разговор, который состоялся у них с Габриэлой в вечер перед отъездом из шато д'Агремон.

«Бывают же такие совпадения...»

— Ей ведь все равно придется выходить замуж...

«Умный ты парень, Руди, — кивнул мысленно Трис. — Еще и приказ не сформулирован, а ты уже пришел с решением проблемы. Ну, ну... посмотрим...»

— Тогда хотелось бы получить чуть больше подробностей, — сказал он вслух. — Почему именно он?

— Гийому тридцать два года, — с готовностью доложил Руди, — рост метр восемьдесят семь, брюнет с голубыми глазами, по-мужски красивый, спортивный. Женщинам нравится, причем всем подряд: и молодым, и тем, кто постарше.

— Альфонс?

— Пока еще нет, — покачал головой тихарь. — Но, если так дальше пойдет, скоро станет.

— Картежник, алкоголик, наркоман?

— Три раза — нет.

— Другие достоинства есть? — Трис вполне оценил проделанную его агентом работу и еще раз отметил, что Рудольф сам, без подсказки вычислил одну из будущих проблем семьи и рода и проявил в этом вопросе разумную инициативу.

«Хороший парень! Далеко пойдет!»

— Хорошо воспитан, — продолжил между тем Рудольф, — образован, легко поддерживает беседу практически на любую тему, знает языки. И что немаловажно отнюдь не дурак и, как ни странно, не подлец.

— Что-то еще?

— Способен к размножению, — усмехнулся Рудольф. — У него есть внебрачная дочь семи лет, писанная красавица и к тому же магесса, хотя ее мать Дара не имеет. Полагаю, это важное уточнение.

Что ж, Рудольф был прав. Красивый молодой мужчина с титулом, но без средств, за которого, тем не менее, не стыдно выйти замуж. К тому же доказавший делом, что может зачать здорового и не обделенного Даром ребенка. Магия магией, но правильная генетика еще никому не помешала.

— Ты ведь понимаешь, что все это строго между нами? — Спросил тогда Трис.

Прежде, чем переходить к делу, тем более, к такому деликатному делу, как личная жизнь Габи, следовало расставить все точки над «і».

— Разумеется, мой тан! — Что ж, Рудольф все понимал правильно, в чем Трис, на самом деле, несколько не сомневался.

— Тогда так, — сказал он, формулируя новое задание. — Надо бы сблизиться с этим Гийомом де Ламот-Уданкуром и как-нибудь неназойливо, в темную для обоих, познакомить с Габриэлкой. Можешь приглашать его к нам в палаццо, ходи с ним в кабаки и на танцульки, но только туда, где появляется Габриэлла. В общем, сдружись с ним. Деньги можешь брать из разведывательного фонда. И не пугайся, если дело у них с Габриэлкой дойдет до постели. Это уже не твои проблемы. Она девочка взрослая, сама знает, что и как. Главное, сведи их вместе, познакомь, а дальше посмотрим. Может быть, что-то из этого и выйдет...

***

Вторым человеком, вмешавшимся в его планы, стала принцесса-наследница. Ее секретарь связался по телефону с Карлом — секретарем Триса, и спросил, можно ли, не ставя его в неловкое положение, пригласить тана на завтрашнее полуденное чаепитие к наследнице престола? Это был первый раз, когда его приглашала во дворец сама Эва Сабиния, но удивило даже не это, а то в какой деликатной форме это было сделано. И, хотя не прозвучало ни единого намека на необходимость соблюдения секретности или на тему предстоящей беседы, — а она предполагалась самим этим приглашением, — было очевидно, что принцесса хочет обсудить с Трисом какой-то, по всей видимости, весьма щекотливый вопрос. Разумеется, Тристан принял приглашение, передав через секретаря *«слова сердечной благодарности за оказанную ему высокую честь»*, и задумался над тем, что бы это могло быть. Но ничего путного в голову не приходило, — кроме дикой идеи, что Эва Сабиния хочет сделать ему формальное предложение руки и сердца, — и Трис решил, следуя совету древних, не торопить события. Придет время, и все так или иначе разъяснится. И, разумеется, тогда, когда он обдумывал столь неожиданное приглашение в императорский дворец, Трис не мог знать, о чем захочет поговорить с ним Габи, когда вернется вечером в палаццо Коро. Впрочем, сестра была лишь четвертой в списке «нарушителей спокойствия», потому что третьим оказался князь Трентский.

У Зандера все еще не было собственного секретаря, что, к слову сказать, весьма удивляло всех его знакомых, и Трис в этом смысле не был исключением. Однако, принимая во внимание дружеский характер связывающих их отношений, не стал вести переговоры через Карла, а попросил секретаря соединить его с князем Трентским напрямую.

— Здравствуйте, Зандер! — сказал он в трубку, как только их соединили. Он был рад слышать голос приятеля, но одновременно испытывал определенное раздражение оттого, что этот незапланированный разговор отвлекает его от куда более важных дел. Деньги счет любят, а слова ветер носит.

— Здравствуйте, Трис! С возвращением! — приветствовал его между тем князь Трентский. — Надеюсь, у вас все благополучно, мой друг. Как себя чувствует Габриэлла?

— Спасибо, Зандер, — ответил на это Трис, — у нас все в порядке. Что же касается Габриэлки, сестра уже полностью оправилась от магического истощения и снова полна сил.

— Нам надо увидеться, — сказал тогда Зандер, излишне резко ломая стандартный ход разговора. — И это не терпит отлагательства, Трис. Очень важный вопрос для всех нас.

«Для всех нас? — переспросил мысленно Трис. — Что ж, так и есть, если это то, о чем я думаю».

Если Трис вычислил наличие среди придворных телепата и озаботился защитой своего разума от проникновения, то почему этого не мог сделать Зандер? С его-то головой и образованием! К тому же, в отличие от них с Габриэлкой, князь Трентский все это время —

практически три недели, — оставался в столице и, значит, мог узнать здесь что-нибудь важное.

«Придется встретиться! — решил Трис, прокрутив в голове все «Pro et contra»[2], - Онс того стоит».

— Речь, как я понимаю, о конфиденциальном разговоре, — сказал он вслух, не переспрашивая, а подтверждая сказанное Зандером. — Поэтому ресторан или клуб отпадают. Тогда, может быть, загляните ко мне в палаццо Коро? Сможете подъехать часикам к пяти?

Стиль разговора, но в особенности, формулировка приглашения намекали на возможность еще большего сближения между ними, — что, по мнению Триса соответствовало желаниям обоих, — и, кажется, князь Трентский со своей стороны тоже был готов сделать еще один шаг навстречу.

— Да, это отличная идея, — ответил он на предложение Триса. — В пять часов, у вас в палаццо Коро.

— Будет ли дома ваша сестра? — добавил, спустя мгновение. — Я так и не выразил ей лично ни свою благодарность за спасение, ни мое восхищение ее могуществом и отвагой.

— Насколько я знаю, — возразил Трис, — она вам обязана ничуть не меньше. Жизнь за жизнь... Но, увы, ее не будет вечером дома. Сами понимаете, наверстывает упущенное.

— Жаль, — с какой-то странной интонацией констатировал князь Трентский. — Но что есть, то и есть. Буду у вас в пять вечера.

— Значит, договорились! — подвел Черту Трис.

Положив трубку на рычаги, он сверился с показаниями своих внутренних часов, — времени в запасе было еще более чем достаточно, — и вернулся к чтению финансовых отчетов. Если честно, занятие это не слишком увлекательное, но, несомненно, полезное и познавательное, хотя и достаточно нервное. От бесконечных столбцов цифр в итоговых таблицах хотелось завывать или, напротив, смежить веки и уснуть...

«И видеть сны», — усмехнулся он мысленно, вспомнив по случаю «Быть или не быть» Шекспировского Гамлета.

Становилось понятно, отчего его «великий отец» так сильно и так надолго запустил дела клана. Заниматься магической наукой куда интереснее, чем день изо дня вкалывать, вытягивая клановую телегу из дерьма. Но у Триса, хвала богам, пока, вроде бы, получалось не отчаиваться, а в дальнейшем можно было рассчитывать на помощь Габи. Она девочка способная. Подучится немного и тоже впряжется. И тогда...

«Габи! — вспомнил он еще об одном неотложном деле. — Габи! Вот же я беспамятный! Феб серебрукий[3], как я мог об этом забыть?»

Серафина! — коснулся он через поток Духа сознания великой целительницы клана.

Конкордия! — добавил через мгновение, вспомнив о том, кого позвал на помощь после того, как на Габриэлле напала в императорском дворце Жемчужная женщина Тва'А. — *Вы нужны мне обе! Прямо сейчас, дамы, если это возможно и приемлемо.*

В стенах палаццо Коро телепатическая связь через потоки Духа работала безукоризненно, и, более того, здесь она «звучала», как обычная речь. Но стоило выйти за порог замка, и передать другому человеку получалось лишь самую общую мысль. Поднять тревогу, например. Послать срочный вызов. Показать какую-нибудь будоражащую воображение картинку. Впрочем, сейчас Трис находился дома, где стены и перекрытия пронизывало множество разнообразных магических потоков, созданных родственным ему

Источником, и значит, при необходимости, — вот прямо, как сейчас, — Трис мог напрямую общаться со своими кланниками. Именно это он и сделал: позвал двух наиболее доверенных женщин клана, чтобы обсудить с ними душевное здоровье сестры. А оно его, если честно, волновало его чем дальше, тем больше.

Иду, — практически мгновенно ответила Серафима.

Буду через десять минут, — сообщила баронесса де Грамон спустя минуту.

Кофе и подходящие сладости, — приказал он буфетчику, воспользовавшись той же формой телепатической связи, что и прежде. — *Без крепких напитков. На три персоны. В моем рабочем кабинете.*

Им предстоял крайне серьезный разговор на тему, которую Трис мог обсуждать только с ними и ни с кем другим. Габи слишком быстро набирала силу и слишком быстро развивалась, как боевой маг, и вследствие этого так же стремительно и неудержимо формировалось ее «боевое тело». Проблема, однако, была в том, что возникавший внутри нее «темный охотник», — хоть и являлся в ее случае наименьшим злом, — мог легко свести девушку с ума. Интуиция подсказывала, однако, что такого исхода можно избежать, оставалось понять, как это сделать. И в этом смысле, помощь Серафины и Конкордии могла оказаться более чем актуальной.

[1] *Capitaine de corvette* — капитан 3-го ранга.

[2] *Pro et contra* (лат.) — за и против. Схоластический метод ведения дискуссии, при котором выдвигаются два ряда противоречащих аргументов.

[3] Феб (Аполлон) в древнегреческой и древнеримской мифологиях бог света (отсюда его прозвище Феб — «лучезарный», «сияющий»), покровитель искусств, предводитель и покровитель муз, предсказатель будущего, бог-врачеватель, покровитель переселенцев, олицетворение мужской красоты. Один из наиболее почитаемых античных богов.

2. Габи

Чаепитие во дворце прошло просто замечательно. Все присутствующие ей были искренно рады, и Габи даже специально отметила, что Эва Сабиния пригласила сегодня только тех, кто, как и она, общался с Э клана Мишильер не по обязанности, а по душевной склонности. Кроме Марии Перигорской, за столом присутствовали принцесса Брабантская Анаис д'Антиньи, про которую наивная герцогиня Перигор рассказала Габриэлле, что та спит с их милым другом Зандером, Кло де Бомануар герцогиня де Шеврёз, помогавшая все тому же князю Трентскому в памятный день покушения на стадионе удерживать Габриэлла Мишильер по эту сторону Стикса, и виконтесса Брюникеля Анна Луиза, пожертвовавшая тогда же для «общего дела» последнюю заначку «Нектара» золотой пробы. Это был хороший знак, нечто, вроде, руки, протянутой для дружеского рукопожатия. Впрочем, самого рукопожатия не последовало, его заменил поцелуй в губы, для чего принцессе пришлось встать на цыпочки. И, следует заметить, это был отнюдь не дружеский поцелуй. Габи это почувствовала, а остальные заметили и отреагировали каждая по-своему: у Анаис расширились зрачки, — она то ли приревновала, то ли позавидовала, или, возможно, просто завелась от одного вида целующихся женщин, — Кло покраснела, а Анет облизала враз пересохшие губы. И только Мария Перигорская, глядя на этот откровенный разврат, всего лишь задумчиво прищурилась. Сама же Габи не знала, как реагировать на это публичное проявление чувств. Сам по себе поцелуй ей понравился, и она была совсем не против продолжить легкую интрижку «в кругу девочек», но одно дело ласки в будуаре, да еще и на пьяную голову, и совсем другое — такая вот откровенная демонстрация намерений. В общем, она была порядком смущена и довольно-таки заинтригована, но, разумеется, как того и требовало ее новое/старое воспитание, скрыла свои эмоции от присутствующих, поскольку привычка — вторая натура.

Итак, при встрече все расцеловались, но, разумеется, не в губы и не так страстно, как это случилось у Габи с Эвой Сабинией. Потом, рассевшись вокруг стола, женщины принялись за чай и сладости, хотя сама Габи предпочитала чуть подсоленные орешки кешью и миндаль, добавляя к ним изредка кусочек сыра Сен-Нектер или Морбье, и жалела только о том, что на столе нет свежего багета. Сейчас, под настроение, она бы от него не отказалась, но, увы, из мучного подавали одни лишь торты и пирожные, но ничего сладкого ей как раз и не хотелось. Впрочем, она достаточно быстро увлеклась оживившимся через пару минут разговором и думать забыла о своих недоумениях относительно Эвы Сабинии и ее поцелуе или о причудах своих неустойчивых гастрономических пристрастий. Сейчас, в дополнение ко всему тому, что успела рассказать ей утром Мария, Габи услышала множество новых историй, частью подлинных, а частью основанных всего лишь на слухах. Местами смешных, иногда более, чем пикантных, но таковы уж были имперские новости в их великосветской интерпретации. Сама же она на вопросы собеседниц отвечала не то, чтобы уклончиво, но без подробностей. Болела, дескать, много и подолгу лежала в постели, проходила лечение, какое прописала ей клановая целительница, еще гуляла по лесам и весям, дышала свежим горным воздухом и отъедалась простыми крестьянскими блюдами с ее родным, — алеманны мы, как ни как, — национальным колоритом. Рассказала, как бы в шутку, о крепком пиве, которое варят в Арденнах — *«не шампанское брют, конечно, но тоже шипучее»*, — и об

исключительно картофельно-мясном меню, сытном, вкусном и ни разу не приедающемся. Так что ее рассказ собравшимся тоже понравился, но явно не удовлетворил их женское любопытство. Впрочем, никто не настаивал, поскольку расспрашивать того, кто явно не хочет отвечать на прямо поставленные вопросы, — это исключительный моветон.

Однако чаепитие оказалось отличным поводом не только окончательно запутаться в том, чего от нее добивается Эва Сабиния, — взгляды, улыбки и брошенные, как бы вскользь, слова, — но и объясниться накоротке с двумя неожиданными собеседницами. Случилось это, когда Габи отлучилась в дамскую комнату, посещение которой до сих пор оставалось для нее в этом дворце проверкой на прочность. Тем не менее, слабость эту она успешно преодолевала и в туалет воленс-ноленс, — писать-то хочется, — пусть изредка, но ходила. От природы ведь не убежишь, особенно, если сначала пьешь зеленый цинский чай, а потом доливаешься шампанским, которое не пиво, которое ни разу не пиво, но на мочевой пузырь действует точно так же. Так что, хотела или нет, а пришлось пойти. И вот, значит, зашла Габи в дамскую комнату и, едва осталась в одиночестве, как к ней «вышла» прямо из пахнущего фиалками воздуха уже знакомая ей Жемчужная женщина.

— Не бойся! Не убью! — сказала, появившись неподалеку от Габи. — Обещала Эве, что не трону, значит так тому и быть.

«Хотелось бы верить, — чуть отстраненно отметила Габи. — Впрочем, от судьбы не уйдешь, и чему быть, того не миновать».

— Весьма благодарна вам за понимание, благородная госпожа Тва'А, — сказала она вслух, поклонившись императорскому Источнику. — Чем могу вам служить, Беллиссима?

— Ничем! — отрезала Жемчужная женщина. — Я просто захотела взглянуть на тебя вблизи.

— Прошу вас, — вежливо повернулась вокруг себя Габи. — Ни в чем себе не отказывайте.

— Наглая! — кивнула женщина-источник. — И страха в тебе мало. Одна опаска! И это после всего, что я с тобой сделала?

— Право, не знаю, что вам сказать, — немного смутилась Габи, которая итак уже изо всех сил пыталась, как говорят у них в Пойме, «фильтровать базар», но справится со своей дурной натурой так и не смогла. Гордость и отвага на корню давили все ее благие намерения.

— И не надо! Помолчи! — отмахнулась от нее, как от назойливой мухи Тва'А. — Так, так, приبلудная ты наша, — прищурилась, с явным интересом рассматривая Габи. — Силы прибавилось, едва через край не переливается... Щит серьезный... Защита, вообще, роскошная. И откуда что берется? Одно хорошо, что Тадж'А с тобой, наконец, порвал, а то вы, подстилки, прилипчивые, как репейник. Ни за что не оторвешь.

— Как видишь, Тадж'А смог, — прокомментировала Габи. — Оторвал.

— Вижу... — оскалилась Жемчужная женщина. — А теперь вижу и еще кое-что. Значит, не зря я к тебе сегодня вышла.

— Позволено ли будет мне спросить, жемчужная Тва'А?

— Можешь не спрашивать, — неожиданно вполне по-компанейски усмехнулась императорский Источник. — И так скажу. Я поняла, кто тебя наблудил. Его зовут Сковья, и он волк.

«Интересно, — отметила Габи, — он мне кто, дед или прадед? И с чего вдруг такая благотворительность? Она же меня совсем недавно убить хотела...»

— Найдет тебя, — словно отвечая на ее не высказанный вслух вопрос, сказала женщина-Источник, — передай, что наш спор не закончен. Мое время еще придет, и я вырву ему глотку!»

Сказала и исчезла, оставив Габи не столько напуганной, сколько разочарованной.

— Умеют же некоторые наводить тень на плетень! — сказала она вслух, покачала головой и зашла наконец в элегантную, расписанную яркими экзотическими цветами и птицами туалетную кабинку, просторную, светлую и невероятно удобную во всех отношениях. Однако, не успела она прикрыть за собой дверь, спустить до щиколоток кружевные панталончики и сесть на эргономичный стульчак, как тихонько скрипнула, открываясь, дверь в дамскую комнату, и по облицованному мраморными плитками полу процокали чьи-то каблучки.

Судя по звукам шагов, женщина пересекла всю комнату и остановилась недалеко от кабинок, по ощущениям, где-то поблизости от высокого, — матовое стекло с золотым рисунком, — окна. Однако применять магию, чтобы определить ее точное местоположение, Габи не стала. Практически любая посетительница дамской комнаты в императорском дворце по определению является магиней, и может расценить направленное на нее магическое воздействие, как оскорбление. А, между тем, незнакомка, которую Габи чисто интуитивно опознала, как Анаис д'Антиньи, щелкнула замочком сумочки, достала пачку сигарет, — характерное шуршание, — и закурила.

— Габи! — позвала она через мгновение. — Можешь не отвечать, если занята, но я знаю, что ты здесь. Я подожду, пока выйдешь. Нам надо поговорить.

Вот так вот запросто. Хорошо еще, что в дворцовой уборной играла музыка, поскольку «журчать» на публику Габи было бы неприятно. Тем не менее, приглашение на разговор не оставило ее равнодушной.

«Будем делить Зандера, — догадалась она. — А есть, что делить?»

Вопрос несправедливый, поскольку сейчас, через три недели, проведенные «на природе», Габи была уже вовсе не уверена, что знает, что ей делать с князем Трентским. Замуж за него, как выяснилось, она выйти не может, а подойдет ли он ей в качестве любовника, иди знай. У нее на этот счет были большие сомнения, да и опыта, соответствующего, остро не хватало. А теперь выяснялось к тому же, что он, сукин сын, уже нашел себе любовницу, и хочет ли Габи побороться за его внимание и выдающийся, как утверждает молва, член с «Цикадой империи», один большой вопрос. Хотя нет. Не большой и не вопрос. Как хороший друг он, похоже, устраивал Габи гораздо больше, чем в качестве весьма проблематичного, — со всех точек зрения, — любовника.

«Нет, пожалуй, — решила Габи, заканчивая свои дела. — Не нужен. Одна головная боль может случиться и никакого удовольствия. Пусть уж его Анаис удовлетворяет, раз они теперь, по-всякому, вместе спят».

— Привет! — сказала она, выходя из кабинки. — Не возражаешь, если я сначала вымою руки?

Анаис не возражала. Улыбнулась, выдохнув носом дым, и кивнула, соглашаясь с предложенной повесткой дня. Габи молча проследовала к раковинам, не торопясь вымыла и насухо вытерла льняной салфеткой руки, достала из сумочки помаду и подправила краску на губах, затем все еще в том же неспешном темпе достала свой крошечный портсигар тесненной испанской кожи, выудила из него сигарету, прикурила от едва различимого в воздухе фэйрбола размером с головку серной спички и наконец повернулась к Анаис:

— Итак?

— Я хотела объясниться по поводу князя Трентского, — сообщила ей в ответ младшая сонаследница короны герцогов Брабантских. — Так получилось, Габриэлла, что я увела его из твоего стойла.

Говорила она спокойно, но смотрела при этом на Габи с нешуточным беспокойством. Ждала, должно быть, реакции, но ее не было. Габи и раньше-то умела держать удар лучше многих, а сейчас, — после интенсивного тренинга в шато д'Агремон, — вообще, смотрела на все происходящее вокруг, словно бы, издалека и без намека на аффективную реакцию.

— Князь не коняшка, чтобы уводить его из стойла, — почти равнодушно парировала она выпад блистательной Анаис. — Тем более, он не был моим коняшкой, Анаис. Если тебе это важно, он мой друг. Вернее, друг моего брата и уже через него мой друг.

— Всего лишь друг?

— На самом деле, всего лишь знакомец, — улыбнулась Габи, видя растерянную озабоченность на лице собеседницы. — Другом я называю князя исключительно в благодарность за то, что он спас мне жизнь.

— Вот как...

— Уместно ли будет спросить вас, Анаис, отчего вдруг всплыла эта тема?

— Я... — неожиданно сбилась явно обескураженная ее равнодушием принцесса. — Я... Габриэлла, видят боги, я не хотела тебя задеть. Просто в обществе, если между дамами возникает конфликт по поводу мужчины...

— У нас нет конфликта из-за князя Трентского, — покачала головой Габи. — Я не имею к тебе претензий. Он мне, повторюсь, друг, а не любовник или жених. С чего ты, вообще, вдруг всполошилась? Вы же, насколько я знаю, уже больше месяца, как в отношениях. Так почему сейчас?

— Я хочу выйти за него замуж.

«Замуж? — удивилась Габи. — Ну, если замуж, это, вообще, меняет дело».

— То есть, у вас серьезные намерения? — спросила вслух.

— Да.

— Ну, тогда Юнона[1] вам в помощь! Бери, Анаис, и имей! — улыбнулась она чуть шире. — Семья дело серьезное.

— И ты не сердись на меня? — Анаис явно не ожидала такого развития событий и, кажется, все еще не верила, что получает Зандера без боя. Можно сказать, малой кровью.

— У меня не было на него планов, — объяснила Габи, хотя и знала, что это не так или, как минимум, не совсем соответствует действительности. — И мы не состоим в отношениях. Так что у нас с тобой, Анаис, нет причины ссориться. Во всяком случае, я так думаю.

Что должна была теперь сделать принцесса Брабантского дома? Как ответить на слова Габи? Возможно, об этом знают боги, но на то они и небожители, что никогда не делятся информацией с людьми. В любом случае, их молчание было уже неприципиальным, потому что женщина, избалованная всеми обстоятельствами своей жизни, самовлюбленная, циничная и несколько сумасшедшая, как все люди искусства, поступила по-своему, и совсем не так, как можно было от нее ожидать. Она бросилась к Габи и принялась ее целовать. От полноты чувств, наверное. И вот тут Габи действительно растерялась. Она попросту не знала, что ей в таком случае делать. Поэтому она стояла столбом, предоставив действовать самой Анаис. А та ошеломленная неожиданным успехом там, где предполагала тяжелое, затяжное противостояние, никак не могла успокоиться, и надо же так случиться, что именно

В этот момент в дамскую комнату вошла Эва Сабиния.

— Глазам свои не верю! — сказала она после короткой паузы, потребовавшейся принцессе, чтобы вполне оценить открывшуюся перед ней картину. — Наис[2] золотко, ты что, пытаешься изнасиловать мою девушку?

Услышав слова принцессы, Анаис отскочила от Габи, как ошпаренная, и, похоже, на какое-то время потеряла дар речи. Поэтому объясняться с наследницей престола пришлось Габриэлле.

— Эва, — сказала она, поворачиваясь к принцессе, — ну что, ты такое говоришь! Мы мальчика делили. Конкретно князя Трентского. Вот Анаис и перевозбудилась, узнав, что он мне без надобности ни как жених, ни как любовник. Так что это было ликование, если ты понимаешь, о чем речь.

— Это меняет дело! — улыбнулась Эва Сабиния. — И раз уж так сложилось, Наис душенька, оставь нас с Габи наедине!

Просить Анаис дважды не потребовалось. Едва отзвучали слова Эвы Сабинии, она пулей вылетела из дамской комнаты, не забыв, впрочем, аккуратно прикрыть за собой дверь.

— Так я теперь твоя девушка? — спросила Габи, соображая в быстром темпе, как ей выкручиваться из сложившейся ситуации. Не то, чтобы она была против побыть некоторое время девушкой наследной принцессы, но вот на постоянной основе оставаться в подобного рода отношениях ей ужас, как не хотелось. Все-таки мужчина представлялся ей более приемлемым партнером в постели, тем более, что ей все равно надо будет родить наследника или двух, если успеет конечно до тех пор, пока окончательно не слетит с катушек.

— Есть возражения? — неожиданно серьезно спросила ее принцесса.

— Мне с тобой было хорошо, — подсластила пилюлю Габи. — Так что я не против. Но ты должна знать...

— Нужен мужчина в постели? — перебила ее Эва Сабиния.

— Да, — признала Габи очевидное, — хотя бы иногда.

— Я не настаиваю на праве единоличного владения, — пожала плечами принцесса. — Мне тоже может понадобится мужчина...

— Я так думаю, — неуверенно добавила через мгновение.

— Ты что еще не пробовала? — удивилась Габи, наслушавшаяся при дворе всяких разговоров.

— Строго между нами! — потребовала Эва Сабиния.

— За кого ты меня принимаешь? — натурально обиделась Габи.

— А ты, ты, значит, уже не?..

— Не девственница, — подтвердила Габи. — Но тоже строго между нами. — Мне же еще замуж выходить.

— Мне тоже, — кивнула принцесса. — Можем как-нибудь завести одного на двоих...

— Слишком много чести! — обиделась Габи. — Он что будет за раз иметь и принцессу, и коннетабля клана? Удавлю!

— Мы можем найти какого-нибудь незнатного паренька, — предположила Эва Сабиния. — Пусть только попробует возгордиться!

— Так ты это все серьезно? — решила Габи получить разъяснения.

— Да, — подтвердила принцесса. — Ты же знаешь, что мне нравишься. Станешь моей официальной фавориткой.

— С ума сошла! — возмутилась Габи. — Что люди скажут? Да и жрецы не одобрят.

— Значит, будешь неофициальной фавориткой, — пожала плечами принцесса. — На публику просто лучшая подруга. А мужчину, тогда, не только можно, но даже нужно завести, чтобы языками не трепали!

— И ты не будешь ревновать?

— Я не буду! — пообещала Эва Сабиния. — К мужчине не буду. А ты?

— Тоже, тогда, не буду!

— Останешься сегодня на ночь? — перешла принцесса к делу.

— Сегодня — нет, — покачала головой Габи. — Не обижайся. Я брату обещала домой прийти. Но я могу остаться завтра. Что скажешь?

— Оставайся сегодня на обед! — предложила Эва Сабиния. — Девчонок я сейчас быстренько домой прогоню... Или устроим свальный грех? Все со всеми?

— А они согласятся?

— Мария — точно согласится. Помнишь, мы же тогда были вместе. С Анаис у меня тоже как-то было. Возможно, даже пару раз. Кло хочет попробовать, если уже не попробовала с другими.

— А что будем делать с Анной Луизой? — поинтересовалась Габи, уже смирившаяся с тем, что быть ей теперь любовницей принцессы-наследницы. И ведь не откажешь, да и не очень хочется, если честно, отказываться.

— Прикажу, присоединится! — словно прочтя ее мысли, вскинула подбородок будущая императрица. — Кстати, если уж мы заговорили о Марии. Надо бы ее как-нибудь подложить под твоего брата. Как смотришь, подойдет она тебе в качестве золовки?

[1] Юнона — среди прочего богиня брака и семьи.

[2] Naïs (Наис) — , уменьшительные от Anaïs (Анаис).

3. Зандер

Разговор у них с Трисом получился хороший, доверительный, можно даже сказать откровенный. Так что по всему выходило, что Зандер в своем решении сделать еще один шаг навстречу Мишильерам, не ошибся. Рассказал тану о своих догадках и подозрениях, показал записи, сделанные в обители ордена Гекаты Нарбонской, разложил генеалогические таблицы, добытые за немалые деньги в Гербовом департаменте и Дворянской ложе, и Мишильер этот его жест оценил по достоинству и в свою очередь протянул, фигурально выражаясь, руку дружбы. Рассказал такое, о чем Зандер никогда даже не подозревал и, разумеется, не догадывался, дополнил его генеалогические таблицы редчайшими «поколенными росписями», найденными в архиве своего великого отца, и, наконец, в знак дружеского доверия два часа кряду обучал Зандера технике постановки ментального блока. Научить не научил, — наука оказалась сложной и в основе своей не моторной, а значит и перенять ее по легкому не удалось, — но основы будущего умения заложил и подробно объяснил, что и как делать в дальнейшем. Как упражняться и как закреплять наработанные навыки.

Разумеется, Зандер был Трису более чем благодарен, хотя и догадывался, что тот не открыл ему всей правды, а лишь приоткрыл маленькую калитку в неведомое. Туда, где хранились потаенные знания клана Мишильер, которые чужакам, если и открываются, то крайне редко и только в особых случаях. И уже это одно дорогого стоило, поскольку сближало их еще больше: его с Трисом, а значит, и с Габриэлкой. Однако, что касается девушки-коннетабля разговор с ее старшим братом неожиданно принял совсем не тот оборот, какой Зандер мог ожидать и на какой в глубине души рассчитывал, даже если сам себе в этом не признавался. А дело было так, едва они с Трисом завершили увлекшее их обоим обсуждение принципов действия ментальных техник третьего рода, как тан Мишильер приказал подать вино и сыры, поскольку от ужина Зандер отказался, сославшись на сытость и немалое интеллектуальное утомление.

— Боюсь быть неправильно понят, Зандер, — сказал хозяин дома, когда, накрыв стол, слуги оставили их наконец наедине, — но вынужден все же объясниться.

— Прощу прощения? — удивленно посмотрел на него Зандер.

— Речь пойдет о моей сестре, — спокойно, ровным голосом объяснил Трис. — Возможно, мне это только показалось, но у меня возникло впечатление, что вы равнодушны к Габриэлле.

— Уверю вас, — всполошился Зандер, испугавшийся того, что его поведение было неправильно истолковано, — я не позволил себе ничего лишнего и, тем более, ничего, что могло бы скомпрометировать вашу сестру.

— Я знаю, — кивнул Трис, — и, в частности, поэтому отношусь к вам с большим уважением. Но речь не о компрометации, а о том, чтобы избежать недопонимания, чреватого различного рода осложнениями. Именно поэтому я хотел бы обрисовать вам, Зандер, то особое положение, в котором находится Габриэлла, и те следствия из этого положения, которые нам всем следует иметь в виду.

«О чем это он?» — еще больше запутался Зандер, который, чего уж там, был не силен во всех тонкостях и сложностях великосветской жизни. Одно дело имитировать принятое в

обществе поведение, и совсем другое — чувствовать себя вои всем этом органично.

— Я вас слушаю, — сказал он, просто чтобы не молчать.

— Габриэлла не просто сильная магесса, — продолжил, между тем, Тристан Мишильер. — Она боевой маг очень высокого ранга.

— Я знаю, — кивнул Зандер. — Сам видел.

— Сильная магесса, — повторил собеседник, — и моя родная сестра при том, что других близких родственников у нас нет. Поэтому ей пришлось стать коннетаблем клана. Больше просто некому.

— Это знают все, — подтвердил Зандер, все еще не понимая к чему клонит его собеседник.

— Знают, но не отдают себе отчета в последствиях.

— И каковы, по вашему мнению, эти последствия?

— Она не сможет выйти замуж за кого-нибудь, кто не сможет или не согласится войти в наш клан. При этом «войти» означает, среди прочего, принять ее родовое имя и ее главенство везде, кроме спальни, где муж и жена сами решают, кто из них «поведет».

«Вот оно что! — понимание оказалось болезненным, хотя Зандер, вроде бы, даже не думал о том, чтобы жениться на Габриэлле. — Вот, что значит, пренебрегать светской жизнью! Однажды ты просыпаешься и узнаешь, что мир совсем не таков, как ты думал».

— Почему? — спросил он, хотя и понимал, что вопрос неуместный.

— Потому что клан не может себе позволить отпустить в другую семью настолько сильную магессу, — не удивившись вопросу, во всяком случае, не показав, что удивлен, ответил Тристан. — Маг такого уровня — сокровище. Уходя, он или она ослабляют свою семью и усиливают чужую. На такое не согласится ни клан, ни маг, если он, разумеется, воспитан, как должно. Габриэлла получила правильное воспитание, для нее такой поступок был бы невозможен, даже если бы она ни была коннетаблем. Однако она Э'Мишильер и, значит, уход из клана не возможен для нее в принципе. Маршалы, мой друг, не уходят служить в чужую армию, тем более, лейтенантами.

— Понимаю, — вынужден был Зандер высказать вслух то, что сначала действительно понял, но только сейчас осознал.

— Тогда мне хотелось бы окончательно расставить все точки над «i», — все тем же ровным голосом продолжил Трис. — Я ни разу не деспот, и предоставил своей сестре полную свободу действий, и реши она стать вашей любовницей, не стал бы вмешиваться. Но в этом случае я должен спросить вас прямо: соответствуют ли действительности циркулирующие в обществе слухи о ваших отношениях с баронессой д'Антиньи? Можете не отвечать, просто примите к сведению, что наследница брабантской короны не та женщина, с которой стоит ссориться. И это именно тот случай, когда я буду настаивать на том, чтобы не впутывать Габриэлла в неприятности. А они более чем вероятны, если две такие женщины начнут делить любовника, тем более, если одна из них видит в нем кандидата в мужья.

«Что ж, — согласился Зандер с выкладками Триса. — Все так и есть, и он в своем праве, а я чуть не навлек на себя презрение обоих: и тана, и его сестры. А все, потому что не осмелился посмотреть правде в глаза и вовремя разобраться в своих чувствах!»

— Вам не о чем беспокоиться, Тристан, — сказал он вслух. — Я никогда бы не причинил Габриэлле ни малейшего вреда, но, согласен, мог допустить ошибку по незнанию. Спасибо, что разъяснили мне всю сложность ситуации, в которой она находится. Надеюсь, вы позволите мне оставаться вашим общим другом: вашим и вашей сестры?

— Разумеется, — улыбнулся хозяин дома. — Почту за честь!

4. Габи

Дни, следовавшие за возвращением в столицу, были наполнены многочисленными частными визитами, посещением двух театральных премьер, — в Гранд Опера и в Новой Опере, — открытия выставки «Новый Старый Модерн» в галерее Филиппа де Лоррен-Арманьяка и раута во дворце принца[1] де Лильбонн. И все это, — от и до, — было всего лишь обязательной программой, повинностью, которую Габи несла, как первая дама клана Мишильер и едва ли не наперсница принцессы-наследницы. Что-то такое, что ты обязан выполнять, даже если очень не хочется: так брачное законодательство трактует «супружеский долг», а правила хорошего тона «светские обязательства» аристократов. Габи не жаловалась, она уже свыклась со своей ролью, но кроме светских у нее имелись так же обязательства иного рода. Она помогала Трису, работая, как сильный маг, на благо клана, — промышленные производства требовали ее участия, — и кроме того продолжала овладевать тайнами управления, участвуя в рабочих встречах и брифингах, изучая финансовые документы и знакомясь с экономическими прогнозами. Теперь каждое утро Габи, — но, разумеется, после пробежки, силовой гимнастики и боевых спаррингов, — начиналось с просмотра двух-трех столичных газет, одна из которых обязательно являлась «профильной», то есть, была посвящена экономике и финансам. На чтение светской макулатуры времени уже не оставалось, поэтому краткую выжимку из утренних изданий, — политика, спорт, уголовная и светская хроника, — Габи получала во время завтрака, переодевания и наведения красоты. Для этого у нее была теперь собственная секретарь-референт — выпускница парижской Сорбонны Натали де Вюйяр. И ведь надо было найти еще время на занятия магией, мастерство, как говорят в Пойме, не пропьешь, но и стоять на месте — не есть хорошо. Так что Габи фигурально выражаясь, не ходила теперь, а бежала, — потому что чуть замедлился, и уже опоздал, — и день за днем крутилась, как белка в колесе, оставляя на сон каких-то несчастных три-четыре часа. И при этом, все при дворе, — кроме немногих людей, знавших правду, — были уверены, что она всего лишь богатая и знатная прожигательница жизни. Сильный маг? Несомненно, но такой уж она родилась. Сумасшедшая на всю голову адреналиновая наркоманка? Кто бы сомневался! Достаточно посмотреть на то, как и на чем она ездит по городу. И так далее все в том же духе. Себя настоящую она показывала редко и только тем, кто был, по ее мнению, достоин откровенности. А таких, на круг, можно было пересчитать на пальцах одной руки, максимум — двух.

Впрочем, Габи не роптала и была, в целом, довольна тем, что есть. Единственное, что омрачало ее жизнь — это опасения по поводу душевного здоровья. Перспектива слететь в недалеком будущем с катушек и превратиться в монстра, совершенно ее не устраивала. Но об этом не знал, вообще, никто. То есть, о самой проблеме, кроме Триса, были осведомлены дама Конкордия и клановая целительница Серафина, — теперь они втроем думали над тем, как помочь Габи, — но вот о том, какой ужас поселился в ее душе с тех пор, как она узнала о созревающем в ней «темном охотнике», Габи не рассказывала никому, ни единой живой душе. Рассказала бы, возможно, Золотому человеку, но Источник держал свое слово: сказал «нет», значит, нет.

А между тем, жизнь продолжала идти своим чередом. И в эту привычную уже череду событий как-то незаметно встроился матримониальный вопрос. У всех он был разный,

поскольку у каждого свои не похожие на других обстоятельства: у Эвы Сабинии, у Марии и Зандера, у Триса и даже у нее самой. Но во всех этих историях было, разумеется, и нечто общее. Как-то вдруг и, вроде бы, ни с того, ни с сего всем вокруг приспичило жениться, ну или выходить замуж. Это, смотря, с какой стороны смотреть. Однако любопытно еще и то, что Габи оказалась так или иначе вовлечена практически во все эти брачные коллизии. И первым из тех, чьими матримониальными планами она оказалась озабочена, стал, разумеется, ее брат, который, как ни странно, воспринял идею жениться на Марии Перигорской скорее положительно, чем наоборот.

— В конце концов, и ты, и я, — сказал он Габи после того, как она озвучила ему просьбу Марии и предложение Эвы Сабинии, — мы оба носим двойную фамилию — Мишильер-Перигор, и это не шутки. Это наша общая история и наше общее наследие. Так что женитьба на Марии и объединение под одной рукой двух близкородственных семей — это в нашем с ней случае вполне закономерный шаг. Видишь, даже император в этом заинтересован.

«Не совсем то, чего я ожидала, — отметила Габи, выслушав излишне расчетливые рассуждения брата, — но лучше так, чем никак. А там, глядишь, стерпится слюбится...»

— Ты ничего не сказал о самой Мари, как о женщине, — все-таки напомнила Габи о немаловажной, с ее точки зрения, стороне обсуждаемого брачного союза.

— Что ты имеешь в виду? — с деланным удивлением посмотрел ей в глаза Трис.

— Она тебе хотя бы нравится?

— Нравится? — переспросил брат. — На нашем уровне, Габи, это не имеет никакого значения. Наши личные желания тут ни при чем.

— То есть, только интересы клана? — уточнила Габи.

— В первую очередь они, — кивнул Трис. — Но, откровенно говоря, — улыбнулся он, — мне сказочно повезло. Мария красивая и неглупая женщина. У нее есть вкус и, я бы сказал, особый шарм, и у нее совсем неплохой характер. Про любовь не скажу, да и откуда бы? Однако я ей симпатизирую и, разумеется, никогда не обижу. Впрочем, позволь задать тебе встречный вопрос: она-то сама сказала тебе, что любит меня или что хотя бы влюблена?

«Закономерный вопрос, — тяжело вздохнула в душе Габи. — И, увы, мой ответ «нет»».

— Ты прав, Трис, — сказала вслух. — Не сказала, хотя и хочет за тебя замуж. Видимо, она тоже понимает, что на горных вершинах дуют лютые ветра...

[1] В данном случае, принц — это синоним титула князь или титул представителя боковой ветви королевского рода. Таких во Франции было несколько, например, семьи Конде, Конти и т. д.

5. Габи, ноябрь 1939

В ночной клуб «Нуба» ее затащили Валь и Морг Мишильер — «*троюродные* кузины по линии отца». Обе они были чуть младше Габи и приходились друг другу настоящими кузинами. Приехав всего лишь три недели назад из провинции вместе с отцом Морг, которому Трис поручил возглавить постепенно оживавший семейный банк, они с энтузиазмом, достойным лучшего применения, — буквально при любой возможности, — сопровождали теперь свою Э, составляя ей веселую и готовую на все компанию. В императорский дворец им конечно ходу не было, не тот уровень, но вот в шато дю То к герцогине Перигор они с Габи уже пару раз ездили. Да и так, по мелочам, то здесь, то там они сопровождали ее на вечеринки и прочие увеселительные мероприятия, составляя добровольную свиту и с упоением «играя» свою королеву. Габи они не мешали, а, напротив, не то, чтобы нравились, но явно вызывали симпатию. Своей непосредственностью, своей вполне подростковой уверенностью, что Габриэлла Мишильер земное воплощение девы Паллады — они иногда даже называли ее «Парфенос», обращаясь к ней, как к Афине, — но при этом обе две могли запросто упиться вместе с ней шампанским, предложить между делом «*побаловаться*» или, как сегодня, затащить в модный этой осенью ночной клуб. Впрочем, ночным он являлся лишь отчасти, поскольку полураздетые девушки здесь, разумеется, танцевали, но только для создания атмосферы, без стриптиза и прочих излишеств.

Габи в клубе понравилось. Оригинальный дизайн, хороший подбор действительно современных джазовых композиций, да и публика куда лучше, чем в том же Модерне, куда она ходила пару раз с Марией Перигорской. И еще кое-что немаловажное. Судя по тому, что она видела, здесь совсем не было нуворишей из «новых дворян», как не было и представителей высшей аристократии. Нормальные молодые мужчины и женщины из хороших семей, хотя и постарше в среднем, чем Габи и ее кузины. Однако в этом и состояла прелесть момента. Мужчины постарше, — но, естественно, не старые, — нравились ей по внутренним ощущениям больше безусых юнцов, на губах которых еще не обсохло материнское молоко. Кто-нибудь, вроде, ее старшего брата или того же Зандера...

«Или того вот мужчины...»

Возможный кандидат в любовники выпивал у барной стойки с хорошо знакомым ей Руди, который Жером, или наоборот, но суть не в нем, а в его приятеле. Мужчина был, и в самом деле, хоть куда. Высокий, — его рост Габи оценила, сравнив с Руди, — где-то сильно за метр восемьдесят, если, вообще, не метр девяносто. Во всяком случае, с этим красавчиком она могла бы ходить на каблуках любой высоты. Максимум, будет выглядеть чуть выше кавалера.

«Кавалера? — переспросила она саму себя, удивившись спонтанно выбранному термину. — А, впрочем, почему бы и нет? Мне явно нужен мужчина, и этот ничуть не хуже других, а, пожалуй, что и лучше!»

Правду сказать, их отношения с Эвой Сабинией Габи никак не удовлетворяли. Во-первых, одно дело «ласкаться» с пьяных глаз, — достаточно мило и отнюдь не отвратительно, — и совсем другое заниматься «этим делом» на трезвую голову. Что характерно, неловко и даже стыдно, — в особенности, в первый раз, — было обеим, из чего

Габи сделала вывод, что Эва Сабиния отнюдь не законченная лесбиянка, но поняла она и другое. Принцесса отчего-то хочет именно сапфической любви, и желание это никак не связано с ее сексуальной ориентацией. Есть, должно быть, этому иная причина. Вопрос: какая? Временами, вообще, казалось, что наследница и сама толком не знает, зачем заманивает Габи в постель. Но поскольку от своих планов Эва Сабиния отказываться явно не собиралась, Габи вынуждена была ей подыгрывать. Сказать принцессе-наследнице и своей, — вот же судьба, — лучшей подруге «Нет!», первая дама клана Мишильер попросту не могла. Никто бы ее не понял, да и сама она была того же мнения: от таких предложений в здравом уме и твердой памяти не отказываются. Поскольку подруга-то она подруга, — любит, заботится, переживает, как и следует, пребывая в этом статусе, — но в первую голову она принцесса. И не просто так принцесса, а единственная наследница престола и, значит, будущая императрица. Так что, получив предложение, Габи не стала ломаться, тем более, что, как вскоре выяснилось, отношения подобного рода ее ничуть не тяготят. Другое дело, что, чем чаще она занималась любовью с Эвой Сабинией, тем яснее ей становилось, что «шалостей» с другой женщиной ей явно недостаточно. Иногда, когда в охотку, да под настроение, очень даже неплохо. Но это все в кратковременной перспективе, потому что в долгосрочной перспективе ей однозначно нужен был мужчина. Пусть в параллель с Эвой Сабинией, но все-таки нужен, и принцесса, по-видимому, это тоже понимала, поскольку однажды, — дело было дней несколько назад, — пребывая в подпитии и в более чем благодушном настроении, дала ей однозначный *«карт-бланш на блядки с каким-нибудь годным для этого дела самцом»*. Письменный карт-бланш, *«чтобы не сомневалась!»* И что характерно, даже протрезвев, назад свое слово не забрала. Напротив, потребовав у Габи составленный с пьяных глаз документ, озаглавила свою филькину грамоту «Императорский ордонанс[1]», подписал полным титулом и шлепнула прямо на подпись свою печать:

— Только не увлекайся! — предупредила, возвращая Габи документ. — Мне ты тоже нужна!

«Настоящая подруга!» — хмыкнула Габи мысленно, вспомнив по случаю, что имеет полное право «на разврат».

— А ну-ка, фемины, — сказала она вслух, — пойдете познакомлю вас с нашим Руди!

Сказано — сделано, и еще через пару мгновений, подойдя к своему приятелю со спины, Габи положила ему руку на плечо, одновременно встретившись взглядом со стоявшим к ней анфас «кандидатом в любовники». Мужчину ее панибратское поведение явно удивило, ну или он счел правильным несколько акцентировать свои эмоции, и, если так, то он был даже лучше, чем она подумала о нем в начале. Мало того, что хорош собой и отлично сложен, не говоря уже о том, что со вкусом одет, но и соображает быстро.

«Очень может быть, что я сегодня повеселюсь наконец, как хочется, а не так, как можется», — подумала мимолетно, заглянув в синие глаза незнакомца.

— Дорогой, — шепнула она «жарко» и достаточно громко на ухо Жерому, — отчего, милый друг, ты не ночевал сегодня дома?

— Следила или слуги доложили? — ничуть не смутившись, спросил мужчина, плавно поворачиваясь к Габи. — Привет, порфиноносная!

— Привет, привет! — улыбнулась Габи. — А тебя, Же[2], в последнее время действительно что-то невидно. Переехал?

— Это тебя, мон шер, невидно, неслышно, а если слышно, то громко и ни разу не обыденно! — возразил Жером. — Но твоя правда, я переехал в город. Снял студию в центре

на улице Первых Волонтеров.

— То-то я смотрю, еды за завтраком стало много оставаться! — усмехнулась донельзя довольная ходом разговора Габи. Дружеская пикировка с Жеромом отлично маскировала ее желание познакомиться с новым лицом мужского пола.

— Вот тут ты права, Беллссима! — не стал спорить собеседник. — Если мне чего теперь и не хватает, то это твоего общества и твоих великолепных завтраков, обедов и ужинов. Но мы с тобой заговорились. Позволь представиться твоим очаровательным спутникам.

— Рудольф де лас Куэвас к вашим услугам, фройляйн! Вы ведь алеманки, не правда ли?

— Валери и Моргана Мишильер, — представила девушек Габи. — Мои кузины. И, как все Мишильеры, как минимум, наполовину алеманки.

Сразу после этого произошел короткий обмен любезностями, завершившийся знакомством с приятелем Жерома.

— Гийом де Ламот-Уданкур из Сентонжа, — назвался мужчина. — Можно просто Ги, а вы, мадмуазель? — посмотрел он выжидательно на Габи.

— Я Габриэлла Мишильер, — представилась Габи, мечтая, чтобы мужчина не знал, кто она такая на самом деле. Но, увы, он знал.

— Э клана Мишильер? — спросил он, явно шокированный такого рода знакомством.

— Для вас, Ги, — уклончиво ответила она, — здесь и сейчас я просто Габи. Ведь так, Же? — повернулась она к Руди.

— Так и есть, — чуть поклонился Жером. — Но ты же знаешь, Габи, как это у нас: два пишем, три — в уме.

— Что же мне теперь вообще на люди не выходить? — возмутилась Габи.

— А вы, значит, скучаете в золотой клетке? — поинтересовался Ги.

— Клетки, как таковой, на самом деле, нет, — чуть поморщилась Габи, — зато есть пьедестал, трон и котурны[3], и их мне все время пририсовывают. А так я свободна, как птица. Кто попытается стреножить коннетабля клана?

— Вы действительно настолько смертоносны? — поинтересовался мужчина.

— Вы знаете, Ги, — улыбнулась она в ответ, — тигры ведь тоже кошки и, как все кошки, любят ласку. Сытый и довольный жизнью тигр никогда никого не тронет. Понимаете?

— Возможно, — улыбнулся мужчина, — но я лучше проверю. Разрешите ангажировать вас на танец?

«Вот так сразу? — приятно удивилась Габи. — Решительный мужчина!»

— Ангажируйте, — усмехнулась она в ответ. — Но аккуратно!

— Я буду сама деликатность, — пообещал Ги, и они направились к танцполу.

На удачу следующим танцем оказался медленный слоуфокс[4]. А в медленном фокстроте, как и в вальсе, содержатся скрытые намеки на «интим». Меньше, чем в танго, но тоже есть. Что тут скажешь, парный танец, но оно и к лучшему, поскольку в первом же танце Габи узнала о своем партнере достаточно, чтобы решить, следует ли продолжать знакомство или ну его! Получалось, что гнать пока не за что. Прежде всего, он был действительно высок. При своих отнюдь не женских метре семидесяти семи и десятисантиметровых каблуках, она оказалась все-таки чуточку ниже Гийома, что было хорошо, поскольку женщина должна хоть в чем-нибудь уступать мужчине. И рост был как раз той сферой, в которой Габи согласна была уступить. Однако, с другой стороны, примерное равенство в росте позволило ей

рассмотреть мужчину, что называется, в упор. Что тут скажешь! Первое впечатление ее не обмануло. Красивый мужчина, если не вдаваться в подробности, но при этом никакой слащавости или женственности в лице. Мужчина в лучших традициях рыцарских романов, да и сложен к тому же, как отлет.

«Вполне! — решила Габи. — И танцует хорошо...»

Танцевал Ги, и в самом деле, хорошо. Двигался легко и плавно и правильно вел свою даму.

А еще он хорошо пах, и откровенно ее возбуждал. Если честно, с ней такое случилось впервые. Не то, чтобы при дворе и вокруг совсем не встречалось красивых мужчин, но все это, как она поняла только сейчас, было «совсем не то». Ближе всего к идеалу приблизился Зандер, но и то, Габи четко знала, что с ним бы она легла без отвращения, но, вряд ли испытывая страсть. А вот с этим совершенно незнакомым ей человеком она, пожалуй, занялась бы сексом прямо здесь, прямо сейчас. Разумеется, если бы позволяли правила хорошего тона, но такого варианта развития событий они не предусматривали, и Габи похвалила себя за предусмотрительность: если бы не прокладки[5], сейчас точно намочила бы трусы.

После фокстрота Ги уговорил ее еще на один танец, оказавшийся, по случаю, чарльстоном, но затем она танцевала уже с Руди и каким-то отдаленно знакомым ей Артюром, с которым, с его слов, пересеклась как-то в клубе «Королева ночи». Потом они все вместе, включая подошедшего к ним чуть позже графа Адемара д'Отье — жениха Селин Перигорской, уселись за один стол и пили под неспешный разговор с анекдотами полусладкое розовое шампанское, заедая его глазированными птифурами[6] и виноградом. Было достаточно весело, и Габи уже раздумывала над тем, как бы, не нарушая приличий, оказаться с Ги в одной постели, но именно в этот момент, — и, разумеется, никак не вовремя, — она почувствовала «прикосновение» чужой воли. Самое любопытное, что, хотя профессор д'Анкона не описывал в своей книге такого рода эффекты, едва почувствовав это «нечто», Габи сразу же поняла: кто-то пытается влезть ей в голову. Поняла она и другое: закройся она сейчас на все замки, и враг догадается, что она умеет ставить ментальный щит. Такой оборот они с Трисом, в принципе, рассматривали, поэтому Габи знала, что ей следует делать в таком случае, и, надо сказать, выполнила трюк «уклонения» на раз, забив свои мысли потоком полудетских скабрзностей и прочей женской порнографии. Не думая больше ни о чем, кроме мужчины, сидевшего напротив нее, она представляла себе в красках, — спасибо науке, преподанной Золотым человеком, — что и как будет делать с ней красавчик Ги.

«Вот так и так, и еще можно как-нибудь эдак...»

«Упражнения в прекрасном» не прошли, впрочем, даром. Мало того, что трусы промочила, — и прокладка не помогла, — так еще и пропотела насквозь, и глаза, как ей рассказали позже, засияли вдруг, а потом без видимого перехода начали закатываться. Но в тот момент ей уже было практически безразлично, что и как с ней происходит, — она была уже практически «не здесь и сейчас», — но вот какая странность, у нее нашлось все-таки достаточно сил, чтобы подумать сквозь заволакивающий ее сознание бред:

«Ох, вот же я дура какая... Не надо было брать двойную дозу нектара!»

Видимо, именно этой мысли не хватало ее противнику, чтобы понять, что здесь ловить нечего. «Услышав» это чистосердечное признание, он тут же отстал от Габи, наверняка, переключившись на кого-нибудь другого. «Давление» спало, и облегченно вздохнувшая Габи

уже готова была грохнуть в обморок, но Ги не позволил. Влез неожиданно со своей неожиданной и непрошенной заботой.

— Вы в порядке? — спросил, перегибаясь к ней через стол. — Может быть, воды?

— Коньяка, — выдохнула Габи, выныривая из своего сумеречного состояния. — Бокал... полный...

К чести своей, Ги не стал спрашивать, что за дурацкий каприз, и отговаривать не стал тоже. Сам, не дожидаясь гарсона, стремительно переместился к бару и так же быстро вернулся к замершей в недоумении компании с бокалом коньяка. Грамм, наверное, сто или больше. Но Габи было не до оценки объема. Важен был сам напиток, а почему — это совсем другой вопрос. Ответа на него Габи не знала, но интуиция подсказывала — надо пить, что она и сделала без лишних раздумий, на которые у нее в тот момент попросту не было ни физических, ни душевных сил.

Выпила. Выдохнула. Проморгалась, возвращаясь к себе и к окружающим ее встревоженным «собутыльникам», и, почувствовав скрестившиеся на ней в большинстве своем недоумевающие взгляды, покачала головой:

— Прошу прощения, дамы и господа! Mea culpa[7] — передоз.

Отмазка так себе, но вполне уместная в этой компании.

— Нектар? — нахмурился Руди.

— Хотела «полетать», — «виновато» вздохнула Габи, ненароком, — из-под опущенных ресниц, — обыскивая взглядом окружающее пространство.

«Кто?»

Увы, в клубном зале находилось слишком много большей частью незнакомых ей людей. Но врагом при этом мог быть любой, знакомый или нет, мужчина или женщина. Разве что, это определенно не один из тех, кто сидит с ней за столом. Этих бы она, пожалуй, почувствовала. Но нет, не они. А кто именно, знают одни лишь боги, но боги предпочитают молчать. Так что сукин сын, — «Или, может быть, сука драная?» — и на этот раз останется анонимом. Впрочем, он себя все-таки проявил. Показался перед Габи и, значит, телепат больше не являлся ни плодом ее больного воображения, ни смелой гипотезой, разом перейдя в разряд фактов объективной реальности.

— Руди! — позвала она через стол. — Будь другом, вызови нам с девочками такси! Домой поедем... И, господа, — обвела она взглядом всех присутствующих мужчин, — прошу извинить меня, что испортила вам вечер. Возмещение за мной. Вы все приглашены завтра к девяти вечера в палаццо Каро!

[1] Ордонансы — королевские указы во Франции и Англии, имевшие силу государственных законов.

[2] Же — уменьшительное от Жером.

[3] Котурн (платформа) — высокий открытый сапог из мягкой кожи на высокой подошве. В Древнем Риме ботинки-котурны надевали актёры трагедии, изображающие богов, а иногда и императоры, равнявшие себя с божествами. Актёры же комедии носили специальную обувь сокк (лат. Soccus) — обувь на низкой подошве. Эти термины вошли в переносном смысле в латинский язык, как обозначение высокого и низкого стиля и тона. Котурны носили некоторые мужчины, но это рассматривалось как вызов или как знак пренебрежения к другим людям.

[4] Слоуфокс — медленный фокстрот.

[5] В нашей реальности, например, прокладки «Cotex» появились в США уже в 1921

году.

[6] Птифур — небольшое сдобное печенье (или маленькое пирожное). Как правило, продаётся набором из разных сортов изделий (ассорти). Glacé — глазированные птифуры.

[7] Mea culpa (лат.) — моя вина.

Глава 5. Ноябрь 1939

1. Трис

Габи позвонила в первом часу ночи, чего обычно с ней не случалось. Весьма сдержанная девушка, если не сказать больше. Выдержанная, расчетливая, не склонная к мгновенному аффекту. То есть, случались, конечно, срывы и у нее, но сколько и в каких обстоятельствах! Немного. Ровным счетом три, и это за целых полгода, да и обстоятельства тогда и там были таковы, что не только юная девушка, но, пожалуй, даже зрелый мужчина на ее месте хлопнулся бы в обморок, ну или устроил полноформатную истерику. Одна история с убитым в Арденнах голыми руками благородным оленем чего стоила! Однако даже там и тогда, сидя рядом с тушей мертвого рогача, Габи держала себя в руках, и случись эта история в отсутствие Триса, сообщила бы ему подробности только на следующий день. Так что ночной звонок явно выбивался из привычного образа действий его рассудительной младшей сестры и хладнокровного коннетабля клана Мишильер по совместительству.

— Нам надо увидеться, — сказала Габи после краткого приветствия. — Срочно. Прямо сейчас.

Голос звучал ровно, интонация, если и была, то очень сдержанная. Холодноватая и как бы даже отстраненная, то есть, в точности, как всегда. Но вот содержание...

— Приходи! — не раздумывая, предложил Трис. — Жду тебя у себя в кабинете.

— Пять минут, — определилась женщина, — вернее, шесть.

И это тоже она. Ее фирменная «вежливость королей», и по факту в хронометраже своих и чужих действий она никогда не ошибалась. Во всяком случае, в последнее время, когда ее внутренние часы стали работать много лучше, чем прежде.

«Внеранговый маг, — напомнил он себе. — И развивается невероятно быстро».

И то верно. Взять для примера ментальные практики, которыми они занимались в шато д'Агремон. Она освоила их, как нечего делать, а бедняга Зандер мыкается над одним только «первым шагом» уже вторую неделю. И ведь не дурак, умница и ученый не из последних. Но иногда сила важнее и ума, и учености. Габи справилась с «первым шагом» за четыре дня, обогнав в этом, к слову, самого Триса. Не на много, но все-таки обогнала. И это тоже кое о чем говорит. На самом деле, о многом, но сейчас не до того.

«Что-то случилось... Но что именно?»

Он прошел в кабинет, сел за стол, закурил, и вскоре — как раз на исходе шестой минуты, — после короткого, но вежливого стука костяшками пальцев в притолоку, дверь открылась, и в проеме появилась Габриэлла. Высокая, в особенности, на этих ее тончайших 8-сантиметровых каблуках, стройная, в коротком шифоновом платье с безумным рисунком, — что-то оранжевое с золотом, — по лифу и едва дотягивающему до колен подолу, но зато почти без драгоценностей. Посмотрела на Триса, кивнула, здороваясь, и пошла к столу, а дверь, что характерно, закралась за ней сама собой, словно, так и должно быть. Впрочем, именно этого добивался от нее Трис: колдовать везде, даже по пустякам и так часто, как получится.

— Я была с кузинами в клубе, — сообщила, элегантно усаживаясь в кресло для посетителей. — Клуб «Нуба», кухни Валери и Моргана Мишильер.

— Продолжай, — поощрил Трис скупую на слова рассказчицу.

— Два факта, — продолжила между тем Габи, оставаясь при этом раздражающе спокойной и до ужаса лаконичной. — Один важный, а о другом можно и не рассказывать.

— Слушаю тебя.

— Я почувствовала телепата.

— Подробности? — насторожился Трис.

— Сидела в компании за столом и вдруг почувствовала что-то, похожее на толчок или прикосновение. В общем, сразу поняла, что кто-то пытается меня прочесть. Эффект неожиданный, но так все и произошло. Почувствовала и поняла, и все это «сразу вдруг» — одним движением. Решение приняла тоже сразу. Забила голову бабьей дурью, но, кажется, переборщила с непривычки с силой эмоций. Для наблюдателя — нормально. Вполне естественное состояние для пьяной аристократки, но мне самой этот опыт не понравился.

— Чем именно? — решил уточнить Трис.

Он уже понял, что, защищаясь, Габи сделала что-то такое, что выбило ее из колеи. Вроде бы, все верно, так и следовало поступить, но на душе все равно кошки скребут.

— Мне не понравилась реакция моего организма на те картинки, которыми я затопила свое сознание.

«Представляю, — хмыкнул про себя Трис. — Или нет? Что именно могла нафантазировать такая сдержанная девушка, как Габи? Или верно говорят, что в тихом омуте?..»

Выражение явно было «неродным». В этом мире не было слова «черт», да и произнес он его мысленно на каком-то другом языке. Очередной привет из навсегда утраченного прошлого. Но Трис такие оговорки отмечал и запоминал. Предполагалось, что когда-нибудь это может пригодиться.

— Сочувствую, — сказал он вслух. — Но предполагаю, что прием «уклонения» оказался эффективным?

— Да, — подтвердила Габи. — Он сразу отстал и больше не пробовал.

— Твою реакцию видели другие люди?

— Видели, — кивнула, поморщившись, Габи. — Почувствовали. Я сказала, что это передоз. Мол хотела поднять настроение и укололась «нектаром».

«Нектар? — удивился Трис. — Ах, да! Физиология!»

Сейчас он окончательно сообразил, о какой реакции организма говорила Габи, и о каких картинках шла в этом рассказе речь.

«Н-да... Нектар? А что, идеальное решение! Отмазка хоть куда!»

— Ты молодец, Габи! — сказал он вслух. — Идеальное решение в неидеальной ситуации.

— В общем-то, да, — согласилась девушка. — Но все равно противно.

— Сочувствую.

— Что уж теперь, — вздохнула Габи. — Плохо другое, я его не опознала. Факт, что он существует. Факт, что я смогла его почувствовать. И еще один факт — он действительно болтается где-то совсем рядом, но кто он, мы по-прежнему не знаем. Отсюда вывод: будь настороже. К тебе он тоже может подобраться.

— Все-таки он, а не она? — поинтересовался Трис, отметивший, что, говоря о телепате, Габи использует исключительно местоимение мужского рода.

— По ощущениям, мужчина, — чуть нахмурилась девушка, — но доказать не смогу. И объяснить тоже не возьмусь. Считаю, интуиция подсказывает.

— Ну, мне скрывать, наверное, нечего, — обдумав ситуацию, сказал Трис. — Я официально внеранговый маг, и, значит, могу, если склонен к паранойе, поставить ментальный щит.

— Да, наверное, — согласилась Габи.

— Это все? — спросил тогда Трис. — Если да, можешь переходить ко второму пункту.

— Я встретила мужчину.

— Первый мужчина? — усмехнулся Трис.

— Первый, с которым мне захотелось переспать... Если не считать, конечно, Зандера.

— Встретила, — кивнул Трис, не совсем понимая, к чему это все. — Понравился. Не совсем, понимаю в чем проблема, и при чем здесь я?

— Есть подозрение, что его мне подставили... Или лучше сказать, подвели ко мне?

«Если это то, о чем я думаю, то ее интуицией действительно можно прошибать стены!»

— Допустим, подвели, — продолжил он расспросы. — Кто?

— Руди.

«В темную сыграть уже не получится, — понял Трис, услышав ответ сестры, — придется играть в открытую».

— Гийом де Ламот-Уданкур из Сентонжа? — спросил он вслух.

— Да, — холодно улыбнулась Габи. — Так и подумала, что без тебя здесь не обошлось! Зачем?

— Случайно попался на глаза, — пожал плечами Трис. — Подумал, что подходящий во всех смыслах вариант. Можно сказать, идеальный для нашего случая кандидат. Тебе же нужен мужчина?

— Допустим.

— Ну, вот тебе мужчина, владей. А со временем можно будет подумать и о том, чтобы взять его в мужья.

— Значит, Руди выполняет твоё задание, — чуть прищурилась Габи.

— Не совсем, — решил объясниться Трис. — Я всего лишь попросил его показать тебе Гийома в благоприятной для знакомства обстановке.

— А сам Гийом знает? — уточнила сестра. — И, если знает, то, что именно он знает?

— Ничего он не знает, — покачал головой Трис. — Он для нас пока чужой человек, ему такая информация не по чину. Руди играет его в темную.

— Тогда, рассказывай! — спокойная заинтересованность Габи удивляла, но поскольку случилось это отнюдь не впервые, Трис только головой покачал, да и то лишь мысленно, чтобы не обидеть сестру и самому не подставиться под ее насмешливый взгляд.

— Гийом этого не афиширует, — начал Трис свой рассказ, — но он имеет неоспоримое право первой руки на титул графов Сентонж. Де Ламот-Уданкур де Сентонж — фамилия древняя, но обедневшая, если не сказать жестче. Денег нет и не предвидится, поскольку при явном уме и недюжинной храбрости де Ламот-Уданкур совершенно не разбирается в бизнесе. Предпринял уже несколько неудачных попыток разбогатеть и, по-видимому, понял, наконец, что это не его. Если не вытащить Гийома прямо сейчас из того болота, в которое он угодил, то в самом скором времени он превратится в жигало, чего пока, на твою удачу, с ним не произошло. На данный момент он просто любимец женщин, но за их счет пока, к счастью, не живет. Образован, воспитан, по-своему талантлив. Закончил академию ВМФ в Тулоне, девять лет прослужил на флоте, в отставку вышел в звании капитана 3-го ранга. Владеет Даром Воздуха, где-то на шестом-седьмом уровне. В роду не раз и не два отмечены

маги выше десятого ранга. Чаще всего наблюдается как раз Стихия Воздуха. Кстати, у Гийома есть внебрачная дочь семи лет, и у нее тоже отмечен быстро развивающийся Дар Воздуха.

— Дочь? — чуть нахмурилась Габи.

— Ему тридцать два года, и он ни разу не был женат.

— Кто мать девочки?

— Дочь содержателя гостиницы в Сенте. Сейчас уже замужем. Вышла замуж год назад за нового шеф-повара ресторана, принадлежащего ее отцу.

— Если у него нет денег, но у женщин он их не берет, — сменила тему Габи, — то на какие средства он, ради Дия[1], их развлекает?

— На свою офицерскую пенсию, награды за три компании, в которых участвовал, как офицер ударных сил, и на деньги, вырученные от продажи замка близ Сента — столицы графства Сентонж.

— Предлагаешь перекупить?

— На твое усмотрение, — развел руками Трис. — Но мой совет, если он нужен тебе не только, как партнер на одну ночь, действуй аккуратно. Он все равно догадается, что ты ему помогаешь, но помогать и покупать — разные вещи. Думается, он оценит.

— Тогда, скажи Руди, чтобы не усердствовал. Я попробую сама....

— Что станешь делать, если не секрет?

— Не секрет, — потянулась Габи к портсигару Триса. — Предложу ему должность военного консультанта. Я же коннетабль клана, но при этом не имею военного образования, в армии или на флоте не служила. Вот пусть и консультирует за деньги, а дальше уж как получится.

«Надо же, какая удачная идея! — удивился Трис. — Действительно умная девочка!»

— Мне нравится, — сказал он вслух. — Если нужна будет помощь, я в твоём распоряжении.

— Ладно, тогда, — кивнула на эти его слова Габи, — с этим все. Но, если у тебя еще есть время, расскажи мне, пожалуйста, отчего князь Трентский бежит от меня теперь, как от чумы?

— Я объяснил ему, что жениться на тебе он не может...

— А любовница у него уже есть, — кивнула Габи, пыхнув сигаретой. — Я с Анаис соревноваться не собираюсь, и он это знает. Тем более, что Эва будет против.

— У вас с Эвой?.. — осторожно поинтересовался Трис, предположив, что, уж если она сама затронула эту тему, то сейчас самое время спросить.

— У нас с Эвой все непросто, — почти равнодушно ответила ему сестра. — Однако в данном случае, вопрос не во мне, а в Анаис. Они с Эвой старые подруги, но дело даже не в этом. Анаис младшая сонаследница, она может выйти замуж за князя Трентского. И она хочет выйти за него замуж. При дворе принцессы это ни для кого не секрет. Со мной, к слову, Эва вчера этот вопрос тоже зондировала, но ни о чем прямо не спросила. Проявила деликатность.

— А ты?

— Вчера я была еще не готова сказать, что отпускаю его на все четыре стороны.

— А сегодня?

— Пусть немного помучаются неведением, — неожиданно усмехнулась Габи, и да, это была по-настоящему хищная усмешка.

2. Зандер

Разговор с Тристаном оставил странное послевкусие, но, возможно, все дело в двойственности испытываемых Зандером чувств. С одной стороны, он был доволен тем, как складывались его отношения с таном клана Мишильер, да и совместный анализ ситуации явно приблизил их к разрешению общей проблемы. Однако, с другой стороны, он явно терял Габриэлли, вернее, терял надежду стать для нее когда-нибудь кем-то большим, чем друг ее брата и, может быть, даже ее собственный друг. И вот, вроде бы, совсем недавно он сам убеждал себя, что ничего между ними не было, нет и не будет, и что она не интересна ему ни как потенциальная невеста, ни как любовница, а все равно больно.

Тристан был прав, когда объяснил ему истинное положение вещей. Если не сообразил сам, то кто-то другой должен был вправить ему мозги. Да и перед Анаис было неловко. Добро бы, переспал разок, и все. С кем, как говорится, не бывает, тем более, на пьяную голову. Но Зандер встречался с ней теперь едва ли не каждый день. Ну, пусть не каждый день. Пусть только два-три раза в неделю, но что это меняет? Она не шлюха, но и он не бессовестный волокита. Оба не дети и оба принадлежат к высшей имперской знати, не говоря уже о том, что Анаис подруга Эвы Сабинии. И, значит, надо не метаться глупышом-несмышленищем, а обдумать сложившуюся ситуацию самым серьезным образом. В конце концов, брак с младшей сонаследницей Брабантской короны может оказаться лучшим способом устроить свою жизнь. Заниматься наукой можно ведь, не только живя в башне из слоновой кости. Имея правильно устроенный дом, жену и детей, можно уделять научным исследованиям ничуть не меньше времени, чем теперь, когда он холост. Женись он на Анаис, и можно будет забыть о нелегальных заработках, да и о легальных, наверное, тоже. Она принесет ему немалое приданное, — целое состояние, как говорят знающие люди, — и зарабатывать деньги алхимией или конструированием сложных магических приборов станет попросту ненужно.

«Кстати об алхимии...» — Кое-как разобравшись со своими личными делами, Зандер вспомнил, наконец, о том, что, на самом деле, должно было занимать сейчас все его мысли. Три выстрела на олимпийском стадионе — вот о чем следовало думать, а не маяться дурью, разбираясь с тем, кого любить, кого иметь, кого замуж позвать.

Вспомнив о «главном», Зандер резко изменил свой маршрут и вместо башни Людовика поехал в Кожевенный переулок к часовых дел мастеру Бертрану ван де Пуле. Хранитель воровской «черной кассы» встретил его улыбкой от уха до уха. Таким радостным его не видели уже много лет подряд. И повод, как тут же выяснилось, действительно имел место быть.

— На ловца и зверь! — закашлялся старик, подавившись довольным смехом.

— Я не зверь, и ты не ловец, — охладил его пыл Зандер.

— Прошу простить меня, господин доктор, — сразу же отступил ван де Пуле. — Я всего лишь хотел сказать, что послал вам по эстафете весточку, а это, знаете ли, долгая история.

Зандер знал. Не располагая точным адресом заказчика и не зная его настоящего имени, старик воспользовался воровской эстафетой, связью из рук в руки, на одном конце которой некто отправляет послание «неведомо кому неведомо куда», а на другом — находится адресат, имеющий прямой контакт с тем, кто появляется предпоследним в цепочке «рукопожатий».

— Переходим к делу, — остановил Зандер поток неинтересного ему словоблудия. —

Каковы факты?

— Экий вы! — досадливо покривился ван де Пуле, судя по всему, переживавший сейчас настоящую минуту славы.

— Итак! — напомнил Зандер о главном, опуская старика с неба на землю.

— Я нашел все три ствола! — заговорщицким шепотом сообщил хранитель воровской кассы. — Были сделаны заказы на три ствола! И я нашел все три, господин доктор. Как считаете, сударь, я заработал себе вторую молодость?

— Зависит от подробностей, — пожал Зандер плечами. — Пока я не услышал ничего принципиально нового. Про три ствола я знал еще в день покушения. Надеюсь, у тебя есть что-нибудь еще. Слушаю тебя.

— Три разных человека, господин доктор, заказали снайперские винтовки, — едва ли не с укоризной покачав головой, продолжил ван де Пуле. — Происходило это еще в июне-июле. Заказы были сделаны по разным каналам в разное время и, похоже, разными людьми. Первой винтовкой стал Маузер «Карабинер»[2] тридцать второго года с восьмикратной оптикой. Ее привезли из Гельвеции[3] по заказу какого-то охотника...

— Какого? — сразу же переспросил Зандер.

— Неважно, — отмахнулся старик. — Нет такого человека и никогда не было, а тот, кто разместил заказ, ничего не помнит. Представляете, господин доктор? Он все забыл. Кто заказал? Сколько заплатил? Ничего! Как отрезало! Думаю, тут не обошлось без вашей магии, сударь, потому что в жизни так не бывает: человек все помнит, а это забыл! И, если бы только он! Все, что связано с приобретением снайперской винтовки, забыл еще один посредник. Этот заказал ворам украсть у одной женщины-коллекционера... У меня записаны все подробности, но только смысла в них нет. Винтовку украли, боевую русскую винтовку СВТ-40 с шестикратным прицелом. СВТ — это по-русски Самозарядная винтовка Токарева. Ее, как и Маузер доставили в Лион... И все. Никаких концов, потому что оба посредника ничего не помнят. Правда, в истории с СВТ нашелся свидетель. Он видел, как ночью к посреднику заходил человек по имени Ги Гайяр. Зашел, пробыл недолго, каких-то 10–15 минут и вышел с длинным свертком. По описанию, вполне подходит под размер винтовки.

— Этот Гайяр?..

— Он наемник, сударь, — коротко охарактеризовал неизвестного Гайяра ван де Пуле. — Служил в армии, в иностранном легионе... Потом ходил несколько раз с наемными отрядами в Африку. Как раз снайпер. И представьте, доктор, он исчез! Винтовку, если конечно это была именно винтовка, он взял у посредника за три дня до покушения... А после той истории на стадионе, о нем ни слуху, ни духу. Как корова языком слизнула. Я к тому, что мы навели справки. Ушел он из своего дома той самой ночью, и все! Похоже, он и был стрелком!

«Да, — согласился Зандер с рассказчиком, — похоже на то. Надо будет потом взять у старика все подробности и сопоставить факты с тем, что обнаружил тан Мишильер. Может статься, это след. В особенности, если сможем сопоставить выстрел с целью».

— Что с третьей винтовкой? — спросил Зандер вслух. Он обратил внимание на то, что ван де Пуле рассказал про амнезию у двух посредников, а вот про третьего ничего подобного не сказал.

«Хотя, возможно, они его просто не нашли...»

— Третья винтовка — колониальный Savage[4] с шестикратным прицелом, — сразу же

перешел к делу ван де Пуле. — И ее удалось отследить и до заказчика, и до стрелка. Заказчик — младший сын герцога Ноэн Виктуар.

«Виктуар? — покачал Зандер мысленно головой. — Все-таки он... Как жаль!»

«Но, если это Виктуар, то господин *Некто Никто* использовал этого придурка втемную».

Назвать брата как-то иначе язык не поворачивался. Даже мысленно. Поэтому для Зандера он теперь только придурок или Виктуар, но ни разу не брат. С этих пор и навсегда, потому что, если это был он, то вряд ли готовилось покушение на Марию Перигорскую или принцессу Эву Сабинию. Нет мотива, а вот в случае с Зандером мотив есть, да еще какой! И все равно, надо будет уточнить, из какой винтовки ассасин стрелял именно в Зандера.

Выслушав старика ван де Пуле, Зандер забрал у него все записи по делу, расплатился, передав флакон с «живой водой», и, попросив продолжать поиски, вышел на улицу. Был соблазн сразу же отправиться обратно в палаццо Коро, но Зандер решил не спешить. Следовало обдумать полученную информацию и придать рабочей гипотезе, которая начала было формироваться в его голове, некое подобие законченности.

«Итак, — рассуждал Зандер, направляясь домой в башню Людовика, — если это все-таки Виктуар, и, если целью покушения в этом случае был именно я, то очевидно, что наш таинственный господин Икс использовал придурка втемную и намеренно не стал прикрывать его операцию. Напротив, подставил дурака под расследование, чтобы полиция пошла по его следу. Это означает, что ни я, ни Виктуар в этой истории не главные. Основной целью операции был кто-то из двоих: принцесса или Мария. Но, скорее всего, обе две, уж очень похож в обоих случаях модус операнди. Заказ и обрыв ниточки на уровне посредника».

Обдумав это предположение так и эдак, Зандер не нашел в нем изъяна, но зато обнаружил другую многообещающую гипотезу, являющуюся продолжением первой.

«Обе! — сообразил он вдруг. — Эти два покушения связаны между собой, и первой в очереди... Первой является Мария, потому что тот, кто хочет получить герцогскую корону вместо нее, предполагает в дальнейшем жениться на двоюродной сестре Эвы Сабинии».

Маргарита герцогиня Алансонская имела некоторые права на императорский престол, но ее права были недостаточно сильны, не говоря уже о том, что речь идет о шестнадцатилетней незамужней девушке. Однако, если бы на ней женился герцог Перигор, то принцип дополнения сыграл бы в ее пользу. Она могла бы стать или императрицей, или местоблюстительницей престола с тем, чтобы передать затем власть своему сыну. Проблема, однако, заключалась в том, что в окружении Марии Перигорской не было такого серьезного мужчины, который бы мог претендовать и на герцогскую корону, и на руку потенциальной принцессы.

«Или он есть, — поправился Зандер, — но не спешит до времени раскрывать свое инкогнито... Играет из тени, что для телепата весьма удобно».

К сожалению, Зандер мало знал о семье герцогини Перигор, и те имена бенефициаров, которые могли бы претендовать на ее титул никак не вязались с той сложной многоходовой комбинацией, какой представлялся Зандеру этот заговор. Тут явно должен был быть кто-то еще. Кто-то, кого никто не берет в расчет, просто потому что его как бы не существует. Но он есть, вот в чем дело. И его следует найти раньше, чем он сделает свой следующий ход.

«Надо бы поговорить с Марией... — решил Зандер, разложив все мысли по полочкам. — Аккуратно и, разумеется, с глазу на глаз. Вдруг что-то прояснится? И еще нужно как можно скорее увидеться с Тристаном и рассказать ему об этом новом повороте

сюжета...»

А пока суд да дело, сев за свой любимый письменный стол, Зандер тщательно записал все, что узнал по поводу покушения на олимпийском стадионе, присовокупив к фактам свои размышления, догадки и гипотезы. Затем он достал из тайника, который в силу своего устройства служил Зандеру так же магическим сейфом, «Машинку Ван Шоугуаня» — артефакт, который в Европе называли «Multiplicans scriptum»[5], и скопировал составленный документ — «Меморандум князя Трентского» — в четырех экземплярах. Эти артефакты стоили довольно дорого, так как их привозили издалека — из самой Цинской империи, — но зато позволяли копировать секретные документы, не привлекая к этому делу лишних людей. К тому же «Машинка Ван Шоугуаня» делала это куда быстрее, чем писец или пишбарышня, и никогда не ошибалась.

Закончив с копированием текста, Зандер разложил свой меморандум по отдельным конвертам. Затем две копии спрятал в тайник, еще один конверт, написав на нем адрес принцессы Эвы Сабинии, положил на поднос с исходящей почтой, а четвертый — сунул во внутренний карман того пиджака, в котором собирался отправиться утром в палаццо Коро. Было уже без четверти одиннадцать вечера, — не самое подходящее время для звонков по телефону, — но Зандер набрался наглости и, созвонившись с секретарем тана Мишильера, назначил встречу с Тристаном на девять часов утра. В конце концов, они уже настолько сблизились, что их можно было считать друзьями, и, если так, то он никоим образом не нарушил правил приличия.

Итак, первоочередные дела были наконец сделаны, настроения «что-нибудь почитать» или «поделать что-нибудь умное и полезное» не было и в помине, — что резко отличало нынешний его модус операнди от прежнего, когда он еще не участвовал в Турнире, — и Зандер решил сходить куда-нибудь, куда неловко идти в компании юных дев. Мест таких в городе было довольно много, но Зандер прежде в них не бывал. А между тем, для мужчин это ведь тоже являлось частью светской жизни, и, значит, пришла пора ему отметить в каком-нибудь знаковом вертепе порока, например, в модном в этом сезоне ночном клубе «Экстраваганца»[6]. И, что характерно, там, в таком месте одиннадцать часов вечера — это не ночь, а едва ли не ранний вечер, потому что главные события, как объяснили Зандеру сведущие люди, происходят в такого рода местах далеко за полночь.

Клуб располагался неподалеку от бульвара Сигиберта в Свечном переулке, вернее на крошечной площади, замыкавшей переулок. Автомобили проехать туда не могли, — во всяком случае, не к фасаду и парадному входу в «Экстраваганцу», — поэтому Зандер доехал на такси только храма Капитолийской Триады[7], а дальше пошел пешком. В Свечном переулке, начинавшемся сразу за храмом, как и на самом бульваре, было довольнолюдно. В радиусе пяти минут неспешной ходьбы располагалось полторы дюжины баров, ресторанов, клубов и варьете, однако, чем ближе подходил Зандер к самому клубу, тем больше менялась публика. Во-первых, исчезли женщины, а, во-вторых, дороже и экстравагантнее стали костюмы мужчин. Зандер, в отличие от большинства завсегдатаев клуба, одет был довольно сдержанно, если не сказать консервативно, — темно-серая пара, белая рубашка и темно-синий галстук, — но зато вокруг было полно молодых мужчин в костюмах из ярких тканей, красной, оранжевой или желтой, и даже в расписанных цветами пиджаках. Впрочем, никто на Зандера не смотрел с осуждением. Здесь царил полная свобода, и каждый одевался так, как хотел. Одно это показалось Зандеру занимательным. Такой пестроты нарядов он у мужчин еще нигде не встречал. А вот клуб ничего любопытного или экзотического

предложить ему не смог. Голых танцовщиц он уже видел, — еще в июле его звали как-то на чисто мужскую вечеринку со стриптизом и дорогими проститутками, — а совокупление на сцене ничем особенным не отличалось от соития в «других декорациях». Он так, между прочим, сам учился ублажать женщин. Сидел в кресле и смотрел, как нанятый им жигало обихаживает молодую красивую проститутку. В тот момент, к слову, он не испытывал ничего похожего на возбуждение или похоть, поскольку по ходу обучения боль прокатывалась по его телу волна за волной, не оставляя места для всяких глупостей. Но зато через пару дней, он смог повторить с той же самой женщиной все виденные им в тот памятный день трюки и экзерсисы. Но и тогда он был слишком занят техникой соития, чтобы дать волю эмоциям. С тех пор прошло уже довольно много времени, и в его жизни появилась Анаис д'Антины, с которой он познал, наконец, все прелести плотской любви. Однако теперь ему было уже неинтересно смотреть на то, как незнакомый мужчина имеет во всех позах незнакомую ему женщину. Оба были молоды и красивы, и в дополнение к этому невероятно техничны, но, наблюдая за ними, Зандер не получил никакого удовольствия: ни полового, ни эстетического, вообще никакого. Впрочем, цель посещения клуба была уже достигнута, его видели в «Экстраваганце», с некоторыми из гостей он даже выпил и обменялся впечатлениями по поводу статей выступавших в клубе танцовщиц, так что в начале третьего он решил, что с него достаточно и пошел домой. Вернее, пошел к бульвару, чтобы взять там такси и уехать в башню Людовика. Однако без приключений добраться до бульвара ему было не суждено.

Едва Зандер вышел из клуба, как почувствовал направленный на него взгляд. Нехороший такой взгляд, недобрый и не предвещающий ему ничего хорошего. На этот раз, правда, Зандер почувал опасность раньше, чем неизвестный противник начал действовать. Но, и то сказать, после покушения он предпринял все возможные меры предосторожности. Освоил несколько подходящих случаю техник ножевого и рукопашного боя, подтянул до требуемого уровня постановку стандартных щитов, в том числе и воздушную павезу[8] довольно большой площади, но главное способную удержать винтовочную пулю. А для ножей и револьверных пуль у него была припасена франкская тарга[9]. Ну, и несколько атакующих заклятий разучил, для душевного спокойствия. Не Габриэлла Мишильер, конечно, но для простых смертных, необремененных магическим Даром, вполне достаточно.

Итак, он почувствовал взгляд, оценил опасность, но в клуб возвращаться не стал, пошел по переулку, успев между делом принять «пару капель» *«исступления берсеркера»*, которую носил в перстне на левой руке. Эликсир этот — на вкус страшная гадость, и притом гадость вредная для здоровья, но он способен практически мгновенно ввести мага в состояние боевого транса. А это в той ситуации, в которой оказался сейчас Зандер, дорогого стоило.

«Вот же неугомонная сволочь! — подумал он, делая очередной шаг. — Никак не успокоится!»

И в этот момент его атаковали. Противники прятались в глухой тени в проходах между домами и, вероятно, полагали, что Зандер про них ничего не знает. Но он знал, почувствовав всех троих еще мгновение назад. И их атаку предвосхитил, сходу выставив «таргу» и ударив воздушным копьём. Принял на щит выпад одного наемника, — подлец бил длинным кинжалом, — и пробил грудь второму, только начавшему поднимать руку с зажатым в ней револьвером. А третий, прятавшийся на крыше дома, оставленного Зандером за спиной, выстрелил ему в спину из арбалета «заговоренной» стрелой. О том, что болт усилен магией, Зандер понял в тот момент, когда стрела, как горячий нож сквозь масло, прошла его

«повезу» насквозь. И даже ударила на излете в ребра. Не пробила, даже не сломала, но кровь все-таки пустила.

«Ох, ты ж!» — он крутанулся, уходя с линии огня, точно, как научил его отставной сержант егерского полка, и ударил по стрелку «Кулаком Борея»[10]. Снесло разом и наемника с арбалетом и скат крыши.

«А неплохо так... Для дилетанта».

Третьего, того, кто попытался ударить его кинжалом, Зандер взял живым, но ничего путного от него не узнал. Наемник утверждал, что ничего не знает, и, возможно, так дела и обстояли. Ведь не факт, что именно он был главарем и брал заказ. Но времени продолжать расследование уже не было, и, свернув убийце шею, Зандер поспешил оставить место происшествия. Ему не хотелось объясняться с полицией. И не из страха быть обвиненным в убийстве, а потому что не хотел огласки. Да и времени на всю эту бюрократическую возню было жалко.

[1] Дий — имя Зевса.

[2] В нашей реальности винтовка принята на вооружение в 1935 году как Karabiner 98k (также Kar98k или K98k, то есть официально называлась «карабинер (способ крепления ремня) 98k»). В большинстве современных источников именуется Mauser 98k. Является модификацией винтовки Mauser 98.

[3] Гельвеция — персонифицированный символ Швейцарии. Во времена Римской империи, в период с V века до н. э. по IV век н. э., территорию Швейцарии населяли преимущественно кельтские племена, в первую очередь гельветы, отсюда другое название Швейцарии — Гельвеция.

[4] В нашей реальности такая винтовка была выпущена только в 1956 году. Savage 10 FP — американская снайперская винтовка, разработанная (1956) фирмой Savage Arms.

[5] Multiplicans scriptum — дословно «Умножающий написанное» (лат.).

[6] Экстраваганца — в обычном смысле литературное или музыкальное произведение (бурлеск, театральная постановка), отмеченное экстремальной свободой стиля и содержания.

[7] Капитолийская Триада — три важнейших бога в Древнем Риме: Юпитер, Юнона и Минерва, почитавшиеся в Капитолийском храме.

[8] Павеза — тип щита, широко применявшийся пехотой в XIV–XVI веках. Щит был прямоугольной формы, верхняя часть могла иметь овальную форму. Павеза часто снабжалась упором, иногда на нижнем крае делались шипы, которые втыкались в землю.

[9] Тарч (от старофр. targa — щит) — щит XVI–XVII веков, снабжённый наручем и клинком.

[10] «Кулак Борея» — мощный удар воздушного молота.

3. Габи

— В девять утра ко мне придет князь Трентский, — Трис перехватил ее в пять утра, когда Габи шла к воротам, чтобы выйти на пробежку. — Позвонил вчера после десяти и попросил о срочной встрече.

— Вы же вчера уже встречались, разве нет? — Удивилась она. — Наверное, что-то случилось, иначе он не стал бы беспокоить тебя в столь поздний час.

— Уверен, что так и есть, — кивнул брат. — Хочу попросить тебя присутствовать на встрече.

— Как большую? — усмехнулась Габи.

— Нет, как маленькую, — ответно улыбнулся Трис.

— Приду! Куда?

— В мой кабинет, я думаю.

— Буду! — подтвердила свое обещание Габи и, кивнув брату на прощание, выбежала за ворота замка.

Итак, это был ее обычный утренний моцион: пять километров триста метров по замкнутому кругу. Не марафон, разумеется, но и не бег на время. Сорок минут неторопливой трусцой от южных до северных ворот родового замка: по улице Карла Мартелла до площади Августа, затем через Елисейский мост на набережную Робертинов и уже по ней до моста королевы Фредеруны, чтобы вернуться на правый берег реки и уже по набережной Лотаря добежать до улицы Аврелиана, выведившей благодаря «кривой» топографии города прямо к северным воротам палаццо Коро. Возможность раздышаться, разогреть мышцы и подумать на досуге о том о сем, благо физические нагрузки не мешали Габи думать буквально, о чем угодно, и даже о двух или трех вещах разом. Трис говорил, что это называется многозадачность[1] и требует эффективного распределения внимания. Еще он говорил, что это крайне редкая способность и встречается она только у по-настоящему талантливых людей. Габи это нравилось. Быть умной было хорошо и приятно, в особенности, если это признает не только она, но и другие. Трис ее ценил, он видел, какая она на самом деле, и ей это было, жуть как приятно.

В общем, с пяти и до семи тридцати утра она занималась своим телом и своей магией. Затем душ, легкий макияж и полноценный плотный завтрак с животными белками, жирами и углеводами, то есть, с мясом, сыром, булками и пирогами с редкими вкраплениями овощей. Практически обед, но в ее случае все-таки, скорее, завтрак. А еще утренние газеты, — до, во время и после завтрака, — и наконец в девять ровно, одетая в деловой темно-серый костюм с узкой юбкой-карандашом и длиннополым пиджаком, напоминающем мужской камзол XVIII века, она вошла в кабинет брата. Напольные часы фирмы Мозер как раз отбили двенадцатый удар, в котором, на самом деле, не нуждались ни она, ни Трис с Зандером. У всех троих внутренние хронометры был куда точнее любой швейцарской механики.

— Доброе утро, Габриэлла! — поздоровался Зандер, окинув ее задумчивым взглядом. Такой Габи он еще не видел и об этой стороне ее жизни не знал и, по-видимому, даже не догадывался. — Душевно рад вас видеть!

— Взаимно, Зандер! — Кивнула Габи, прошла к своему креслу и выжидательно

посмотрела на мужчин. — Я вся внимание.

— Сестра не только меч клана и его украшение, — улыбнулся Трис, моментально уловивший недоумение их раннего гостя. — Габриэлла мой первый помощник во всех делах, моя правая рука.

— Вот как, — кивнул Зандер, принимая объяснение. — Тогда приступим. У меня есть для вас крайне важная информация.

Сказать по правде, рассказ Зандера ее впечатлил. Но одновременно озадачил, поскольку по ходу дело не раз и не два возникал вопрос, откуда у князя Трентского взялись такие сведения? Как вообще человек их круга, не имеющий собственной службы безопасности, мог до всего этого докопаться? Ну, да боги с ним! В любом случае, это был весьма любопытный поворот сюжета, но главное, что-то в этой истории неожиданно сработало для Габи, как триггер, запустив сложный механизм ее быстро развивавшейся интуиции. И она вдруг поняла, кто стоит за всеми этими покушениями. Она не знала пока истинных мотивов этого человека, не понимала, почему он обнаружил себя именно сейчас, и как, вообще, это возможно, — вернее, догадывалась, но не знала наверняка, — однако была уверена, что это именно он.

— Это шевалье Рене де Марбёф, — сказала она вслух, и оба собеседника разом перевели на нее взгляд. Их явно удивила ее реплика. Но удивлены они были по-разному.

— Кто это? — спросил Трис, который уже убедился в силе ее интуиции и наверняка пытался сейчас понять, что именно в рассказе князя Трентского навело ее на эту мысль.

— Это жених баронессы Анны Марии де Сегюр, — объяснил Зандер, по-прежнему смотревший на Габи с удивлением, к которому примешивался откровенный скепсис. — Она кузина Марии Перигорской, дочь сестры ее отца. Но с чего вы, Габриэлла, взяли, что это он? Шевалье вообще герцогине не родственник, и никаких прав на корону Перигора не имеет по определению.

— Вот этот пункт нам и следует теперь проверить, — кивнула Габи, верившая в силу своей интуиции даже больше, чем ее брат. — А значит придется поднять поколенные росписи... Изучить генеалогические деревья... В общем, надо узнать, каким образом он может стать наследником Марии. Может быть, он признанный бастард ее отца? Или прямой потомок ее деда? Тут явно что-то есть, но я не знаю пока, что именно. Надо искать. Заодно посмотрим не было ли среди его предков телепатов или ментальных магов. И еще я думаю, он гораздо сильнее, чем говорит. Но, поскольку его ложь до сих пор не обнаружена, следует думать, что он умеет скрывать свою истинную силу.

— Разве такое возможно? — повернулся Зандер к Трису.

— Возможно, — коротко ответил тот. — Менталист, наверное, смог бы справиться с этой задачей.

— Чувствую себя не в своей тарелке, — невесело улыбнулся князь Трентский. — Куда ни пойду, везде родовые тайны.

— Не прибедняйтесь, Зандер, — решила тогда вмешаться Габи, и снова же интуиция подсказывала, что это то самое место и то самое время, когда требуется сделать решительный шаг навстречу. — Я сходу могу задать вам два вопроса по поводу ваших родовых тайн, но сразу предупреждаю, я не жду от вас ответа. Родовые тайны — это святое.

— Задавайте! — предложил князь Трентский после короткой паузы, наверняка взятой на размышление. — Возможно, я вам на них отвечу.

— Есть мнение, что вы вскоре сделаете предложение Анаис Брабантской, и это еще не

вопрос, а преамбула, — предупредила она.

— Продолжайте, пожалуйста, — предложил Зандер с каким-то странным, не до конца читаемым выражением лица.

— Обеспокоенная этим фактом, Эва Сабиния навела справки... — Габи остановилась намеренно. Она была уверена, что Зандер ее понял, и давала ему возможность «соскочить с крючка».

— Резкая смена опуса операнди, — кивнул он, не разочаровав Габи. — Я понял ваш вопрос, Габриэлла и пока не готов на него ответить. То же самое я могу сказать об источнике своей осведомленности.

Что ж, у Габи и раньше не было повода сомневаться в уме князя Трентского. Сейчас ее мнение о нем только укрепилось.

— Я не настаиваю, — сказала она. — Мы не спрашиваем вас, Зандер, вы не спрашиваете нас. Главное, что информация получена, и мы теперь знаем больше, чем знали раньше.

— Согласен, — улыбнулся ей Зандер. — И... Надеюсь, ваш брат не обидится, если скажу, что вы, Габриэлла, чудо чудесное, и ваш отец воспитал вас именно так, как должно. Уникумы силы встречаются не так уж редко, а вот умные люди среди них — редкость. Тем более, такие умницы, как вы, образованные, воспитанные и знающие, что главное в этой жизни.

Слова Зандера едва не заставили ее покраснеть. Спасибо Трису и его тренингу, она не показала собеседнику ни того, как ее тронули его слова, ни того, насколько она смущена.

— Комплимент засчитан, — улыбнулась она в ответ. — Вы, Зандер, превзошли сейчас самого себя. Я в смущении.

— А так и не скажешь, — грустно усмехнулся князь Трентский.

Габи уже знала, что после разговора с ее братом Зандер отказался от идеи ухаживать за ней или еще что. Было очевидно, ничего уже между ними не случится: ни любви, ни, тем более, секса, вообще, ничего из того, о чем стоило бы мечтать. Но вот дружба и сотрудничество как раз возможны и даже приветствуются, как с ее стороны, так и с его. И значит, так тому и быть.

В общем, расстались, на дружеской ноте, но с тенью в душе и ощущением некой незавершенности. Тем не менее, все дальнейшие действия ложились на плечи мужчин. Это была их зона ответственности, — искать и найти связь между шевалье де Марбёф и Марией Перигорской, — а Габи оставалось лишь ожидать результатов и, возможно, попробовать аккуратно «прощупать» жениха Анны Марии, чтобы понять, что он такое и на что способен. А для этого ей не надо было сидеть в архивах и подсылать агентов в его окружение. Ей надо было всего лишь блистать, и по возможности делать это поблизости от герцогини Перигор и принцессы Эвы Сабинии.

***

В Лионе, как совсем недавно узнала Габи, существовало два типа ночных клубов. Одни заведения, — например, небезызвестная в определенных кругах «Экстраваганца», — предназначались исключительно для «мальчиков». Не в том смысле, что для голубых или, лучше сказать, лиловых[2], но это были именно мужские клубы. «Девочек» туда не то, чтобы не пускали. Пускали, но те, кого там иногда можно было встретить, если не иметь в виду танцовщиц, стриптизерш и полуголых официанток, — относились к категории *плохих*

девочек. Поэтому аристократки, даже самые отвязные из них, в такие заведения ходили крайне редко. Но клубничку, — и это не секрет, — любят все. И если в заведения первого типа дамам вход был заказан, для них и их кавалеров существовали другие клубы, как та же «Нуба», в которой Габи познакомилась с Гийомом де Ламот-Уданкур де Сентонж. Вот именно в такое заведение, — а именно в известный своей веселой фривольностью клуб «Echapper[3]», — они с Гиомом и отправились тем вечером. Со времени их знакомства прошло уже более двух недель, но это был их первый выход вдвоем без непременно свиты из молодых Мишильеров обоего пола, которая как-то сама собой образовалась вокруг Габи. Не то, чтобы ее охраняли, — она сама могла кого хочешь «охранить», — но ее в клане уважали до невозможности и в меру своих сил берегли. Возможно, даже любили. Во всяком случае, так утверждала дама Конкордия. Однако даже коннетаблю клана, по мнению Габи, положена личная жизнь, и, если ей *пристичило* сходить на свидание, то так тому и быть. Спорить с ней было себе дороже, поэтому служба безопасности, которая после двух покушений подряд места себе не находила, согласилась «последовать за ней издали», не вмешиваясь при этом в личную жизнь своей госпожи. И Габриэлла Э'Мишильер отправилась в «Echapper».

В клубе было жарко и весело. Пахло духами и немного потом, и, несмотря на ранний час, — было всего лишь начало одиннадцатого, — здесь уже вовсю свинговали, выпивали и, разумеется, флиртовали. Наркотики и откровенный секс прятались за кулисами, а на приподнятой над уровнем танцпола сцене вертели задами и вскидывали вверх длинные ноги полураздетые танцовщицы, поскольку время для настоящего стриптиза пока не наступило. В общем, атмосфера была самая подходящая для того, чтобы сбросить напряжение, расслабиться и пообщаться накоротке со своим потенциальным мужчиной. Для Габи это был первый опыт «*нормальных отношений*», и, честно сказать, она не знала, как себя вести, что говорить и чего ожидать от своего нечаянного кавалера. И, как всегда, когда она находилась на «*чужой территории*» Габи держала себя в руках, предпочитая по минимуму выражать свое отношение к происходящему, меньше говорить и больше слушать. Впрочем, Гийома, похоже, все устраивало. Он был внимателен, обходителен и, пожалуй, даже мил. Заполнял возникающие по ее вине паузы, рассказывая о выпавших на его долю приключениях: о зимней охоте на медведя-шатуна в таежных дебрях Тартара, рыбалке на двухсоткилограммового голубого марлина близ нидерландского острова Маврикий или о переходе на верблюдах через пустыню Сахара. А рассказчиком, следует заметить, как, впрочем, и собеседником вообще, он оказался просто замечательным. Тем не менее, «заговорить» Габи до потери осторожности не удавалось еще никому. Не получилось это и сейчас, если конечно такова была цель Гийома. Напротив, чем легче ей становилось со своим кавалером, тем внимательнее она отслеживала ситуацию, подмечая слова, интонации и темы, вокруг которых вертелся их разговор.

Она обратила, например, внимание, что ее визави избегает разговоров о своем прошлом, имея в виду личную жизнь Гийома, — о службе на флоте он, напротив, рассказывал с очевидным удовольствием, — не касается тем, связанных с жизнью высшего света и совсем не говорит о магии. Не затрагивал он в разговоре так же всего, что касалось недавних покушений на Габи и ее друзей. Не знать о них он не мог, поскольку об этом говорил весь город, но, по-видимому, не хотел ее тревожить. Крайне деликатный мужчина, несмотря на всю свою брутальную мужественность. А он, и в самом деле, был хорош. Женщины на него так и зыркали глазами и даже, похоже, пускали слюни и, наверное, не только слюни.

Впрочем, Гийом был выше этого. Придя на свидание с Габи, других женщин он попросту не замечал, чем заслужил в ее глазах еще пару-другую бонусных очков.

Они немного потанцевали, выпили по паре коктейлей, посмотрели канкан в исполнении довольно приличного танцевального ансамбля и ближе к полуночи перешли в ресторанный зал, чтобы перекусить и отдохнуть от слишком громкой музыки. К этому времени, поймавшая наконец волну Габи не раз и не два задавала своему кавалеру вполне профессиональные вопросы на военную тематику. Разумеется, это был отнюдь не экспромт. Она эту тему прежде тщательно проработала, изучая специальную литературу и опрашивая других мужчин клана, включая своего старшего брата. И Гийом, — если он не полный идиот конечно, — не мог не обратить на это внимания: на характер вопросов, их адекватность и частоту. Обратил и спросил ее прямо, чем заработал еще несколько призовых очков:

— Что скажете о моей квалификации? — спросил он с улыбкой после очередного ее «профильного» вопроса.

— Она меня устраивает, — спокойно ответила Габи, просматривая между делом меню à la carte в солидном переплете из теснённой кордовской кожи.

— Зачем это вам? — Раскрыл Гийом свое меню.

— Хочу предложить вам должность моего военного советника... Полковничий оклад, бонусы и премиальные, оплата сверхурочных... служебный автомобиль и квартира в городе, если откажитесь от апартаментов в палаццо Коро...

Габи перечисляла все эти роскошества ровным голосом, и говорила о своем предложении, как о чем-то само собой разумеющемся и не стоящем каких-либо экстраординарных эмоций.

— Насколько это синекура? — спросил тогда мужчина тем же спокойным голосом.

— Решать вам, — позволила себе Габи легкую улыбку.

— Гийом, — решила она кое-что добавить, чтобы облегчить ему жизнь, — я коннетабль клана, и, если иметь в виду мою силу, как боевого мага, это верное решение. Боевого мага сильнее меня трудно найти. Но у меня нет военной подготовки, а я ведь, по идее, должна формировать вооруженные силы клана и командовать ими в случае войны. Так что ваша должность предусматривает ровно то, что заявлено в ее названии. Советник по военным вопросам.

— Дадите время подумать? — Поднял на нее взгляд Гийом, просматривавший во время ее реплики свой экземпляр меню.

— Разумеется. Сколько времени вам надо?

— Сутки?

— У вас они есть, — заверила Габи, возвращаясь к изучению перечня холодных закусок. «Фуа-гра[4] и грибной террин[5]? Попробовать с Гийомом прямо сегодня? Почему бы нет?»

Секса хотелось уже давно, да только не с кем было, если иметь в виду мужчин. А тут вот он, красавец-мужчина, и сам, вроде бы, не против. Решить этот вопрос было не менее важно, чем выбрать закуски для «легкого перекуса».

«Вот так вот запросто? — продолжала размышлять Габи, выбирая в меню еще одно, третье блюдо. — Прямо сегодня и на всю катушку? И кто мне судья? Я же не замуж иду, и я не девственница какая-нибудь, чтобы беспокоиться за свою честь...»

«Улитки, печенье на углях с острым чесночным соусом! — решила она наконец. — И да, если все сложится, приглашу его к себе в палаццо... Ну, или он пригласит меня... Куда-

нибудь...»

«Куда-нибудь», — повторила мысленно Габи и, чуть повернув голову, посмотрела на мужчину, сидевшего за барной стойкой.

Крупный, массивный — высокий и широкий блондин с длинными, заплетенными в косу волосами, — он сидел спиной к ресторанному залу, но стоило Габи на него посмотреть, как он тут же развернулся к ней лицом. Их взгляды встретились, и ее охватило чувство узнавания при том, что мужчина этот был ей незнаком. Но вот какое дело, пару мгновений назад она почувствовала его присутствие. Ощущение было странное, характеризующееся абсолютной новизной. Ничего подобного с ней никогда раньше не случалось, и, тем не менее, она сразу же поняла, что речь идет о каком-то человеке, находящемся в том же ресторанном зале, что и она. Поняла, еще не полностью осознавая это свое понимание, и безошибочно нашла, едва подняв взгляд. То есть, угадала направление точно так же, как и то, что на этого мужчину стоит посмотреть. И вот их взгляды встретились, и к ней пришло понимание, что перед ней не человек, а какое-то всего лишь похожее на человека существо высшего порядка. Блондин, с крупными хорошо вылепленными чертами лица и твердым взглядом. Впрочем, взгляд его Габи выдержала, чем, судя по реакции мужчины, очень сильно его удивила. Но дело было уже не в том, кто кого переглядит. Габи осознала наконец, о ком идет речь, и почему она его ощутила и узнала. Перед ней был один из тех, кого ее Золотой человек назвал волками. И не просто так волк, а некто, имеющий к ней самое прямое отношение, потому что, судя по ощущениям, это был Сковья — ее левый прадед.

— Без вопросов, Гийом! — сказала она, вернувшись взглядом к своему кавалеру, но не выпуская при этом Сковью из зоны своего внимания. — Не знаю, что сейчас произойдет, но, что бы ни произошло, не вмешивайся. Очень тебя прошу!

— Уверена? — так же тихо спросил Гийом.

— Поверь! — бросила она, чувствуя, как направляется к ним Сковья, только что вставший с табурета у барной стойки.

Габи отложила меню и встала из-за стола.

«Убьет? — подумала мимолетно, поворачиваясь навстречу волку. — Знает ли он, кто я такая? Понял ли?»

Мужчина приближался, и она не стала ожидать его на месте. В любом случае, Гийому не следовало слышать то, что сейчас будет сказано.

— Как интересно! — сказал мужчина, а говорил он густым басом, словно бы исходящим не из человеческого горла, а из земных недр. — Кто ты, дитя?

— Не узнал собственную внучку, старик? — вопросом на вопрос ответила Габи.

— Полукровка, владеющая силой разделенных джа? — покачал головой мужчина, не пытавшийся скрыть своего удивления. — Такого не бывает! Есть мы, есть люди и есть полукровки. Ты несомненная полукровка, но откуда тогда твоя сила? Так много силы...

«Много?!» — удивилась Габи.

Тва'А говорил, что у нее теперь есть сила разделенных джа, но не упоминал о том, что ее много. Но, если так, — если сил все-таки слишком много, — не в этом ли причина того, что он закрыл перед ней дверь?

— Значит, есть вещи, которых ты не знаешь, — сказала вслух, чуть пожав при этом плечами.

— Драться, я так понимаю, мы не будем, — добавила, чтобы расставить все точки над «i».

— Не вижу причины, — ответил ей Сковья. — Ты мне не враг. Во всяком случае, пока. Не друг, но все-таки родная кровь. Зачем же мне тебя убивать?

— Уверен, что смог бы? — спросила тогда Габи.

— Твоя правда, — гулко рассмеялся мужчина. — Не уверен. Я бы сказал, что ты...

Продолжения фразы Габи не поняла, потому что дед перешел на какой-то невероятно сложный и абсолютно чуждый для ее слуха язык.

— Не понимаю, — сказала она, чтобы остановить поток льющейся на нее нечленораздельной галиматы.

— Не понимаешь, — кивнул Сковья. — А я уж подумал, что тебя слепили Источники. Так много силы могли тебе дать только они. Но, если они не научили тебя Истинной Речи, то, вероятно, это не их заслуга. Загадка, однако!

— Мы не можем стоять тут до бесконечности, — предупредила Габи, успокоившаяся в тот момент, когда поняла, что убивать ее Сковья не станет. — Мы привлекаем внимание, а я, если ты не знаешь, публичная фигура.

— Кто, если не секрет? — Как ни странно Сковья говорил с ней вполне доброжелательно и при этом более чем по-человечески.

— Я княгиня Мишильер, младшая сестра тана и коннетабль клана.

— Да, силы у тебя на троих хватит! — хохотнул в ответ мужчина.

— Надо бы увидеться и поговорить спокойно, — сказал вдогон к прежней реплике.

— Где? Когда? — быстро спросила Габи, упускать такую возможность было бы верхом расточительности. — И что мне говорить родне, если спросят. Дедом моим ты точно быть не можешь.

— Дальняя родня из Нидерландов, — предложил волк. — Друг твоего деда.

— По материнской линии, — подсказала Габи.

— А кто у тебя мать?

— Дама Мата д'Астарак из Гаскони, — процитировала Габи свою фиктивную грамоту о рождении. — Она умерла, когда я была совсем маленькой.

— А ее отец?

— Про него я ничего не знаю, — призналась Габи. — Его звали Ги д'Астарак, и это все, что мне известно.

— Ладно, — кивнул Сковья. — Вот и повод для встречи. Я обещал тебе рассказать про него и твою семью.

— А ты сможешь?

— Подготовлюсь, — неожиданно улыбнулся волк. — К слову, я Филипп д'Аренберг, 9-й граф д'Арсхот. Снимаю этаж в отеле «Рекамье». Буду рад тебя видеть в любой день, но лучше договариваться заранее.

— В четверг? — предложила Габи.

— Отлично! — кивнул Сковья. — Буду ждать тебя в три часа дня. Приятно было познакомиться!

— Взаимно! — кивнула Габи и, развернувшись, пошла к своему столику.

— Друг моего деда, — объяснила Габи, вернувшись к Гийому. — Граф д'Арсхот. Я его раньше только на фото видела. Совсем не постарел за четверть века. Наверное, сильный маг.

— Это само собой разумеется, если он был другом герцога Перигора...

— Теоретически да, но нет, — улыбнулась Габи. — Людвиг Перигорский жил едва ли не триста лет назад. Это родня не по отцовской, а по материнской линии. Отца моей матери

звали Ги д'Астарак. Он был гасконским дворянином.

— А ваша мать?

— Она умерла, когда я была совсем маленькой... — На этой реплике тема родственных связей была исчерпана, и они вернулись к меню.

***

В палаццо Коро они приехали на такси, считай, что на рассвете, и потом часа четыре, никак не меньше, — словно бы и не пили всю ночь, *«как взрослые»*, — занимались любовью, да так, что едва ли не полностью разгромили спальню, причинив ущерб так же гостиной и ванной комнате. Но Габи об этом не жалела. Оно того стоило, потому что этой ночью, — с этим мужчиной, — она не только почувствовала себя настоящей женщиной, она узнала, что это такое, быть счастливой женщиной.

— Пять раз, — шепотом хвасталась она позже Марии Перигорской, краснея при этом до корней волос, чего обычно с ней не случалось, да и не могло случиться. — Представляешь?! Пять раз... А сколько раз я кончила, я даже сказать тебе не могу. Со счету сбилась! Трясло так, что думала помру от страсти...

— Не самая худшая смерть, — не без зависти тяжело вздохнула Мария. — Хочу замуж!

— Я говорила с братом, — «вспомнила» Габи по случаю. — Он не против. Но тебе придется сказать ему об этом первой.

На самом деле, ничего она не забыла. Просто ждала подходящего момента и дождалась.

— И как он себе это представляет? — нахмурилась герцогиня Перигор.

— Ты обсуждала этот вопрос с юристами? — задала Габи встречный вопрос.

— Да, — кивнула подруга. — Обсуждала.

— Они составили проект брачного контракта? — продолжила Габи допрос.

— Составили, — нехотя призналась герцогиня Перигор.

— Неси сюда, — практически приказала Габи. — Будем читать.

Следующие три часа они читали проект брачного договора строка за строкой, и, хотя Габи не была ни юристом, ни бухгалтером, ни знатоком придворных правил, традиций и законов, она указала Марии на те пункты, на которые Трис никогда не согласится.

— Это не смертельно, как ты понимаешь, но неприятно, — объяснила она. — Однако учти, гордость в таком деле плохой советчик. Выйдя замуж, ты все равно перестанешь быть герцогиней Перигор, а станешь женой герцога Перигор-Мишильер. Герцогиней, но уже не правящей герцогиней. Так что, если не готова к этому, тебе нужен не мой брат, а кто-нибудь вроде моего Гийома.

— Но такой Гийом не сможет меня защитить, — тяжело вздохнула Мария. — Так что выбор невелик. Твой брат сила, и кроме него и тебя меня некому защитить. А так выйду замуж, рожу Тристану наследников, и все от меня сразу отстанут.

— Верно, — кивнула Габи. — И раз ты все решила, предлагаю не тянуть. Я могу позвонить Тристану прямо сейчас. Он как раз работает с документами. Договоримся о встрече, и, если хочешь, пригласи в качестве свидетелей Эву Сабинию, Анаис и Зандера. Процедура проста. Ты предложишь Тристану взять тебя в жены, он согласится, и ты передашь ему проект договора. После этого, обсудим вчерне наши планы, договоримся о датах и прочем всем, и отметим скромным ужином с нескромным количеством выпитого вина.

О том, что по их с Тристаном плану, Марии придется практически сразу перебраться

жить в палатце Коро, она говорить пока не стала. Вот придет день и час, и тогда Мария узнает, кто собирается сживать ее со света. Узнает и поймет, что перейти под защиту Триса и Габи — это лучшее для нее решение. И тянуть с этим не следует, ибо жизнь — не шутка, но ее для начала следует прожить от начала и до конца. И дай нам боги, чтобы конец этот наступил как можно позднее.

[1] Вообще-то, это термин из электроники, но его любят и психологи.

По определению, многозадачность — свойство операционной системы или среды выполнения обеспечивать возможность параллельной (или псевдопараллельной) обработки нескольких задач. Истинная многозадачность операционной системы возможна только в распределённых вычислительных системах.

[2] Вне СССР и России вместо термина «голубой» мужчин-гомосексуалистов называли «лиловыми» (lavender), «пурпурными» (purple) или «розовыми» (pink).

[3] Echapper (фр.) — побег.

[4] Фуа-гра — специальным образом приготовленная печень откормленного гуся или утки.

[5] Террин — блюдо из овощей, мяса или рыбы, нечто среднее между запеканкой и паштетом.

Глава 6. Декабрь 1939

1. Трис

Как ни странно, сватовство прошло достаточно гладко: без женских капризов, технических накладок и прочей ерунды. Встретились, объяснились и договорились пожениться. Истерика едва не случилась несколько позже, когда Трис, — от своего имени и от имени Габи и Зандера, — рассказал дамам о том, что удалось выяснить по поводу событий на олимпийском стадионе. Вот тут психанули все трое, хотя и по разным причинам. Эву Сабинию особенно возмутило то, что ни полиция, ни тайная служба ничего путного до сих пор не раскопали, а Трис с Зандером искали и нашли. Наверное, просто умели и знали, что делают, в отличие от *«этих пустобрехов в погонах, которые только и умеют, что надувать щеки»*. В принципе, она была права, странно только, что ни она, ни ее отец не знали об этом раньше, ведь все серьезные люди в империи были об этом осведомлены. Если бы дела обстояли иначе, ни Трису, ни Зандеру не пришлось бы искать своих врагов самим. Да и другим родам не понадобились бы ни личные службы безопасности, ни собственные воинские контингенты. Впрочем, Трис полагал, что оно и к лучшему, теперь принцесса знает, кто ей друг и на кого она может положиться в трудной ситуации.

Анаис, в свою очередь, внезапно по-настоящему испугалась за *«своего мужчину»*, а может быть, только сейчас сформулировала наконец для себя любимой, кто ей Зандер на самом деле, и чего она хочет от жизни. Поэтому не удивительно, что, узнав о том, кто стоял за покушением на князя Трентского, Анаис и Эва Сабиния, — каждая в отдельности и обе вместе, — постановили, что лучшим решением будет свернуть *«этому подонку Виктуару»* голову. Если конечно Зандер не против. Князь не возражал, но просил с этим делом не спешить, так как, возможно, решать проблему придется келейно, чтобы не опозорить семью герцога Ноэн, которая, как ни крути, ему родная.

Мария же, — после изложения всех фактов, — поняла, наконец, в полной мере, какая опасность ей угрожала и продолжает угрожать. Она не могла, разумеется, объяснить, каким боком здесь шевалье де Марбёф, но поверила Габи на слово и без колебаний согласилась переехать в палаццо Коро *«прямо сейчас»*. В общем, еще до праздничного застолья она созвонилась с мажордомом шато дю То и приказала срочно переправить в палаццо Коро все, что она обычно берет в длительные путешествия, а также прислать к ней двух горничных и трех ее постоянных телохранителей. Ну а Трис со своей стороны заранее распорядился приготовить для нее Большие Княжеские Покои в Южном крыле замка, куда Мария могла вселиться вместе со своими слугами сразу, как захочет, то есть, прямо сейчас, вернее, сразу после торжественного ужина. И она, что характерно, согласилась. Ну, а ужин прошел на ура. Стол ломился от яств, и мэтр Бельгард — шеф кухни палаццо Коро превзошел сам себя, наготовив таких вкусностей разностей, что просто пальчики оближешь. И это, не говоря уже о том, что под все эти изысканные блюда провансальской и лангедокской кухни были со вкусом подобраны достойные случая вина, красное и белое, так что знаменательное событие было отмечено так же немалым возлиянием.

Честно сказать, общий настрой этого вечера и алкоголь, плескавшийся в крови, чуть было не сыграли с Трисом злую шутку: он чуть было не поддался соблазну начать с Марией активную половую жизнь *«прямо здесь прямо сейчас»*. Слава богам, что как захотел, так и

расхотел, поверив алгеброй здравого смысла «гармонию» пьяных фантазий. Иначе мог случиться весь неприятный реприманд[1]: пригласил девушку под свою защиту и тут же воспользовался ее беспомощностью. Мария в этот вечер стала его официальной невестой, и ему стоило проявить к ней уважение, достойное его будущей жены. В общем, Трис вовремя взял себе в руки и отправился спать, в следующий раз встретившись с Марией Перигорской только следующим утром за завтраком.

Утром она ему понравилась даже больше, чем вечером. Ну, то есть, он еще с первой встречи на приеме в императорском дворце знал, что она красива и неглупа, обнаружив в дальнейшем, — и большей частью, благодаря Габи, — что Мария Перигорская по-настоящему умна, неплохо образована, упорна в достижении своих целей и невероятно трудолюбива, в особенности, для женщины ее круга. Сейчас же, за завтраком, — скажем так, в домашней обстановке, — Трис увидел, что она не просто красива, но, как говорят в народе, привлекательна и хороша собой. При всей своей учености, он бы не взялся толковать три этих едва ли не синонимичных термина, и, однако на интуитивном уровне так все и обстояло. Определение «хороша собой» предполагает наличие красоты, но также добавляет к образу нечто крайне важное, некий штрих, дополняющий картину. Слово же «привлекательная», по мнению Триса, относилось исключительно к области эротики и, в первую очередь, указывало именно на половую привлекательность. В общем, Трис обнаружил, что Мария красива именно так, как нравится именно ему, и, значит, если правда, что она тоже находит его привлекательным, в постели все у них должно сложится наилучшим образом. Да и в остальном он не предвидел каких-либо серьезных проблем. Вчерашнее обсуждение брачного контракта подтвердило то, что он уже знал, составив впечатление во время предыдущих встреч: Мария умеет думать и принимать непростые решения, она решительна, но отнюдь не безрассудна, и с ней всегда можно договориться, если, разумеется, не пережимать и не пытаться давить одним лишь голым авторитетом. Апелляция к логике и здравому смыслу, а также совместный поиск компромиссов оказались в случае Марии Перигорской куда более действенными средствами, чем какие-либо иные способы достижения цели. Поэтому, пообщавшись с ней за завтраком, — при посильном участии Габи и дамы Конкордии, — Трис пришел к выводу, что сделал правильный выбор.

— Когда вы предполагаете объявить о нашей помолвке? — спросил Мария за кофе и десертом.

— Что, если мы это сделаем на приеме в честь возобновления Турнира? — предложил Трис.

— Не бойтесь нового покушения? — смутилась Мария.

— Думаю, мы раскроем это дело в течении следующей декады, — пообещал он. — После этого опасаться нам станет нечего.

— До этого надо еще дожить, — тяжело вздохнула Мария.

— Не волнуйся! — улыбнулась ей Габи. — Теперь ты не одна, и мы знаем, чего следует опасаться. Praemonitus, praemunitus, не так ли? *Предупрежденный вооружен*. И мы действительно вооружены. Зелье князя Трентского обеспечит всем нам защиту от чтения наших мыслей, а пара-другая артефактов, которые мы на тебя навесим, прикроют и от пули, и от арбалетной стрелы. Что же касается заклятий, ты и сама не слабосилок! Девятый ранг как-никак. Сможешь почувствовать и отразить. Да и мы с братом постараемся не оставлять тебя одну.

Трис обратил внимание, что Габи крайне осторожна в своих высказываниях. Несмотря

на то, что Мария ее близкая подруга, а в скором времени еще и невестка, ничего лишнего Габи ей не сообщила, придерживав на всякий случай пару тузов в рукаве. Не рассказала, что они с Трисом в зелье не нуждаются, как и того, что, пока все не утрясется, в свите Марии будут находиться один-два боевых мага клана Мишильер, а их теперь у клана было трое: десятый-одиннадцатый ранг, Вода, Воздух или Огонь и первоклассная боевая подготовка. Жаль только, что из троих лишь один является настоящим Мишильером, а двое других всего лишь наемники. Но спасибо и за это. У других и того нет.

После завтрака Трис извинился перед герцогиней Перигор, — теперь уже не просто гостьей его дома, но и официальной его невестой, — и, оставив Марию на попечение нескольких девушек клана Мишильер, специально для этой цели приглашенных в палатку Коро, ушел работать. Работы у него меньше не стало, а, учитывая обстоятельства, пожалуй, даже прибавилось. Так что ему предстоял долгий дневной марафон, преимущественно состоявший из деловых встреч, не менее деловых переговоров и бесконечного количества документов, которые нужно прочесть и подписать. Габи, которой, по идее, тоже следовало бы остаться с подругой, тем не менее, сказала, занятой, или она, и в самом деле, имела некое занятие на стороне, но, по факту, Габриэлла испарилась сразу после завтрака и объявилась в замке только вечером. Трис узнал о ее возвращении самым тривиальным образом: она заявила прямо к нему в кабинет. Удивило, впрочем, не это. О том, где он находится внутри палатки, Габи теперь знала всегда, как и он знал о ней. Объяснялось это тем, что они оба были допущены к святой святых — к магическим потокам, опутывающим замок. И даже при том, что Источник отозвал право Габи навещать его пещеру, он не отобрал у нее права «доступа и управления». Так что узнать, что Трис работает в кабинете, было несложно. Но то, что она заявила к нему без приглашения — было более чем странно. Обычно она хотя бы звонила по телефону, чтобы получить формальное приглашение или разрешение зайти, — в чем, к слову сказать, Трис ей никогда не отказывал, — однако на этот раз обошлась без «формальностей». Постучала в дверь, услышала «войдите» и тут же вошла.

— Срочно, секретно, — сказала без улыбки, усевшись в кресло, поставленное напротив его рабочего стола, — только тебе, брат, и только на ухо. Шепотом.

— Звучит интригующе, — улыбнулся в ответ Трис. — О чем расскажешь на этот раз?

— Позавчера вечером в клубе «Эскейп» я встретила дедушку. — Разумеется, она не стала шептать. Говорила нормально. Голос ее при этом звучал ровно, но не безжизненно. Вполне себе живой голос, выразительный, к слову сказать, и сильный, но не в этом дело.

— Дедушка-волк? — спросил Трис, отлично помнивший ту историю, которую рассказал Габи их домашний Источник.

— Именно, — подтвердила Габи. — Я его сразу узнала, но не спрашивай меня, как именно я это сделала. Просто почувствовала его присутствие, посмотрела, встретила с ним взглядом и «узнала».

— Я так понимаю, что обошлось без драки... — кивнул Трис.

— Да, — подтвердила Габи, позволив себе наконец нечто вроде тени улыбки. — Филипп д'Аренберг, 9-й граф д'Арсхот был более чем благожелателен, тем более, что я его смогла удивить и, пожалуй, даже озадачить. Сказал, дескать, я несомненная полукровка, но при этом владею силой, которой могут обладать только представители их народа. Разделенные Джа, если помнишь. Он утверждает, что сила этих самых разделенных присуща только им, избранным. Но я при этом, определенно не волк, и уж, тем более, не являюсь

Источником. В общем я его заинтересовала и заинтриговала самим фактом своего существования, и он предложил познакомиться ближе. Пригласил меня в гости.

Рассказ был короткий. Каких-то жалких семь предложений средней длины, но их содержание тянуло на целый ученый фолиант. Такого рода информация, как та, что озвучила сейчас Габи, дорогого стоила, еще ценнее было свидетельство третьей стороны о том, что Габриэлла, в общем-то, не человек. Вернее, не совсем человек, даже если сравнивать ее с другими *homo magus*, которые тоже ведь не то, чтобы являлись обычными людьми, хотя и могут иметь с *homo vulgaris* общее потомство. Но это-то как раз не фокус. Детей от человеческих женщин имели многие боги, а также немалое число полумифических существ. Полубог, Геракл, например, и прочие сатиры, и минотавры. Рождались такие полукровки и у волков, о чем имелось целых три свидетельства: Жемчужной женщины, Золотого мужчины, и вот теперь свидетельство Сковьи — родного нечеловеческого дедушки его собственной сестры.

— Пойдешь? — спросил он Габи, хотя и подозревал, что знает ответ.

— Обязательно, — как о чем-то само собой разумеющемся ответила женщина. — Вдруг еще чего расскажет.

— Думаешь, объяснит тебе, как управляться с этой силой? — озвучил Трис самый очевидный мотив, не исключая при этом возможности того, что это всего лишь сиротский синдром. Надежда найти кровного родственника.

— Всего понемногу... — неопределенно ответила Габи, подтверждая этим его подозрения.

— Ладно, тогда, — согласился Трис, разом закрыв щекотливый вопрос с ее мотивами.

— Разреши полюбопытствовать, — спросил он через пару мгновений, раз уж она все равно сидит в его кабинете, так отчего бы не спросить? — Что ты думаешь о Гийоме де Сентонже?

— Симпатичный мужчина, — усмехнулась в ответ Габи. — Нет, Трис, вру. Он красавец, и, пожалуй, он мне нравится, как мужчина. С ним действительно не стыдно выйти в люди, и в постели он... Ты уж извини за такую подробность, но в постели он хоть куда. В общем, я сходила с ним на свидание, переспала, и между тем и этим сделала предложение, от которого в его положении крайне трудно отказаться. Дала сутки на размышление. Он подумал, оценил перспективы и согласился стать моим советником при обязательном условии, что это не синекура. Требование любопытное, и определенно свидетельствует в его пользу. Жить в палатце он тоже отказался, но от отношений со мной — нет. В любви не клялся, денег не просил, но мы и знакомы-то с ним всего-ничего. Может быть, еще скажет какую-нибудь глупость и попросит чего-нибудь эдакого. Поживем — увидим.

— Неплохо, — подвел итог Трис. — Но мне хотелось бы, Габи, все-таки услышать твой прогноз.

— Прогноз? — якобы задумалась Габи. — Что ж, вот мой прогноз. Денег не попросит, подачек не примет, в любви, возможно, объяснится, но не сейчас, а где-нибудь через полгода, да и то, только если почувствует, что это то, что я хочу от него услышать. Ну или, если, и в самом деле влюбится, во что я, конечно же, не верю. Деньги будет брать только с ясным обоснованием, во всяком случае, пока наши отношения не обретут, — если конечно обретут, — устойчивую форму. А так только по делу: костюмы, запонки и вся прочая мишура, чтобы соответствовать, если начнем вместе выходить в свет. Представительские расходы, подходящие по статусу квартиры и авто.

— Будет верен? — уточнил Трис.

— Думаю, что будет, но не из страха, а из уважения. Прежде всего, к самому себе. И, разумеется, не предаст. Не его стиль. Если возникнет конфликт, уйдет, но не к конкурентам. При этом истерики по мелочам устраивать не будет, зато будет учитывать мой статус и мое положение в клане. Возможно, это тот, кто мне нужен. Может быть, когда-нибудь я захочу за него замуж, чтобы родить законных детей. Посмотрим. Время покажет.

— На свидание ходили в «Эскейп»?

— Да.

— Он видел твоего деда?

— Видел, — кивнула Габи. — Но там все чисто, Трис. Можешь не беспокоиться. Я представила Сковью, как дальнего родственника и приятеля моего деда, того, который д'Астарак из Гаскони. Сказала, что лично с ним незнакома, но видела его на семейных фотографиях.

— Что ж, рад, что у тебя все нормально.

Трис не лукавил, он лучше многих других понимал, что секс нужен не только мужчинам, но и женщинам. И, если уж у него образовалась такая вот самодостаточная сестра-боевой маг, ее потребности он должен воспринимать точно так же, как если бы речь шла о мужчине. Возможно, в этом мнении содержался отголосок той, другой жизни, о которой он не помнил ничего определенного, хотя и знал, что люди там живут совсем по другим законам и руководствуются другими принципами.

В целом, он остался доволен разговором с сестрой. Она, как, впрочем, и всегда в последние месяцы показалась ему разумным и в меру осторожным человеком, что при ее довольно непростых обстоятельствах и той огромной силе, которой она теперь обладала, было более чем хорошо. Неплохим знаком было и то, что она держала себя в руках, не скатившись ни в истерику, ни в депрессию, и даже думала о лучшем будущем. Планировала его, выстраивала порядок предпочтений и, что не менее важно, думала о себе, прежде всего, как о человеке, молодой женщине и аристократке, а не как о «темном охотнике», чудовище или существе иного порядка — полубогине, волке или еще ком-то в том же роде.

Разговор с Габи напомнил ему так же о его обязательствах перед ней, перед Марией и перед принцессой. Поэтому, едва за сестрой закрылась дверь его кабинета, он связался с Серафиной. Группа клановых целителей под ее руководством разбиралась сейчас в том, что и как можно сделать, чтобы подавить или хотя бы замедлить развитие «боевого тела» Габриэллы, а значит и ее превращения в «темного охотника». Успехов, однако, было мало. Вернее, их не было пока вовсе. Кругом одни тупики и ни одного даже самого малого просвета.

«Значит, пора признать, без меня им эту проблему не решить». — В принципе, он знал это с самого начала, но будучи вечно загружен множеством важных, очень важных и попросту неотложных дел, надеялся, что разрешить проблему удастся и без его участия. Однако надежды не оправдались, и, значит, как только удастся разрешить нынешний кризис, вызванный действиями «господина Икс», придется ему переложить часть управленческих усилий на других членов клана, — на ту же Габи, к слову сказать, — и самому приступить к исследованиям. Сам он видел три возможности, которыми он располагал, но все еще не использовал. Во-первых, это была его собственная память, вернее, оставленная ему в наследство память его «великого отца». Особенностью этого «хранилища» являлось то, что, если знания, относящиеся к центральным разделам магии, актуализировались с

необыкновенной легкостью, многие другие темы, в особенности, периферийные с точки зрения их «утилитарной пользы», находились в некоем запустении. Они были задвинуты в самые дальние и темные уголки его памяти и практически не связаны с тем главным, с чем Трису приходилось иметь дело день за днем. Соответственно, и найти что-нибудь определенное в этих заброшенных и забытых за ненадобностью хранилищах, было крайне сложно. Трудно, но не невозможно. Надо было только проявить настойчивость и посвятить поискам достаточно своего времени. Неплохим вариантом было так же покопаться в научном архиве Августа Мишильера и в его личной библиотеке. Там ведь находились не только редкие книги, интересные сами по себе. Во многих книгах создатель Триса оставил свои рукописные заметки, и вот они-то могли оказаться куда ценнее самих книг. И, если уж, вспоминать об архивах и библиотеках, то таковые есть не только у Мишильеров, и богатейшее собрание из всех находится в императорском дворце.

Разумеется, чтобы добраться до императорского научного архива, Трису и Габи придется раскрыть перед Эвой Сабинией суть проблемы: огромную магическую мощь, хозяйкой которой Габи оказалась сразу вдруг. Раскрывать причины такого невероятного взлета они не обязаны, — тут всегда можно сослаться на тайны рода или на то, что просто не знают, — но вот о формировании «боевого тела» темного охотника рассказать придется. И тогда все будет зависеть от того, насколько на самом деле крепка дружба принцессы. Если это настоящая искренняя дружба, а не каприз избалованной дочери монарха, она поможет. Если же нет, Габи придется покинуть высший свет, в особенности, если принцесса не умеет держать рот на замке.

Так что, все дела побоку. Сейчас главное — найти анонимного врага и разрешить проблему Габриэллы. Все остальное потом, но вот собственную невесту, да еще такую, как Мария Перигорская, «на потом» не отложишь. Слово дано, слово надо держать...

[1] Реприманд — в данном случае, неожиданность, неожиданный оборот дела.

2. Габи

Сказать по правде, Габи чувствовала себя перед Эвой Сабинией крайне неловко. Принцесса раз за разом демонстрировала ей свою искреннюю дружбу, а, возможно, и любовь. Последнее, разумеется, не твердо, поскольку секс — это не всегда отношения, но, — помилуй нас Эрос, — временами поведение Эвы Сабинии больше походило на *«рассудочную любовь с холодком»*, чем просто на *«горячую дружбу»*. Поэтому и дальше скрывать от нее появление Гийома становилось просто неприлично, и Габи решила, что настало время объясниться. Конечно, ей вроде бы, был выдан карт-бланш на «отношения» с мужчинами, но то, что кажется нормальным в теории, не всегда оказывается таковым на практике. И все же, разговор на эту тему, хоть и представлялся Габи трудным, был ничто по сравнению с другой тайной, которую Габи была вынуждена хранить от подруги.

На самом деле, тайн у Габи было много, и некоторые из них не подлежали оглашению и обсуждению нигде и никогда. Было очевидно, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не раскроет принцессе, — и, вообще, никому другому, — тайну своего происхождения. Однако были у Габи два секрета, которыми, — пусть не сейчас, но когда-то в обозримом будущем, — ей придется поделиться с Эвой Сабинией. И вот это, по всей видимости, будет по-настоящему неприятный разговор. Что скажет принцесса, когда узнает какой невероятной силой владеет ее подруга на самом деле? Что подумает, когда выяснится, что ее подруга и любовница медленно, но верно превращается в лютое чудовище? И это, не считая таких мелочей, как ментальная защита и прочее в том же духе.

Обо всем этом Габи думала, направляясь во дворец этим утром. Однако, как часто бывает в жизни, планам ее не суждено было сбыться, поскольку первый ход сделала именно Эва Сабиния, и это был, следует признаться, неожиданный ход. Одна из тех ситуаций, про которые говорят «сюрприз удался». Не успела Габи зайти на женскую половину, — она шла в направлении Китайской гостиной, где заседал сегодня женский клуб, — как перехвативший ее в коридоре помощник мажордома предложил ей следовать в кабинет принцессы. Приглашение было более чем странным. Если уж Эве Сабинии так приспичило «шепнуть» подруге на ушко пару слов или пообжиматься накоротке, то зачем идти для этого в кабинет? Тем более, в то самое время, когда во дворце гости, и посиделки явно предполагают участие, как минимум, принцессы, а, как максимум, Габриэллы, Анаис и Марии. Из них троих в гостиной сейчас, — если судить по великолепному бельканто «Цикады империи», — находилась только Анаис. Мария еще с утра послала во дворец записку, что сегодня воздержится от посещений, ну а Э клана Мишильер шла сейчас по коридорам дворца, направляясь в рабочий кабинет принцессы, в котором и была-то за все время их знакомства всего один или два раза.

К слову сказать, кабинет у принцессы был на редкость удобный, не говоря уже о том, что красивый. Все очень современно, — в стиле модерн, — и заточено под эффективную работу, но и для отдыха предусмотрен специальный уголок. Ну, или для более интимного формата беседы. Все-таки, если собеседники сидят в удобных креслах, расположенных по обе стороны крошечного кофейного столика, это создает свою особую доверительную атмосферу. А стол к ее приходу уже накрыли, и вместо традиционного чая Эва Сабиния предложила сегодня кофе.

«Выглядит опасно, — отметила Габи, расцеловавшись с хозяйкой и усаживаясь после этого в свое кресло. — Наверное, кто-то успел настучать про Гийома».

Разумеется, это было не смертельно, но неприятно. Габи предпочла бы рассказать о своем любовнике сама, но сделанного не воротишь, — «Вчера надо было наведаться во дворец», — и Габи приготовилась к выволочке. Однако то, что последовало за тем, как слуги удалились и они остались вдвоем, оказалось совсем не тем, чего она опасалась.

— Хочу поговорить с тобой начистоту, — сказала Эва Сабиния, закурив. — Расскажу тебе кое-что, чего ты не знаешь, и сама спрошу о том, что мне следует знать. Ну а потом будет у нас еще одна тема, но это пока не к спеху.

— И вот еще что, — добавила, выпустив дым затяжки. — Мой кабинет защищен от любого прослушивания, и все, что здесь будет сказано, останется строго между нами, между тобой и мной, кто бы из нас, что ни сказал.

— Звучит зловеще, — усмехнулась Габи и тоже потянулась за сигаретами. — Ты отказываешь мне от дома?

— С чего бы вдруг?

— То есть, мы по-прежнему подруги? — на всякий случай уточнила Габи.

— Не говори глупостей! — отмахнулась принцесса.

— Ну, не скажи, — возразила Габи, полагавшая, что в такой ситуации никакое уточнение не будет лишним. — Вдруг ты узнаешь про меня что-то такое, что тебе не слишком понравится? Или наоборот, ты скажешь что-то, что заденет меня...

— Если честно, — улыбнулась Эва Сабиния, — я и так знаю про тебя пару вещей, которые мне не по душе, но рвать с тобой из-за этого не собираюсь. Надеюсь, это взаимно, но обсудить все равно стоит. Поэтому мы беседуем здесь, а не там, — кивнула она на дверь, имея в виду другие помещения дворца.

— Преамбула понятна, — чуть кивнула Габи, — и принята, как есть: от и до. Я вся внимание.

— Что ж, тогда по порядку, — «подала основное блюда» Эва Сабиния. — Ты ведь знаешь, что я Грандмейстер стихии Земли?

Габи знала, ей сказал об этом брат, но даже он смог понять лишь то, что принцесса владеет уникальным Даром *Вита Магнификата*. Дар жизни, но ни того, в чем он конкретно выражается, ни того, насколько он сбалансирован, Трис сказать не мог.

— Знаю, — не стала Габи оспаривать очевидное. — Еще знаю, что ты владеешь Даром *Вита Магнификата*. Это все. Я даже не знаю, что это такое. Надо было, наверное, в книгах поискать, но было как-то не до того.

— Это твой брат увидел?

И что теперь делать? Вопрос задан, и принцесса ждет ответ, но говорить правду нельзя. Это секрет рода.

— Извини, Эва, но я не могу обсуждать главу клана. Даже с тобой.

— Вот и отлично! — неожиданно улыбнулась принцесса. — Ты сказала, что не знаешь, что такое *Вита Магнификата*, и немудрено. Это редкий Талант. Для того, чтобы он реализовался, нужен сильный Дар Земли, тесно переплетенный с Даром Воды и Воздуха. Не даже, если он реализуется, это почти всегда слабый Талант. Однако у меня он сильный, потому что мой Дар Земли чуть-чуть не дотягивает до тринадцатого ранга, а мои Вода и Воздух находятся в балансе: одиннадцатый ранг в обеих стихиях. Такое сочетание превратило меня в мага Жизни. Но я не целитель, для целительства мне не хватает стихии

Огня. Был бы у меня хотя бы шестой ранг, тогда да... Но нет. Канал не открыт вообще, потому что у меня есть доступ к Апейрону, а эта стихия не уживается с Огнем.

— Эва, — остановила подругу Габи, — зачем ты мне это рассказываешь? Этого же никто не должен знать!

Ее, и в самом деле, испугала откровенность принцессы, потому что за такими откровениями, по идее, должно следовать предложение, от которого она уже не сможет отказаться.

— Сейчас объясню. — Принцессу ее реплика не остановила, напротив, Эва Сабиния похоже, осталась ею довольна. — Я не ментальный маг, не телепат и не могу внушать другим свою волю. Но зато никто не может ни прочесть меня, ни внушить мне какую-нибудь идею. Только обычным путем... Меня тогда настроили против тебя две мои фрейлины. Уболтали, вот я и согласилась, как дура. Я вчера проверила, они обе не помнят, с чего вообще решили, что ты не та, за кого себя выдаешь, и откуда узнали про этих двух идиотов.

— Спасибо! — Моментально отреагировала Габи. — Мне неудобно было спрашивать, все-таки подруги... Но было обидно.

— Прости! — очень по-свойски улыбнулась Эва Сабиния. — Уверю тебя, когда мы закончим, ты поймешь, что я о тебе думаю на самом деле.

— Да я и не сомневалась, собственно... — Деликатно сдала назад Габи.

— Знаю, что ты не злопамятная, — уже откровенно рассмеялась принцесса. — Но давай все-таки вернемся ко мне. Я вижу магию, Габи. У твоего брата сила такая, что ее даже не оценить. И еще он гений, его мозг великолепен... Маги жизни видят то, чего не видит больше никто. Ты тоже умная. Не такая, как твой брат, но умнее большинства людей, которые нас окружают. И ты единственная, насколько я знаю, у кого так стремительно растет сила. Совсем недавно у тебя был одиннадцатый ранг в стихии Огня, а сейчас выше пятнадцатого в стихии Воздуха, тринадцатый — Огня и десятый — Воды и Земли. Таких сильных магов в империи всего полтора десятка, включая моего отца, меня и твоего брата. Это честь для меня, что ты... А кстати, мы все еще подруги или уже любовницы? — на полном серьезе спросила Эва Сабиния.

— Это зависит от того, как ты относишься к тому, что хотела со мной обсудить. — Это была чистой воды импровизация, но Габи предположила, что принцесса уже знает о Гийоме, и не ошиблась.

— Ты о графе Сентонж?

— О нем, — подтвердила Габи.

— Тогда, я хочу услышать от тебя все, что ты готова мне сказать, — абсолютно спокойно предложила принцесса.

— Мне нужен мужчина, — чуть пожала плечами Габи. — Впрочем, это не новость. Мы об этом, если помнишь, уже говорили. Гийом хорош в постели и с ним не стыдно выйти в свет. Это не любовь, если быть честной не только перед тобой, но и перед собой. Не любовь. Но он мне симпатичен, и, если все и дальше будет развиваться так, как идут дела сейчас, я, пожалуй, вышла бы за него замуж, чтобы родить от него законных детей. Он знатен, но не настолько, чтобы не войти в мою семью. Тем более, он беден, знаешь ли. Но, как отец моих детей, он был бы неплох. Красив и Дар у него есть...

— Ты же понимаешь, — решила она все же объяснить Эве Сабинии свои непростые обстоятельства, — я должна родить для клана не менее трех детей, и хотя бы одного мальчика. Иначе род умрет вместе со мной и Трисом. Кстати у Марии точно такая же

судьба: родить наследников. Но Трис может хотя бы завести любовницу или двух. Да хоть десять любовниц. Признает бастардов и вся недолга. А нам с Марией придется рожать самим.

— Мне тоже, — кивнула Эва Сабиния. — И не думай, что я не понимаю. Но мне над было услышать тебя, чтобы понять, в каких отношениях мы с тобой находимся. И вот, что я тебе скажу. Если все так, как ты обрисовала, то это даже хорошо. Мы будем любовницами, но нам друг от друга детей не завести. Ну и, вообще, раз тебе нужен мужчина, то пусть он у тебя будет. Я про это уже думала и решила, что такое положение дел для меня приемлемо. А для тебя?

— Для меня тем более! — призналась Габи, на самом деле, опасавшаяся худшего. — И чтобы больше к этой теме не возвращаться, я тебя к твоему мужчине тоже ревновать не стану.

— И правильно сделаешь, — поморщилась принцесса, — потому что мне, в отличие от тебя, мужчина нужен только для размножения. Мне ведь тоже надо будет родить трех-четырёх детей, да еще и усыновить кого-нибудь, пока маленькие. Иначе так из кризиса никогда не выйдем. Стране нужна твердая власть с императором и гарантированными наследниками.

Что ж, намерения принцессы не изменились, и, хотя Габи не верила, что все будет так просто, для начала это было лучше, чем ничего. Ссорится с Эвой Сабинией она не хотела не только потому что речь шла о принцессе-наследнице. Эва ей нравилась, и сама по себе. О любви речь, разумеется, не шла. Во-первых, потому что Габи не была законченной лесбиянкой, какой, судя по всему, была сама принцесса. А, во-вторых, потому что ее темперамент, судя по всему, не предусматривал настолько сильного напряжения чувств. Впрочем, Габи допускала возможность, что она просто еще не встретила того, кто сможет по-настоящему зажечь ее сердце.

— Значит, ты не отказываешь мне от дома? — криво усмехнулась Габи, почувствовав, что сейчас самое время для ее реплики. — Коньяк будешь?

На столе кроме фарфорового кофейного сервиза и серебряного кофейника, установленного на спиртовке, находился графинчик с жидкостью характерного типа и два sniffтера[1]. Кофе ей пока не хотелось, но вот коньяка она бы выпила.

— От дома не отказываю, — ответила между тем принцесса на ее вопрос. — Коньяка налей, будь любезна. И не сочти за труд, *дорогая*, разлей, пожалуйста, кофе.

Вообще-то, быть виночерпием будущей императрицы не зазорно. Тем более, что это была просьба, а не повеление. И обращение, брошенное вроде бы в шутку, показалось ей вполне уместным.

— Могу я задать вопрос? — спросила Габи, разливая коньяк.

— С ума сошла? — подняла бровь Эва Сабиния.

— Возможно...

— Спрашивай!

— Ты ведь видишь мои щиты? — спросила Габи, оставив графин в сторону и принимаясь за кофейник. — Ты видишь мою магию сквозь щиты?

— Плохо, но вижу, — подтвердила принцесса. — Не спрашиваю тебя, кто обучил тебя такому чуду, но я пока таких мощных блоков ни у кого не видела и даже не знала, что такое возможно. Впечатляет! Давай выпьем, и я скажу тебе одну крайне неприятную вещь.

— Без коньяка никак? — поинтересовалась Габи, возвращая кофейник на место и

поднимая взгляд на любовницу.

— Давай все-таки выпьем! — попросила Эва Сабиния.

— Как скажешь, — пожала плечами Габи. — Я не против. Под тост или ну его?

— Ну его, — усмехнулась в ответ принцесса и сделала пару довольно-таки больших глотков.

Габи тоже выпила. Но пила медленно, смакуя вкус и аромат практически божественного напитка, достоинства которого научилась ценить совсем недавно.

— Переходим к неприятностям, — предложила Габи, покончив с коньяком.

— Боевое тело, — сказала Эва Сабиния, остро посмотрев Габи в глаза. — Тебе знаком такой термин?

«Значит, вот о чем пойдет речь, — поняла Габи. — В принципе, не странно. Ее ведь учат с раннего детства, и она знает многое о том, о чем я даже не догадываюсь...»

— Третья фаза, — сказала она вслух. — Знаешь, о чем говорю?

Эва Сабиния умела держать себя в руках, не всегда, и совсем не так, как это делала Габи, но, в целом, очень хорошо. Но сейчас... Увидев, что происходит с принцессой, Габи встала, подошла к ней, достала из кресла, как ребенка, хотя Эва Сабиния была довольно крупной девушкой, — что называется, девушкой в теле, — прижала к груди и поцеловала в макушку.

— Не надо меня хоронить, — сказала она. — Я все еще жива, и значит у меня есть надежда.

— Тристан знает? — спросила тогда принцесса, продолжая прижиматься к Габи и не поднимая на нее взгляда. — Хотя зачем я спрашиваю. Конечно же знает.

— Тристан говорит, что в свое время наш отец каким-то образом защитил его от превращения в темного охотника, — решила Габи. — К сожалению, он не знает, как. Но факт, что это возможно. Он будет искать решение. Мы ведь сможем воспользоваться вашей библиотекой и архивом?

— И ты еще спрашиваешь?! — возмутилась Эва Сабиния, поднимая к Габи лицо. — Все, что захочешь! Все, что сочтешь возможным! У меня есть несколько лично преданных мне целителей. Если понадобится их помощь...

— Спасибо! — Габи наклонилась и поцеловала принцессу в губы.

Это показалось ей уместным, и правильным. И, по-видимому, Эва Сабиния тоже посчитала ее жест необходимым и достаточным. Она приняла поцелуй, но не позволила себе пойти дальше, чем было возможно в этот день и в этот час в ходе, возможно, самого важного разговора в ее жизни. Во всяком случае, так поняла это Габи, когда, разорвав поцелуй буквально там, где пресекалось дыхание, принцесса отстранилась от нее и сказала, преодолевая бурное дыхание едва не задохнувшейся женщины:

— Спасибо, Габи. Мне это было необходимо. Но сейчас о другом.

Она отошла к своему креслу и продолжила, оставаясь на ногах:

— Ты можешь быть уверена, я стану бороться за тебя до последней возможности.

«Что ж, — поняла Габи, услышав эти слова, — это похоже на клятву, и будь я проклята, если не сделаю для Эвы Сабинии того же, что она готова сделать для меня!»

— Я знаю, — сказала она вслух. — Я верю тебе, Эва. И хочу, чтобы ты знала, я горда твоим выбором и сделаю для тебя все, что потребуешь! И, вообще, все!

Прозвучало несколько высокопарно и порядком мелодраматично, но интуиция подсказывала: сейчас это были именно те слова, которые она должна была сказать своей

неожиданной подруге и любовнице.

— Я никогда ничего тебе не прикажу, — отрицательно покачала головой принцесса. — Но, возможно, попрошу. Однако об этом позже. Есть еще кое-что. Я хочу сказать тебе, Габи, что мои люди раскопали кое-что на вашу семью. Ничего криминального. Просто факт, что твой отец очень любил тайны и кое-где сам себя перехитрил, оставив торчащими концы нитей правды. Не знаю, что он там делал, чтобы признать тебя и твоего брата законными наследниками и знать не хочу. Я приказала не продолжать расследование и уничтожить все, что удалось найти. Хочу, чтобы ты это знала и передала Тристану. Я не собиралась и не буду вас этим шантажировать. Да и нечем уже, потому что все уже уничтожено. Я люблю тебя и уважаю твоего брата такими, какие вы есть. И это все. Но вам стоит знать об этом, потому что кто-то другой тоже может что-нибудь найти...

— Меня в это никогда не посвящали, — почти честно ответила Габи на незаданный вопрос. — Но я благодарна тебе за заботу и конечно же передам брату. Если есть что-то, что может бросить тень на нашу семью, это должно быть уничтожено.

— Я рада, что ты поняла меня правильно, — кивнула принцесса и наконец вернулась в кресло, позволив и Габи занять свое место по другую сторону стола.

— Полагаю, мы объяснились, — сказала затем Эва Сабиния, выпив перед этим остывший кофе из своей чашки. — Тебя не затруднит налить нам еще коньяка?

— Разумеется, нет. — Габи взяла графинчик и вновь наполнила бокалы. — Я так понимаю, сейчас я услышу нечто сенсационное.

— Ну, если тебе недостаточно того, что уже прозвучало, — через силу улыбнулась принцесса.

— Ничего, — «отмахнулась» Габи, — у меня крепкий желудок.

Однако разговор пришлось прервать. Принцессу неожиданно вызвали к отцу.

— Мы поговорим позже, — сказала она, провожая Габи до дверей. — Этот разговор все равно должен состояться, но без спешки. Еще увидимся!

[1] Обычно коньяк подают в бокале типа «снифтер» — пузатом, резко сужающемся кверху. Бокал такой формы удобно держать в руке, слегка подогревая напиток.

3. Зандер

Его нынешние обстоятельства складывались таким образом, что откладывать этот разговор становилось попросту глупо. Однако прежде чем идти к отцу и матери, Зандер решил объясниться с Анаис. События последнего времени наглядно продемонстрировали ему всю иллюзорность его прежних представлений о мире. Жизнь оказалась куда сложнее, чем мог вообразить себе узник башни из слоновой кости. После покушения и после того, как он узнал, кто именно за этим стоял, Зандер пришел к мысли, что с его стороны оставить все, как есть, означало бы проявить неблагоразумие, граничащее с идиотизмом. Наука — чудесный новый мир, но, увы, никто не свободен от старого доброго мира, в котором живет ученый. Служить Ее Величеству Натурфилософии конечно же почетно, приятно и интересно, но беззащитность перед лицом врага превращает тебя в легкую мишень. А все, потому что невозможно усидеть на двух стульях. Нельзя быть доктором фон Берлингом, одновременно являясь князем Трентским. Доктора философии никто в здравом уме убивать не станет, — во всяком случае, не за то, кем он является, — а вот фигуру князя, не имеющего по случаю ни семьи, ни наследников, убрать с имперской шахматной доски захотят многие. Однако будь Зандер настоящим аристократом, он бы вырос с пониманием всех тех опасностей, которые ему могут угрожать, и был бы готов к отражению любой атаки. Это тоже, разумеется, не является гарантией выживания, но у того, кто готов к битве, шансов сохранить голову на плечах гораздо больше, чем у того, кто не обучен боевой магии и не окружен соответствующей его статусу охраной. Но в том-то и беда, что, являясь князем Трентским, Зандер жил, как доктор фон Берлинг. И сейчас, когда он осознал наконец, какая с ним приключилась глупость, — вернее, какие опасные глупости он совершил, приняв участие в Турнире, — Зандер видел только один выход из положения. Срочно жениться и завести детей, потому что, где появился один завистливый мерзавец, может появиться и другой. Поэтому жениться следовало не на ком угодно, а на такой женщине, которая и сама знает, что такое быть объектом ненависти и зависти. И такая женщина у него была, и, более того, она ему, по крайней мере, нравилась именно как женщина, да и он ей, похоже, тоже был не безразличен. Поэтому сразу после достаточно поспешной помолвки тана Мишильера и герцогини Перигор, состоялся не менее судьбоносный разговор между Зандером и Анаис.

Разумеется, это только так говорится для красного словца, что «сразу после», потому что, на самом деле, между тем и этим расположились затянувшееся на весь вечер праздничное застолье в палатке Коро и ночь любви в принадлежащем Анаис д'Антиньи дворце Бельвю, построенном еще лет триста назад на берегу озера Ле-Парк-Л'Эльвити. Вот там, в роскошном поздне-ренессансном дворце, подаренном младшей сонаследнице короны герцогов Брабантских ее отцом герцогом Брабанта Антуаном VIII, и состоялся тот разговор о необходимости которого Зандер думал все последние дни. Они с Анаис проснулись довольно поздно. Еще какое-то время потратили на то, чтобы «*дополнить неполное до целого*», что в их случае означало любиться в золотом сиянии солнечного света, льющегося в спальню через тройное флорентийское окно[1]. Затем неспешно привели себя в порядок и позавтракали, и вот только после этого Зандер заговорил о главном.

— Натье[2], - сказал он, — мне кажется, что настало время определиться с нашими истинными намерениями.

— Ты меня бросаешь? — удивленно подняла Анаис свою тонкую изящного рисунка бровь.

— Напротив, — улыбнулся Зандер своей самой «пленительной» улыбкой. — Я предлагаю тебе выйти за меня замуж. Но прежде чем сделать тебе официальное предложение, я хотел убедиться, что правильно тебя понимаю. Было бы неловко прилюдно попросить то, что ты не готова мне отдать.

— Витиевато, — покачала она головой. — А что, собственно, я тебе еще не отдала? Кажется, ты был уже везде, где хотел.

— Я имел в виду руку и сердце.

— Ах, вот оно что! — «коварно» улыбнулась принцесса Брабантского дома. — Ну так бы сразу и сказал. А то «я бы», «хотел бы», «прежде чем». Разве так надо приглашать замуж?

— Но именно это я тебе только что сказал, — возразил Зандер, не отпуская улыбки. — Впрочем, могу повторить. Выходи за меня замуж.

— Ладно, милый, — состроила Анаис некую «нечитаемую» гримасу, — так и быть, не стану тебя мучить. Хочешь жениться — женись. С моей стороны отказа не будет.

— А со стороны герцога Брабантского и твоей старшей сестры? — решил все-таки уточнить Зандер.

— Сказать по правде, в нашу последнюю по времени встречу, а я летала домой на самолете две недели назад, я задала им этот вопрос.

— Чисто теоретически, — добавила, усмехнувшись какой-то неочевидной мысли. — Выяснилось, что ты хорошая партия, и они не возражают.

— Кто входит в чью фамилию? — задал тогда Зандер еще один животрепещущий вопрос.

— Я в твою, — не задумываясь ответила Анаис. — Сестра и отец этому настолько рады, что, вздохнув с облегчением, отдают мне в приданное сеньории де Бокер и де Шод-Зэг, баронства д'Антиньи, Потье и Жевр, а также графство дю Мэн. Ну, и денег сколько-то. Миллиона полтора золотых империялов, я полагаю. Так что бедствовать не будем.

Что тут скажешь? Титул у него был не из последних, но презренного метала было явно недостаточно. И заработать таких денег, какие потребуются для содержания женщины подобной Анаис, он не мог, даже если бы работал сутки напролет. Хорошее приданное легко решало эту проблему, и стоит сказать, что он не будет ни первым, ни последним среди тех, кто принимает финансовую сторону брака всерьез.

— То есть, ты согласна? — Задал он необязательный вопрос.

— То есть ты не передумал? — Усмехнулась она в ответ.

— Я не передумал.

— Тогда, я согласна. Когда объявим?

— Первого января в праздник Юноны я сделаю тебе официальное предложение во время бала в императорском дворце. А шестнадцатого в день Конкордии можем провести обручение в ее храме[3].

— Ты должен сегодня же объявить о выходе из Турнира!

И в самом деле, Турнир был приостановлен, но не отменен. Число соискателей руки и сердца Эвы Сабинии сократилось, но в списке претендентов все еще числилось около дюжины не самых последних в империи мужчин. Зандер был в их числе, но, разумеется, никаких планов относительно принцессы больше не строил. У него, если честно, имелась теперь своя собственная принцесса.

— Я объявлю об этом сегодня же, — кивнул он. — Возможно, вечером будет возможность увидеться с принцессой...

— Ну, разумеется, дорогой! — перебила его Анаис. — В девять вечера меня ждут во дворце. Пойдем вместе.

— Отлично! — резюмировал Зандер. — И, если позволишь, у меня есть еще два деликатных вопроса.

— Задавай! — прищурилась женщина. Трудно сказать, чего она ожидала, но, судя по ее реакции, совсем не того, о чем спросил Зандер.

— У нас могут быть дети? — спросил он.

— Любопытно, что ты спросил об этом только сейчас, — покачала головой Анаис. — Могут и будут. Дюжину не обещаю, мне еще жить хочется, но двух-трех обязательно рожу.

— Тогда, второй вопрос, — спросил Зандер. — Нельзя ли выписать из Брабанта хотя бы дюжину бойцов для создания нашей службы безопасности и дружины? Хотя бы для начала...

— Завтра мы идем в гости к твоим родителям, — безапелляционно заявила Анаис в ответ, — а послезавтра летим в Антверпен — к моим. Оттуда вернемся уже с полным штатом службы безопасности. Позаимствую у отца...

***

До Замкового бульвара Зандер доехал на такси, однако последний отрезок пути прошел пешком. Шел неторопливо по широкой липовой аллее, протянувшейся на добрые полторы мили, а слева и справа от него — отделенные от старых деревьев бульвара — проезжей частью, стояли городские замки имперской знати. И одним из них был его отчий дом — палаццо Ноэн, принадлежавшее его отцу герцогу. В этом доме Зандер родился и вырос, но сейчас, как ни пытался, так и не смог вспомнить о нем что-нибудь хорошее. Большой, сложноустроенный городской замок. Темные холодные коридоры и лестницы, древняя роскошь, портреты великих предков и полное отсутствие домашнего тепла. Правила и ритуалы вместо любви и заботы, заветы старины вместо свободы воли. Еще недавно он без каких-либо сожалений, — и даже с определенным облегчением, — забыл бы и об этом доме, который не дом, и об этой семье, которая ему не семья. Однако новые обстоятельства требовали от Зандера соблюдать приличия, и, значит, герцоги Ноэн не имели права уйти в забвение. Князь Трентский, женатый на баронессе д'Антиньи, обязан иметь семью. Друг герцога Перигор-Мишильера и принцессы Эвы Сабинии должен иметь корни, глубоко уходящие в недра истории франков. Теперь ему было не отделаться от своей как бы семьи во веки веков. Такова была плата за успех. И сейчас он шел к отцу и матери, чтобы объяснить с ними и прийти к некоему консенсусу, к соглашению, которое устроит обе стороны. В их кругу сор из избы выносить не принято, обычно его заматают под ковер и забывают навсегда. Это, собственно, Зандеру и предстояло сделать. Поэтому еще накануне Зандер послал отцу записку с просьбой о встрече. Причину не указал, но зато попросил, чтобы вся семья, если это возможно, была в сборе. Конечно, старый герцог мог взбрыкнуть и отказать от дома или еще как, но, по-видимому, не теперь, когда Зандер стал частым гостем в императорском дворце и, как минимум, в полудюжине самых известных домов столицы. Герцогиня Бофор, Анаис д'Антиньи, тан Мишильер и его знаменитая сестра, кто только не привечал ныне князя Трентского. Так что в такой необременительной просьбе, — к тому же единственной на памяти всех членов герцогской семьи, — отказать ему, по идее, не должны, даже если захотели бы. Не те обстоятельства, не тот случай.

Впрочем, предполагать, не означает — знать наверняка. Могло, разумеется, повернуться и так, и эдак. Однако, на удачу Зандера, анализ ситуации оказался верным, и расчеты оправдались. Его ждали и приняли в одной из частных гостиных южного крыла. Стены, обитые набивным шелком, картины старых мастеров и позолоченная бронза дверных ручек, оконных шпингалетов и электрических бра. Тяжеловесная мебель из темного резного дерева и наощенный наборный паркет. Все в стиле старых франкских семей, даже, если захочешь, придраться не к чему. Ну, и мизансцена, выстроенная в лучших традициях семейных драм. Герцог сидит в покойном кресле, герцогиня застыла слева от него, а старший сын — позади кресла, почти за спиной, но скорее все-таки за правым плечом. Виктуар же и сестры стояли отдельной группой у дальней двери, готовые, если будет нужно, тут же покинуть сцену.

Зандер зашел в открытые лакеем двустворчатые двери, оглядел присутствующих и, сделав пару шагов навстречу, остановился прямо напротив отца. Что называется, лицом к лицу.

— Я пришел говорить и договариваться, — сказал негромко после короткой, но выразительной паузы. — Так что можете расслабиться: скандала не будет.

— Кто же тебя знает... — попробовал было выступить Валентин, но Зандер его быстро заткнул.

— Помолчи, пожалуйста! — попросил он, и, что любопытно, брат заткнулся.

— Теперь о деле, — сказал Зандер, снова изучив всю мизансцену, от и до. — Я женюсь. Завтра приду знакомить вас с невестой, и надеюсь, что обойдется без эксцессов. По мне так и вовсе не стоило бы приходить, — в этот момент он вспомнил поговорку о свиньях и бисере, — но политес должен быть соблюден. Апропо[4], моя невеста знает, кто организовывал на меня покушения. Принцесса Эва Сабиния тоже знает, так что, если Виктуар не уgomонится, вас всех просто вычеркнут. И, возможно, не только на бумаге.

— Да что ты мелешь! — не выдержал Виктуар, хотя все остальные были настолько потрясены словами Зандера, что не успели даже понять, что следует на это сказать и как ответить.

— Помолчи, убожество! — потребовал Зандер и снова посмотрел на отца. — Копию уголовного дела на вашего сына, герцог, доставят вам из Секретной Службы ближе к вечеру. Оправданий от вас не ждут, извинений тоже. Там все кристально ясно — ни прибавить, ни убавить, а что касается меня, мне ваши извинения попросту не интересны. И учти, Виктуар, — повернулся он к брату, — я отговорил ее императорское высочество принцессу Эву Сабинию от того, чтобы свернуть тебе в профилактических целях шею, не из жалости отговорил и не по доброте душевной. Мне просто не хочется омрачить свадьбу похоронами. Ты жив только поэтому, но, если сделаешь любой необдуманый шаг, тебя сотрет в порошок уже не принцесса, а моя будущая жена. Тебе все ясно?

— Я...

— Не надо, — снова остановил его Зандер. — Я же сказал, вам доставят копию следственного дела. Почитаешь вместе с родней, и, если найдешь, что возразить, возражай! Но лучше будет, мне кажется, промолчать. Чем меньше будешь отсвечивать, тем целее будешь!

— На ком ты женишься, сын? — герцог вступил в разговор как нельзя кстати. Почувствовал, верно, что ничего хорошего из пикировки Зандера и Виктуара не получится.

— Моя невеста — баронесса Анаис д'Антињи.

— Младшей сонаследница короны герцогов Брабантских? — едва ли не с ужасом

спросила мать.

— Цикада империи? — с восторженным придыханием вторила ей Элиза.

— Ответ на оба вопроса положительный, — усмехнулся Зандер. — Завтра, как я уже имел честь вам сказать, я хотел бы представить ее семье. Учить вас, как принимают такого рода гостей, полагаю не надо. Учтите, однако, что послезавтра мы летим с ней в Антверпен, и, думаю, вам следует учесть возможность сравнения...

— Не учи ученого, сын! — неожиданно улыбнулся отец. — Встретим в лучшем виде! И раз уж мы об этом заговорили, какое приданное за ней дают?

— Сеньории де Бокер и де Шод-Зэг, баронства д'Антиньи, Потье и Жевр, — перечислил Зандер по памяти, озвученные Анаис щедроты Брабантской короны, — а также графство дю Мэн. И полтора миллиона золотом.

— Щедро! — кивнула мать, а Валентин лишь молча открывал и закрывал рот, как какая-нибудь невезучая рыба, выброшенная волной на берег. — Думаю, что мы подарим твоей невесте топазовый гарнитур. Есть у нас в сокровищнице один подходящий именно для такой женщины, как Брабантская принцесса. Ею носила королева Польши Епифания, знаешь ли. Полная парюра[5] из пятнадцати предметов: червонное золото и крупные золотистые топазы в обрамлении бриллиантов.

Как ни далек был Зандер от мира ювелирных украшений, ценность подарка он оценил, еще даже его не увидев. И это был хороший знак. Раз дарят такой набор, значит примут по высшему разряду. И он, в принципе, не ошибся. В следующие пять минут все лишние, — то есть, Виктуар и сестры, — были из гостиной удалены, слуги внесли небольшой круглый стол, расставили вокруг него четыре удобных полукресла и накрыли на четыре куверта[6]. Следующие два часа прошли в неспешной беседе, — под хорошее вино из Савойи и подходящие легкие закуски, — в ходе которой стороны определились в характере своих взаимоотношений и выстроили планы на будущее. Среди прочего герцог брал на себя вполне определенные обязательства, как в отношении Виктуара, — который должен был уехать в провинцию и позволить забыть о себе, как о страшном сне, — так и в отношении поддержки Зандера в Высшем свете и прочих «жестов доброй воли». Единственная просьба, которую озвучила его мать, касалась сестер, которых *«хорошо было бы ввести в тот круг, в котором вращается дорогой сын»*. Зандер обещал, тем более, что было куда, — он сам внезапно и совершенно незаметно для себя вписался в целый ряд весьма престижных компаний, — но при этом твердо предупредил родителей, что в том обществе, куда он может ввести сестер, девственницами они надолго не останутся. А это, в свою очередь, накладывает на уважаемую герцогиню серьезные обязательства по половому воспитанию дочерей, чтобы и шлюхами не прослыли, но и дурами себя не выставили. Ну, и чтобы в подоле не принесли, что для магически одаренных девушек вообще нонсенс.

[1] Флорентийское окно — двойное или тройное окно с арочными завершениями, объединёнными одной большой аркой.

[2] Анаис аналог имени Анна. Но в голландском языке, — а речь идет о принцессе Брабантской, — одно из уменьшительно-ласкательных имен, образованных из имени Анна — это Натье.

[3] Конкордия — в древнеримской мифологии богиня согласия и покровительница супружества.

[4] Апропо — книжн. кстати, между прочим.

[5] Парюра — набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней,

по материалу или по единству художественного решения. Большая парюра (полная парюра) — может включать до 15 предметов (диадема, ожерелье, брошь, серьги, браслеты (часто парные), кольца, декоративный гребень, шпильки, фероньерки и т. д.), надевается в особо торжественных случаях.

[6] Куверт — термин, обозначающий полный набор предметов для одного человека на накрытом столе. В куверт входят столовые приборы (ножи, ложки, вилки), тарелки, бокалы, салфетка.

Глава 7. Габи: Декабрь 1939

Темные охотники не ведают страха. Это чувство у них атрофируется одним из первых. Об этом Габи узнала буквально накануне. Прочла тоненькую книжицу, изданную мизерным тиражом лет двести назад и давным-давно ставшую библиографической редкостью, и узнала кое-что новое про себя будущую, про ту Габриэллу Э'Мишильер, которая придет на смену нынешней. Ту, кто выдавит ее из этого тела, как зубную пасту из тюбика, и станет ею по имени, внешности и положению в обществе, вот только ее самой, той, которая читала вчера эту книжку, тогда уже не будет. Впрочем, до этого еще надо было дожить, и сейчас, идя в гости к своему родному дедушке, Габи трусила так, как еще ни разу в своей жизни. Ей было дико страшно, что бы там ни обещал ей Сковья. Он наверняка мог ее попросту убить. Родственные связи — слабая защита. Это даже у людей не слишком серьезный довод, тем более, у аристократов. Что уж говорить о волках, про которых Габи вообще ничего пока не знала. Тем не менее, она решила идти на эту встречу и пошла. И, глядя на нее, никто никогда не догадался бы, что она буквально умирает от страха. Это не смог бы сделать даже достаточно сильный эмпат. Внешне она была спокойна, и мощный ментальный щит скрывал ее мысли и чувства.

Она припарковала свою «пантеру»-«слезинку»[1] перед отелем и под восхищенными взорами оказавшихся поблизости мужчин, — некоторые женщины, впрочем, тоже пускали слюни, но уже не автомобиль, а на нее саму, — прошла в холл гостиницы, проследовала к лифтам и наконец вознеслась на седьмой этаж, считавшийся из-за открывавшегося из его окон вида супер-люксом. Вид был, и в самом деле, захватывающий: на крыши, шпили и купола старого города и на великолепный парк, окружавший императорский дворец. Старый город был преимущественно трех-четырёхэтажным, и даже верхушки храмовых куполов едва доставали до высокого шестого этажа отеля «Рекамье», так что седьмой этаж словно бы парил над городом. Красиво и недешево, но, по-видимому, 9-й граф д'Архот не был стеснен в средствах и позволял себе многое из того, о чем обычные франкские аристократы могли только мечтать.

Сразу около лифта Габи встретил мажордом графа и, поприветствовав с полным титулованием, препроводил гостью в небольшую гостиную, где ее уже ожидал Сковья.

— Вот и ты! — сказал он вместо приветствия и, к немалому удивлению Габи, встал ей на встречу, как сделал бы на его месте любой аристократ из тех, с кем она была знакома, а знала она теперь очень многих.

— Рада вас видеть, Сковья! — вежливо улыбнулась она.

— Лучше называй меня Филиппом, — предложил, усмехнувшись, мужчина. — Садись, дорогая. Выпьешь со мной вина?

— Что пьем? — спросила Габи, устраиваясь в приготовленном для нее кресле.

— Пьемонтское Barolo Riserva Granbussia, — ответил Филипп и кивнул слуге, который быстро, но аккуратно разлил вино по бокалам.

Запах вина, который Габи уловила на расстоянии, ей понравился. Рубиновый насыщенный цвет — тоже. Но Barolo оказалось отменным и на вкус.

— Хороший выбор, — констатировала она, пригубив.

— У тебя неплохой вкус, — улыбнулся дед, — никогда не скажешь, что дворняжка.

— Имеешь в виду себя?

— Молодец! — еще шире улыбнулся волк. — А теперь, милая, как на духу. Откуда у тебя наша сила?

Габи об этом уже думала и даже обсудила этот вопрос с Трисом. Выходило, что скрывать ей нечего. Не от Сковьи, по крайней мере.

— Один Источник меня имел, — сказала она ровным голосом. — Возможно, даже любил. Другой — едва не убил. Первую порцию силы я получила именно от той, кого зовут Тва'А — от императорского Источника. Она вливала в меня силу, убивая. Так мне объяснил Тадж'А — Источник моего дома. В общем, она не собиралась дарить мне эту силу, но добить не успела, а я не умерла, продержавшись до тех пор, пока мне не помог наш Источник. Спасая меня, он тоже влил в меня силу. Вот моя история.

— Любопытно, — покачал головой волк. — Впервые слышу о таком случае, а ведь я довольно-таки старый парень. Всякого в жизни повидал. А чего не видел, о том слышал или читал.

Он открыл стоявший на столе хьюмидор[2], достал сигару и стал ее неторопливо раскуривать. Габи молчала. Сказано было достаточно, и сейчас Сковья о чем-то напряженно думал, оттого и взялся за сигару. Сигара — не сигарета, чтобы ее раскурить, надо много чего сделать. Нужна гильотинка, чтобы срезать кончик, нужна специальная сигарная спичка, чтобы ее раскурить. Это работа, и она требует времени, позволяя обдумать то, что требует осмысления. Ну, а пока «дедушка» Филипп думал, Габи могла рассмотреть его получше.

Граф д'Арсхот был крупным мужчиной. Высокий, широкоплечий и невероятно сильный. Сила чувствовалась в каждом его движении. Сила, ловкость и уверенность в себе. И еще что-то особое, вроде той самой «*проекции силы вовне*», обладательницей которой являлась сама Габи. Такой вот брутальный индивидуум, да и выглядит неплохо. Женщинам должно нравиться: блондин с правильными чертами лица. Не красавиц, но мужчина, производящий хорошее впечатление.

— Что ж, скажу тебе без обиняков, девочка, — пыхнув сигарой, заговорил наконец Филипп, — встретить я тебя еще лет двадцать назад, я знал бы, что делать. Убил бы и вся недолга. Сила в тебе конечно есть и немалая, но зато совсем нет опыта. Однако времена меняются, и мы, как выясняется, тоже изменяемся со временем. Кто-то скажет, что я размяк. Возможно, так все и обстоит.

— Сентиментальный старик... — усмехнулся он своим словам и снова пыхнул сигарой.

— Слишком долго, наверное, живу среди людей, — добавил после еще одной короткой паузы.

— Значит, не убьешь, я правильно понимаю? — спросила тогда Габи, не столько интересуясь ответом, сколько подгоняя разговор вперед.

— Не убил при первой встрече, значит не убью, — четко сформулировал волк. — Сентиментален или нет, но подобного рода решения я принимаю сразу и никогда затем их не меняю. Так что об этом можешь не беспокоиться. Я не убью, но речь идет о другом.

— Помочь мне или нет, — сообразила Габи.

— Интуиция у тебя такая, что можешь работать предсказательницей, — хохотнул Сковья в ответ. — Я решил помочь, потому что тебя убьет любой волк, которого ты встретишь на своем пути. Во всяком случае, попытается убить. Поскольку не все имеют столько же опыта, сколько есть у меня, да и по силе мы разнимся. Но попытаться попытаются. И чужие Источники, — ты же не знаешь, в чьем еще дворце живет один из

разделенных джа, — они тоже захотят тебя убить. Попытаются убить, потому что, даже по сравнению с ними, ты обладаешь отнюдь немалой силой и теоретически могла бы отбиться, но, скорее всего, они в своем намерении преуспеют, потому что одной силы мало. Требуется умение этой силой управлять, а ты этого пока как раз и не умеешь.

— Неужели научишь? — не поверила Габи своему счастью.

— Научу, — кивнул Сковья. — Я решил тебе помочь, значит помогу. Считай, как дед внучке, хотя у нас это работает совсем не так, как у людей. Да и у вас, *человеков*, это тоже зачастую не повод. Хотя ты-то как раз не человек, девочка. Уже нет, — покачал он головой, рассматривая Габи так, словно увидел сейчас впервые. — Вопрос в другом. Обучение долгий процесс. Даже, если пойти по самому трудному — короткому пути... Ты ведь не боишься боли?

— Боли боятся все, — ответила Габи, не задумываясь. — Я тоже. Но я умею терпеть.

— Значит, попробуем взять эту крепость нахрапом, — кивнул волк. — Но это все равно дело не одного дня. По минимуму, нам нужны десять дней.

— Но у тебя их нет.

— Нету здесь, зато есть в другом месте.

— Как так? — не поняла Габи.

— Что ты знаешь о множественности миров? Ведь что-то же ты знаешь, имея такого брата, как Тристан Мишильер?

— Зависит от того, о чем мы говорим, — пожалла плечами Габи, — о вселенной Гершеля[3] или о теории Виглера[4]?

— Ну, я где-то так и думал, — усмехнулся граф д'Арсхот. — Ты действительно чрезвычайно образованная женщина. И, разумеется, мы говорим о гипотезе Виглера, о «*Розе миров*». Только, на самом деле, это не гипотеза. И на розу пространственно-временной континуум не похож. Скорее, уж это похоже на книгу со множеством страниц, где каждый мир — это отдельная страница. Но главное здесь — это то, что миры, параллельные твоему, девочка, существуют на самом деле.

— Моему, но не твоему, я правильно поняла? — уловила Габи несоответствие.

— Умница! — похвалил ее мужчина. — Так и есть. Волки живут, путешествуя между мирами, а наш собственный мир... Наверное, он где-нибудь все еще существует, но мы этого не знаем. Забыли за давностью лет. Слишком много времени прошло с тех пор, как мы его покинули. Слишком много миров видели на своем пути... Так вот, дорогая внучка, расстояния между мирами измеряются не километрами или парсеками, как это происходит во вселенной Гершеля, а временными интервалами. Одни миры живут в прошлом, отставая от твоего мира на мгновения или годы, другие — ушли вперед. Различаются и времена, в которых существуют эти миры. Где-то время течет быстрее, а где-то медленнее, чем здесь и сейчас. И мы с тобой сходим в один из таких миров. Здесь пройдет несколько часов, там — где-то дней тринадцать. Как раз будет время тебя чему-нибудь путному научить.

— Значит, вы можете ходить между мирами? — спросила Габи, выслушав объяснения своего деда, но желая услышать подтверждение сказанному здесь и сейчас. Сразу.

— Да, мы единственные, кто на это способен. Во всяком случае, других «долекоходящих» мы пока не встретили. Так что, только мы.

— И я тоже? — с робкой надеждой задала Габи главный вопрос.

— Боюсь, что нет, — покачал головой Сковья. — Ты же не чистокровный волк... А сейчас обожди меня здесь, я должен переодеться и отдать распоряжения, чтобы нас не

беспокоили, как минимум, до полуночи.

— А я? — спросила Габи. — Мне не нужно переодеться?

— Пожалуй, нет, — хмыкнул «добрый дедушка», внимательно осмотрев Габи с ног до головы. — На первый случай сойдет, а потом мы тебя переоденем во что-нибудь аутентичное. Только кинжал... Сдвинь его набок, что ли, чтобы не светить. Там, куда мы идем, такие фокусы из моды давно уже вышли. Могут не понять.

Сказав это, Сковья кивнул ей, и быстро вышел из гостиной, оставив недокуренную сигару тлеть в хрустальной пепельнице. Габи же минуту или две наблюдала за дымком, курившимся над зажженным концом сигары, и стремительно обдумывала в это время возникшую так сразу и вдруг вполне себе фантазмагорическую ситуацию. Пришла пообщаться с «дедушкой» и узнала кучу вещей, каждая из которых и сама по себе тянет на настоящую родовую тайну, а теперь вот и вовсе оказалась на пороге, возможно, самого захватывающего приключения в ее жизни, хотя, видят боги, назвать скучной ее нынешнюю жизнь язык не повернется. Итак, обдумав, — на свой уже сложившийся за эти месяцы стремительный манер, — сказанное, сделанное и планируемое, она решила, что ничего менять не следует, и перешла к практическим вопросам. Одета она была тепло, но модно. Модно ли будет смотреться «где-то там» это шерстяное платье облегающего силуэта, знать она, разумеется, не могла. Однако, направляясь к Сковье, оделась она достаточно консервативно: серое с набивным серебристым рисунком длинное платье, короткое темно-синее пальто, отделанное по воротнику и манжетам мехом чернубурки и зимние сафьяновые сапожки на высоком каблуке. Шляпки у нее не было, а вместо перчаток, являясь боевым магом, она привыкла носить кожаные митенки. Украшений на ней было немного, но все непростые: крупные камни чистой воды, оправленные в золото и платину. Из общей линии выбивался только остающийся на виду кинжал Алиеноры Аквитанской. Кольчуга, поножи и наручи были не видны, а вот он висел на серебряном пояске прямо у нее на бедрах. Но, если сдвинуть его немного назад, спрятав под полый пальто, в глаза бросаться не будет, даже если расстегнуть по какому-нибудь поводу пальто. Впрочем, пальто она пока не надевала. В помещении с зажженным камином оно явно было лишним. Но именно о нем, вернувшись в гостиную, напомнил ей «любимый дедушка».

— Ну, что ж, приступим! — Граф д'Арсхот снова осмотрел Габи с ног до головы и, кажется, остался доволен ее внешним видом.

— Нормально выглядишь, только мой совет, накинь пальто. На той стороне может быть холодно. Зима там куда суровее, чем у вас.

Сам он переоделся в весьма традиционный костюм тройку и в кожаный длиннополый плащ на меху, который тут же стал застегивать.

Габи не стала спорить. В конце концов, деду виднее: он же там уже бывал, а она пока — нет. Поэтому Габи надела пальто, хорошо подчеркивавшее ее рост и стройность, и тоже застегнулась.

— Я готова.

— Вот и славно!

Сковья встал посередине комнаты, застыв, как изваяние, и даже закрыл глаза, но именно тогда-то все и началось. Не шевелясь и не прибегая к помощи рук, Филипп начал строить прямо перед собой какую-то замысловатую трехмерную конструкцию. Слово «строить» Габи использовала чисто условно. Просто оно первое пришло ей в голову. На самом деле, это было похоже на то, что делают обычные маги, выплетая свое колдовство из

стихийных потоков. Вот только «потоки» здесь были какие-то другие. Во всяком случае, их невозможно было увидеть ни обычным зрением, ни его магическим аналогом. И то, что Габи все-таки «видела» эти пульсирующие серебристо-серые нити-трубки, — таким предстало это колдовство в ее воображении, — было для нее странно и ново.

— Потерпи! — Неожиданно нарушил молчание дед. — Я создаю портал. Ты его видеть не можешь, но поверь, это именно то, чем я сейчас занят.

«О-ля-ля! — удивилась Габи. — Так он не знает, что я тоже вижу его колдовство?»

Если так, то она в выигрыше, поскольку тайное знание — это всегда туз в рукаве!

«А это, стало быть, портал? Ну, не так уж и сложно, если подумать! — прикинула она, наблюдая за тем, как ее дед сплетает между собой серебристо-серые, словно бы, платиновые нити. — Так, так и еще так, а потом двойная петля в виде знака бесконечности... и можно завязывать узелок».

Завершал композицию довольно оригинальный узел, очень похожий, к слову, на обычный фламандский изгиб[5]. И все-таки этот был несколько сложнее или, лучше сказать, изощреннее. Что-то, похожее на веревочный флексагон[6] или бутылку Кляйна[7]. Такое хитро-вычурное и неоднозначное, что, как говорят в Пойме, шарики за ролики заходят. Еще недавно ей бы такое диво было не разглядеть и не понять, не запомнить и, уж тем более, не воспроизвести, но все течет и все меняется. И в последнее время память Габи стала по-настоящему эффективной, хотя она и раньше, — особая благодарность Мнемозине, — на забывчивость не жаловалась. Впрочем, свое открытие Габи оставила без комментариев.

— Ну, вот и все, — сказал Сковья, наложив на невидимую инсталляцию последний штрих. — Морока с этими порталами! Жаль ты его не видишь. Ведь не видишь? — взглянул он остро, но Габи не дрогнула. Ее эмоции, как были, так и остались нечитаемыми.

— О чем мы говорим? — спросила она, удивленно приподняв тщательно выщипанную бровь.

— О порталной арке, — указал мужчина на пустое пространство примерно в метре от того, что он только что «построил».

— Там? — указала Габи рукой.

— Примерно, — шевельнул Сковья ушами. Совсем по-звериному, к слову сказать, шевельнул.

«Действительно волк!»

— Это универсальный портал или в каждый мир нужно строить что-то свое? — Вопрос закономерный, и вряд ли он может насторожить творца порталов.

— Универсальный, — ответил Филипп после довольно долгой паузы. — Точный адрес задается воображением или памятью. Я знаю, куда нам надо, поэтому портал откроется именно в это место.

— То есть, память задает не только сам мир, но и определенную локацию в нем, я правильно понимаю?

— Умная! — усмехнулся в ответ Сковья. — Так и есть: и мир, и локация.

— Значит, мы можем идти? — подошла Габи ближе к мужчине.

— Твою руку, внучка, — протянул ей руку Сковья. — Вперед!

И они вместе шагнули в арку портала, которая, разумеется, оказалась совсем не там, куда указывал волк. Но Габи сделала вид, что удивилась и последовала за дедом. Она сделала шаг, сжимая руку Сковьи, словно, боялась отстать от него и не попасть туда, куда он ее ведет. Шаг, другой и третий сквозь невнятную муть «грязного тумана», а на четвертом шаге

Габи оказалась на темной парковой аллее. Фонарей поблизости не было. Желтый электрический свет виднелся где-то в отдалении, впереди. Небо над головой было обложено тучами: ни звезд, ни луны. Вокруг, слева и справа стояли высокие деревья, что указывало на то, что парк старый, а не какой-нибудь новодел.

«Старый, но ухоженный». — Под ногами лежало что-то вроде утрамбованного мелкого гравия, кусты по обеим сторонам аллеи были аккуратно подстрижены. Ночное зрение позволяло все это рассмотреть, но, увы, не в деталях. Да и виделось в темноте как-то не так, как обычно. Предметы представляли несколько размытыми. Где-то так.

— Где это мы? — спросила Габи и, уже произнося эти слова вслух, поняла, что то неприятное чувство, которое она сейчас испытывает, это не удушье, не дезориентация и не ухудшение зрения, а ощущение отсутствия магии.

Магии, той магии, к присутствию которой она привыкла с тех пор, как в детстве у нее открылся слабенький Дар Земли, здесь не было. Вернее, — Габи поняла это в следующее мгновение, — она все-таки была, но ее здесь было катастрофически мало. Так мало, что Габи едва смогла зажечь небольшой световой шарик. Дорогу она себе конечно осветила, но, если магия так трудно дается тому, кто является внежанговым колдуном-универсалом, что же говорить об остальных? По факту, это место можно было смело считать лишенным магии.

— Мы в глубине довольно красивого парка, — снисходительно объяснил Филипп. — Однако в черте города. Прислушайся и ты его услышишь.

Город действительно оказался тут как тут. В какую сторону не направь внимание, везде можно было услышать звуки проезжающего транспорта, — двигатели внутреннего сгорания, — да и света вокруг было куда больше, чем показалось вначале. Даже небо, — сплошная пелена туч, — было слабо подсвечено или попросту отражало свет городских огней.

«А этот парк не так уж велик... — отметила Габи, прислушиваясь к долетающим до нее звукам. — И да, здесь стоит поздняя осень, как и у нас, но в этом мире явно холоднее».

Деревья стояли голые, трава, которую осветила ее «лампадка», выглядела пожухшей на зимний манер. Воздух, которым она дышала, был холодным и влажным, и при каждом выдохе изо рта вырывалось облачко пара, так что теплое пальто и зимние сапожки лишними не оказались. Тем более, что использовать магию, чтобы согреться, и думать было нечего. Слишком энергоемкий процесс, тем более, для такого места.

— Куда теперь? — спросила вслух, бросив быстрый взгляд на своего Вергилия.

— Совсем не боишься? — вместо ответа спросил мужчина.

— Я боевой маг и коннетабль своего клана...

— Ну, магии-то у тебя здесь, считай, нет, — пожал плечами волк, увлекая ее, между делом, вперед по аллее.

— Есть, — возразила она. — Мало, но есть. Потренируюсь чуток и, наверняка, смогу кое-что изобразить. К тому же, я и без магии кому угодно руки-ноги пообломаю. Меня Жаркий Ветер Пустыни научил.

— Пальцами убивать, — пояснила на всякий случай. — Еще у меня есть кинжал и броня, с ними я еще более смертоносна. Золото и камни в ушах, на шее и на пальцах. Полагаю, они ценятся здесь так же, как у нас...

— Молодец! — похвалил ее Сковья. — Все-таки ты удивительно похожа на нас, хоть и полукровка. Даже ход мысли у нас одинаковый. Всегда знать, что и как станешь делать, если что-то пойдет не так.

— Думаю, что все убийцы похожи друг на друга. — Зачем она это сказала? Само как-то сорвалось с языка. Но теперь, когда «слово прозвучало», его смысл Габи очень сильно не понравился. Главным образом тем, что слишком сильно походил на правду.

— Есть в этом что-то, — хмыкнул дедушка и повел ее дальше.

Идти пришлось порядочно. Сначала по темной аллее, потом по другой, гораздо более широкой и освещенной электрическими фонарями. Людей здесь оказалось порядочно, но они, как вскоре поняла Габи, не гуляли, а целенаправленно куда-то шли.

— Тут станция метро неподалеку, — объяснил ей Сковья, — а по ту сторону парка спортивный комплекс. Ты же знаешь, что такое метро?

Габи знала, но исключительно теоретически. Пока жила в Пойме, это было не актуально, а когда переехала в палаццо Коро — тем более.

— Знаю, — ответила она на вопрос, — но сама на метро никогда не ездила.

— Хочешь прокатиться? — повернул к ней голову волк.

— А мы одеты не слишком экзотически? — высказала Габи вслух недавшую ее с недавних пор тревогу.

Встречные посматривали на них со Сковья с явным интересом, и Габи догадывалась, что дело не только в его размерах или ее сомнительных прелестях, но прежде всего, в более чем экстравагантной одежде. Здесь люди одевались явно иначе, и к тому же говорили на каком-то славянском языке. Для этих людей их франкский, — а волк, не стесняясь, говорил достаточно громко, — наверняка, звучал чужеродно и привлекал излишнее внимание.

— Плевать! — отмахнулся Сковья от ее опасений. — Мы, волки, стоим выше этого.

— Из нас двоих волк только ты, — напомнила Габи.

— Ну, так и ты не человек, — хмыкнул дед.

— Это как-то помогает, когда охотники кричат «ату»?

— Можно их всех просто убить... — как-то неуверенно предположил Сковья. — Ну, так что, идем в метро?

— А деньги у тебя есть? — сообразила вдруг Габи, вспомнившая по случаю, что бесплатных обедов не бывает.

— Есть, — небрежно бросил дед, и они направились к метро.

«Метро» оказалось глухим бетонным строением без окон, но с отдельными входом и выходом. Относительно небольшое и невысокое, это здание заглатывало входящих и выплевывало выходящих людей, количество которых прямо указывало на то, что уместиться внутри объема, заданного размерами здания, они физически не могут. Разумеется, Габи не удивилась. Во-первых, она была магом, и ей ли удивляться на чудеса! А во-вторых, она представляла себе, — пусть и в общих черта, — как устроено метро. Во всяком случае, она знала, как должно выглядеть метро с подземными туннелями.

В принципе, она не увидела до сих пор ничего такого, что было бы совсем незнакомо или непонятно. Автомобили на проспекте, рядом с которым был разбит парк и стояло здание станции метрополитена, выглядели гораздо совершеннее, чем ее собственная «пантера», а ведь ее «слезинка» была эксклюзивной моделью. Электрический трамвай в Лионе тоже был не совсем таким, как здесь. Но он был. Различия между двумя мирами лежали в области качества и количества, иногда в деталях и подробностях, но здесь не было ничего такого, чего не было бы в империи франков. Ну, почти ничего. Кое-что все-таки имело место быть, но даже в этих случаях для того и другого можно было найти общую основу. Крошечные коробочки, которые некоторые из встреченных ими людей прижимали к

уху, явно ведя с кем-то невидимым разговор на непонятном Габи языке, оказались телефонами. Да, без проводов и привычного дизайна, и такие миниатюрные, что даже не верилось, но это был все тот же хорошо известный ей прибор. Как бы ни был он устроен там или здесь, функционально телефон предназначался для связи на расстоянии между двумя абонентами.

— Ну, ты кремень — девка, — усмехнулся Сковья, попытавшись увидеть в ее глазах что-нибудь, кроме равнодушия. А между тем, в ее душе бушевала буря невиданной силы.

«Новый чудный мир... — Вспомнила Габи название одной недавно вышедшей из печати книги, ставшей к тому же самой продаваемой новинкой сезона. — Новый, чудный... И опасный?»

— Нравится? Сейчас купим тебе такой же! — Филипп разочарованно покачал головой, но, возможно, он понимал ее все-таки много лучше, чем ей хотелось бы. Это был старый битый жизнью, а значит, многоопытный волк.

— Ты сказал, у тебя есть деньги... — Не вопрос, констатация факта, но все-таки такое утверждение, которое содержит в себе скрытый вопрос. — Но не сказал, насколько много.

— Смотри, — улыбнулся Сковья, — сейчас я покажу тебе кое-что такое, чего у вас пока еще нет.

— У нас много чего нет, — улыбнулась в ответ Габи. — На сколько лет мы отстаем? Лет на пятьдесят?

— Семьдесят, — ответил дед. — Но это, если иметь в виду науку, технику и технологии. У них нет магии, а у вас она есть. Это отчасти компенсирует отставание, а кое в чем дает преимущество.

— Магии здесь действительно мало, — согласилась Габи. — Но она есть, а значит, должны быть и маги.

— Есть, но мало.

— И все-таки есть!

— Ладно, — снова усмехнулся Сковья. — Уговорила. Познакомлю. А пока пойдем, и возьмем немного денег.

Деньги, как вскоре выяснилось, выдавал не человек, а автомат. Граф назвал его «банкоматом» и показал ей, что надо делать, чтобы получить требуемую сумму с банковского счета, принадлежащего самому Сковье. Процедура оказалась проста. Пластиковая карта, — технологически крайне сложная, на взгляд Габи, штука, — несколько нажатий кнопок, введение кода и вуаля!

— Попробуй сама, — протянул ей Сковья другую карточку.

— Какой код?

— 9998.

— Какую сумму взять?

— Возьми шесть тысяч, — предложил дед. — Пусть будет в кармане. Карточку, к слову, можешь тоже оставить себе.

— Успокаиваешь мою паранойю? — любопытствовала Габи, бросив на деда короткий заинтересованный взгляд.

— Только не говори, что ее нет, — спокойно встретил ее взгляд Сковья.

— Есть, — кивнула она, соглашаясь.

Наверное, — и даже скорее всего, — если что-то пойдет не так, она и сама справится с трудностями. Но, находясь на чужой территории, лучше лишний раз не рисковать. Поэтому

она отнеслась к вопросу выживания в чужом незнакомом ей мире с той серьезностью, которой этот вопрос был достоин. Получила деньги и сунула их вместе с карточкой во внутренний карман пальто.

— Что дальше?

— Давай покатаемся на метро как-нибудь в другой раз, — поморщившись, предложил дед. — Ты уж извини, это я погорячился, когда предлагал. Вечер на дворе, а нам еще телефоны покупать, одежду, то да се...

— Как скажешь, — Габи капризничать не собиралась, хотя проехаться на метро ей хотелось, причем хотелось очень сильно. Но нет, так нет. Это она еще в раннем детстве усвоила.

— Молодец! — похвалил волк. — Понимаешь ситуацию...

В следующие два часа, — *«надо успеть до закрытия магазинов»*, — Габи стала обладательницей телефона, пользоваться которым ее научил весьма удивленный этой просьбой продавец, и кожаной дорожной сумки, куда вскоре спрятались все те вещи, которые были на ней в момент перехода. Из магазина, довольно дорогого и явно статусного, она вышла одетой по местной моде, вернее, так, как посоветовала ей торговый консультант. Сапожки у нее теперь были коротенькие, едва достающие до лодыжки, но зато с тонкими и высокими каблуками. Далее следовали облегающие брюки темно-серого цвета, — продавщица называла их «джинсами Армани», — белый свитерок с круглым вырезом и пиджак серебристого цвета из тонкой кожи. А вот пальто Сковья разрешил ей оставить свое, зато под кинжал в соседнем оружейном магазине был куплен плечевой ремень для скрытого ношения.

— Оружие прилюдно не демонстрируй, — предупредил ее дед. — Здесь это не принято.

— Я сама по себе оружие, — возразила ему Габи, чтобы объяснить простую вещь: кинжал для нее — это признак статуса, но отнюдь не оружие. Во всяком случае, не в обычном смысле этого слова, поскольку клинок Алиеноры мог напитываться магией и сейчас он заполнен до отказа, и магии в нем было даже больше, чем в самой Габи.

— Оружие? — переспросил Филипп.

— Не в этом мире, — усмехнулся он. По-волчьи, к слову, усмехнулся, а не по-человечьи.

— Ты ошибаешься, дедушка, — ответила ему Габи улыбкой на улыбку, вернее оскалом одного зверя на оскал другого. — Магии действительно мало, но я собрала понемножку. По чуть-чуть... Мы же здесь уже больше двух часов. Так что, заряд вполне ощутимый. На что-нибудь выдающееся этой магии, разумеется, не хватит, но наломать дров смогу, и немало.

— Значит, ты даже сильнее, чем я думал, — протянул задумчиво Сковья. — Я приводил сюда пару-другую человеческих колдунов, все сдулись.

— Я очень сильный маг, — напомнила Габи. — Внежанговый универсал с несколькими дополнительными талантами. Таких, как я, немного.

— Цену себе знаешь, — кивнул Филипп. — Поехали, познакомлю тебя с местными и заодно решим вопрос с ночлегом.

Здесь, в этом мире, тоже существовали таксисты, и Сковья «тормознул» одного из них властным движением руки. Габи показалось, что силу он тоже применил, но пока она видела «серые» потоки не слишком отчетливо и не была уверена, что видела именно то, о чем подумала. Впрочем, вечер только начинался. И, устроившись в салоне автомобиля, они поехали по названному дедом адресу. Говорил он с таксистом по-русски, — как выяснилось, они находились сейчас в местной России, но не в империи, а в республике, — и Габи, что не

странно, ничего в этом разговоре не поняла. Все-таки незнание языка — это серьезный недостаток, потому что не поняла она и того, кому затем звонил Сковья и о чем с этими людьми договаривался. Эта вынужденная немота ужасно ее раздражала, а ведь впереди ей предстоял еще целый вечер в гостях. Вечеринка или еще что, но быть там, на чужом пиру немой и безъязыкой представлялось чистой воды издевательством. Не будет же ей Сковья все время переводить. А значит, посадят ее куда-нибудь в уголок и забудут, поскольку кто не общается, тот и не тусуется. Этот-то Габи знала теперь не просто хорошо, а очень хорошо, поскольку «тусовка» являлась неотъемлемым элементом жизни светского общества.

В общем, ехали они достаточно долго, и все это время Сковья разговаривал по телефону то с одним абонентом, то с другим, даже смеялся иногда, а Габи сидела рядом с ним, как полная дура, и накручивала себя, хотя, разумеется, ничем не показывала своего раздражения, переходящего в гнев и бешенство, ни словом, ни жестом. Однако эмоции ее полыхали, и пожар этот был темным донельзя. И было очевидно — катарсис неизбежен. Во всяком случае, даже Габи это понимала, пусть и не могла уже ничего поделать с тем грозным темным пламенем, которое бушевало в ее груди.

«Рванет...» — подумала она отстраненно, и в этот момент, и в самом деле, рвануло.

Габи успела почувствовать, как освобождается от невероятного напряжения, выбрасывая вовне свой перегретый гнев. Увидела темную волну, поглотившую в радиусе полукилометра все электричество и, кажется, даже всю механическую энергию. Разом стало темно, и заглох двигатель такси. Заглохли все двигатели вокруг, а волна, ударившая во все стороны, мгновенно достигла максимума и рванула назад. Откат случился такой, что Габи просто вылетела разом из своего еще недавно холодного и ясного сознания и погрузилась во тьму беспомощности.

Если верить внутренним часам, без сознания она находилась недолго. Пару минут или, если уж быть предельно точной, минуту и сорок семь секунд, и очнулась не сама по себе, а благодаря какому-то изумительно горячему импульсу, которым Сковья вернул ее к жизни.

— Если бы я сам не был этому свидетелем, — сказал еще через минуту, когда она уже проморгалась и отдышалась, — никогда бы не поверил, что такое возможно. Силы в тебе, девочка, немерено, но пользоваться ею ты пока можешь только через эмоции. Да и те должны быть нерядовыми. Не знаю, что на тебя нашло, но это было феерично. Ты разом отняла у довольно большой части этого мира все электромагнитное излучение и вызвала ощутимые колебания в гравитационном поле Земли. Все это, разумеется, локально и кратковременно, но вполне монструозно. Забабахать такой катаклизм, это надо уметь. Неясна только конечная цель. Чего ты хотела?

— Не знаю, — честно призналась Габи, мозги которой все еще ходили ходуном.

— Появилось что-то новое?

— А должно?

— Не знаю, — пожал плечами Сковья. — Обычно такой катаклизм провоцируется для дела, а не просто так.

— И какое это могло бы быть дело? — поинтересовалась Габи, наблюдая, как оживает мир за окнами автомобиля.

— Взломать чей-то щит или кого-нибудь прибить...

— Я здесь никого не знаю...

Мотор наконец завелся, и вскоре они снова поехали. И все бы хорошо, но в какой-то момент Габи вдруг поняла, что знает, где они едут, как называется эта улица, и что это за

марка автомобиля «Фольксваген». И более того, язык, на котором Скосья говорил сейчас с очередным абонентом, был тоже ей понятен.

— Хорошо, — сказал дед кому-то там. — Это хорошо, Максим, что у вас полон дом гостей. Но мне надо где-то переночевать.

— Нет, — ответил он на какую-то реплику своего собеседника, — нам нужны две комнаты. Со мной женщина, и эта женщина моя внучка. Понял теперь?

— Да, этот вариант меня устраивает, — сказал он, завершая разговор. — Мы кстати уже подъезжаем. Будем через четверть часа...

«Как он сказал? — не поверила самой себе Габи. — *Взломать чей-то щит?* Я что, взломала чью-то голову? Или это был не человек, а эгрегор[8] России? Какое-то местное божество, у которого я украла его знание?»

Что-то такое, кажется, говорил ее Золотой человек. Так он обучил ее высокому франку, готскому и латыни. А сейчас она, похоже, проделала тот же фокус сама. Психанула из-за незнания языка, захотела то, чего у нее не было и не могло быть, и просто вырвала это нечто у того, кто им владел. Скопировала или украла? Ведь, если это был человек, то такая мощь его могла просто убить.

«Мощь...»

Это была магия разделенных джа. Их особая сила, непохожая на то, чем владеют люди. И сейчас, буквально четверть часа назад Габи применила эту силу. Пусть произвольно, неосознанно, не отдавая себе отчета в том, что творит, но применила магию народа джа, как свою. Грубо, как если бы там, где достаточно удара кинжалом, обрушила на врага что-нибудь вроде Мьельнира[9] или дубины Геракла. Мощно и безумно расточительно, но она это сделала, и она своего добилась.

«Захотела и получила». — Представив сейчас этот «подвиг», как он есть, Габи потрясенно поняла, что действовала, как какая-нибудь богиня, да и то, не всякий бог, скажем прямо, способен на такое невероятное деяние.

А между тем, они прибыли на место. Высокая каменная стена и железные ворота, которые сдвинулись в сторону, пропуская такси мимо поста охраны к огромному трехэтажному дому, большинство окон которого были сейчас ярко освещены. Вообще, здесь было светло, как днем. Горели электрические фонари и прожектора подсветки, освещающая особняк, — чей-то манор? — и окружающий его парк. Не бедно, хотя и не тянет ни на палаццо Коро, ни на шато дю То. Но этот мир был другим. Когда-то, как вспомнила сейчас Габи, воспользовавшись своим новым знанием, здесь тоже строили огромные прекрасные дворцы и неприступные замки. Впрочем, замки остались в далеком прошлом, а дворцы... Дворцы строили и сейчас. Но требования к ним изменились, как изменился и стиль роскоши.

В общем, здесь тоже были слуги и охрана, так что сначала Габи избавилась от дорожной сумки, а позже, войдя в просторный холл, и от пальто. Все это было проделано быстро, технически выверено и крайне вежливо. А еще через пару минут, хозяин дома, вальяжный мужчина, которого звали Максимом, ввел их в фуршетный зал, в котором, несмотря на раннее время, — здесь было около семи вечера, — уже находилось достаточно много людей, и, перекричав звучащую в зале музыку, привлек к себе внимание гостей.

— Друзья! — прокричал он. — Разрешите представить вам моего старинного приятеля Магнуса Вольфрама! Не смотрите, что он выглядит молодо, Магнус из тех, кто медленно стареет.

Раздались смешки. По-видимому, эти люди не поняли, что сказанное Максимом не шутка. Впрочем, не все. Кое-кто понял. Немолодой представительный мужчина с короткой седой бородой, совсем юная девушка лет шестнадцати-семнадцати отроду и молодой высокий и красивый мужчина. Едва прозвучали слова хозяина дома, как все трое уставились сначала на Сковью, а потом, — и тоже практически синхронно, — на Габи. И это при том, что находились они в разных концах зала.

— Рад знакомству, дамы и господа! — в свою очередь поприветствовал гостей Филипп, и, немного повернув голову, улыбнулся Габи. — Моя внучка Габриэлла Мишильер. Между прочим, настоящая княгиня. Голубая кровь. К сожалению, она не говорит ни по-русски, ни по-английски, но, если кто-нибудь знает французский или немецкий, милости просим.

— Габи, детка, — перешел он на франк. — Скажи людям, «здрасьте».

— Добрый вечер, — холодно улыбнулась Габи, произнеся приветствие на чистом русском языке. — Дедушка шутит. Я знаю ваш язык, но, наверняка, недостаточно хорошо. Поэтому заранее прошу простить меня за мой русский. Он несовершенен, но что есть, то есть. Большого не дано.

Зал взорвался аплодисментами, а «дедушка» остро глянул на нее из-под полуопущенных ресниц:

— Взломала ноосферу[10]? — прошептал он ей на ухо. — Сильна!

Знание языка открывает массу возможностей, поэтому Габи не сидела этим вечером всеми забытая в стороне от «праздника жизни». Она пользовалась успехом, переходя из одной компании в другую. Разумеется, она никому не говорила, что прибыла со Сковьей из другого мира. Знания реалий этого мира было достаточно, чтобы рассказать всем желающим, что она воспитывалась в старом замке в Арденнах. Описывала она при этом хорошо известное ей место — шато д'Агремон. Существует ли такой замок в этом мире, она, разумеется, не знала, но этого не знали и те, с кем она разговаривала, выпивала и флиртовала. Впрочем, если большая часть гостей видела в ней всего лишь молодую аристократку «с Запада», кое-кто другой видел несколько больше, а то и много больше.

— Всегда ходишь вооруженная? — спросил Габи один из тех молодых мужчин, которые пытались «уболтать ее на койку».

— С чего ты взял? — сыграла она удивление.

— У меня глаз наметанный, — усмехнулся мужчина в ответ. — Служба такая. Так что у тебя под мышкой? По размеру, вроде бы, Глок или что-нибудь другое?

Что ж, у него, и в самом деле, оказался наметанный глаз. Заметил то, на что другие внимания не обратили.

— Кинжал, — честно ответила Габи.

— Кинжал? — удивился собеседник.

— Тебя это удивляет? — Не поняла Габи причину такой реакции.

— А зря, — встряла в разговор та самая девушка, которая смотрела на Габи «особенным» взглядом. — Ей, Вася, огнестрел без надобности, она любого сделает и без ствола. Что умеешь, Габриэлла? Молния или файербол?

— Даже не знаю, о чем ты говоришь! — попробовала Габи уйти от опасной темы.

— Знаешь! — отрезала девушка. — Ты же фонишь, как грязная бомба.

Идиома оказалась несколько излишне сложной, но Габи девушку все-таки поняла, и тут же сообразила, какую совершила ошибку, исходя из предположения, что магии в этом мире нет. Вот, вроде бы, знала, что это не так, но, сосредоточившись на нехватке магии, Габи

попросту забыла поставить щиты.

— О! Погасла! — констатировала незнакомка, как только Габи закрыла свою магию. — Ну, ты и монстр, Габриэлла! Ты можешь закрываться, как нефиг делать!

В ее голосе звучало неподдельное восхищение.

— Так ты ведьма? — кивнул мужчина. — Круто!

— Ты пришла с Магнусом из другого мира? — вопрос выдавал более чем широкую осведомленность этой парочки. Одна сказала, другой утвердительно поддакнул.

— Зависит от того, — холодно улыбнулась Габи, — что вы знаете о господине Вольфраме.

— Пошли, тогда, наверх, — предложила девушка. — Поговорим без свидетелей.

— Втроем?

— Еще двоих надо бы пригласить, — засомневался Василий.

— И Магнуса, — добавила Габи.

— Магнуса не надо, — покачала головой девушка.

— Тогда, втроем, — согласился Василий.

— Предложение принято, — усмехнулась Габи, и они отправились «наверх».

«Верхом» оказался рабочий кабинет на третьем этаже, но, войдя в комнату, Габи сразу же поняла, что кабинет принадлежит не хозяину дома. Как говорят русские? Труба пониже и дым пожиже? Вот так это все и выглядело.

— Это твой кабинет? — взглянула она на девушку, связь которой с этим помещением была уже вполне очевидна.

— Да.

— И ты? — задала Габи вопрос, с которого, наверное, стоило бы начать.

— Я Вероника Акиньшина, — представилась девушка. — Племянница Максима Суворина, хозяина этого дома.

— А ты, Василий? — повернулась Габи к мужчине.

— Орлов Василий — начальник спецгруппы СБ холдинга «Парус».

— СБ — это служба безопасности? — уточнила Габи.

— Да, — кивнул мужчина. — Выпьете что-нибудь дамы?

— Коньяк? — спросила Габи, неуверенная, что здесь есть коньяк, хотя по всему выходило, что есть.

— И кофе сварил! — не попросила, а приказала Вероника. — Ты кофе пьешь?

— Пью, — кивнула Габи. — Крепкий, черный, без сахара.

— Заказ принят, — как ни в чем ни бывало откликнулся Василий.

— На ваше усмотрение.

Сейчас Габи увидела, что он стоит у какой-то машины, отдаленно напоминающей кофеварки-эспрессо в элитных кафе Лиона.

— Так ты настоящая княгиня? — продолжила расспрашивать Вероника.

— В каком-то смысле, — уточнила Габи. — Князь — мой старший брат, но мое положение в клане таково, что княжной меня никогда не называют. Княгиней — тоже, но княгиня подразумевается.

— Как же, тогда, тебя называют? — обернулся от кофеварки Василий.

— Коннетабль, — коротко ответила Габи.

— Постой! — встрепенулась девушка. — Значит, я права! Коннетабль — это же как маршал, ведь так?

— Военный руководитель клана, — кивнула Габи, подтверждая высказанное вслух предположение.

— А?.. — начала было Вероника, но Габи ее остановила.

— Достаточно! — сказала она. — Теперь вы.

— Суворин один из совладельцев «Паруса», — ничуть не смутившись, без паузы начала отвечать девушка. — У него 27 % акций, а у твоего Магнуса — 5 % и они находятся в управлении моего дяди. Суть в том, что когда-то, в начале девяностых Магнус помог Максиму создать первый «Парус», из которого затем вырос холдинг. Поэтому Магнус Вольфрам для нас, можно сказать, член семьи. Отец родной, где-то так.

— Ты ему действительно приходишься внучкой? — спросил Василий, запустив кофе-машину.

— Да, — подтвердила Габи. — Биологически он мой дед.

— Но он же не человек! — остро взглянула на нее Вероника.

«С огнем играют, — резюмировала Габи. — Что ж, будет вам огонь! Смотрите не обожгитесь!»

— Так и я не человек, — почти дословно воспроизвела Габи реплику «любимого дедушки».

— Тоже ходишь между мирами? — подалась к ней Вероника.

— Без комментариев, — улыбнулась Габи Василию, принесшему им с Вероникой бокалы с коньяком. — Но ты не закончила, Вероника. Продолжай, пожалуйста! Я вся внимание.

— Мы знаем, что Магнус приходит к нам из другого мира, — сделав маленький глоток коньяка, продолжила девушка. — Знаем, что он похож на человека, но не человек. Он говорит, что он волк, но ни разу не объяснил, что это означает. Теперь, о магии. Я колдунья, оттого и увидела твою магию. Но ты ведь тоже...

— Нет, — покачала головой Габи. — Способность видеть чужую магию — это особый талант. Мой брат не только ее видит, но даже способен оценить силу мага. Я не могу, хотя и считаюсь сильной магессой, но вас троих я определила чисто интуитивно. Магию не видела, но поняла, что вы трое колдуны.

— Вот как... — задумалась Вероника.

— Спасибо, Габриэлла! — встрепенулась она через мгновение. — Значит, ни Иннокентий, ни Виктор чужой магии не видят! А я, глупая, думала, что они — как я.

— Нет, — покачала головой Габи. — Таких, как ты мало.

— А таких, как ты?

— Таких нет вовсе!

Удивительно, но, сказав эти гордые слова, Габи поняла, что так все и обстоит. Учитывая ее историю и ту силу, которую она приобрела, благодаря случаю и милости богов, она стала кем-то особенным. Другой такой не сыщешь, как не ищи. Хоть днем с фонарем, а все равно нет.

— Покажешь? — почти шепотом спросила вдруг Вероника.

— Смотри!

Здесь, в этом мире, проделать фокус с дымкой, превращающейся в нож, было непросто, но Габи справилась и даже не вспотела. Демонстративно легко, словно бы, играючи, она создала нож практически из ничего, взяла его за лезвие, — он, как и всегда, был остро наточен и отлично сбалансирован, — и швырнула клинок через всю комнату. Нож воткнулся

в деревянную панель по самую рукоять, а затем растаял, повинувшись движению ее пальцев. Однако материальность клинка подтверждалась тем, что след его в стене никуда не исчез.

— Вот так, из ничего?! — Василий охрип от нервного напряжения. Его чувства были истинными, а не наигранными.

— А что касается молнии или файерболла, — кинула Габи замыкающую реплику, — я могу и то, и другое, и много что еще. Я боевой маг, господа. А теперь, Василий, угостите нас, пожалуйста кофе и расскажите о себе. Вы не маг, но с магией знакомы, как так?

[1] Габи ездит на автомобиле Talbot-Lago Teardrop Coupe. Внешний вид этого восхитительного автомобиля был разработан французским дизайнером Джузеппе Фигони. Из-за своей округлой формы и изгибов машина получила прозвище Goutte d'Eau («Слезинка»). Однако Габи назвала ее «Пантерой» из-за хищных очертаний и черного цвета.

[2] Хьюмидор — ящик, шкатулка для хранения сигар. Главной задачей хьюмидора является поддержание влажности на уровне 68–72 %, при которой сигары могут храниться без потери качества.

[3] Множественность миров — идея, зародившаяся в Античности в связи с критикой геоцентрических воззрений на природу. В эпоху Возрождения получила развитие в работах Д. Бруно (16 в.). Концепция естественнонаучного (в частности, астрономического) негеоцентризма сыграла в истории науки важную эвристическую роль, позволив преодолеть гелиоцентризм Коперника: переход от «мира» Коперника к «миру» Д. Гершеля, в котором Солнце оказывается одной из звезд в нашей Галактике.

[4] О теории придуманного автором физика Виглера о параллельных вселенных рассказывается в 1-й книге.

[5] Узел — фламандская излучина, также известный как изгиб в виде восьмерки: переплетенная восьмерка представляет собой узел для соединения двух веревок примерно одинакового размера.

[6] Флексагоны — плоские модели из полосок бумаги, способные складываться и сгибаться определённым образом. При складывании флексагона становятся видны поверхности, которые ранее были скрыты в конструкции флексагона, а прежде видимые поверхности уходят внутрь.

[7] Бутылка Клейна (или бутылка Кляйна) — неориентируемая (односторонняя) поверхность, описана в 1881 году немецким математиком Феликсом Клейном. Тесно связана с лентой Мёбиуса и проективной плоскостью. Название, по-видимому, происходит от схожести написания слов нем. Fläche (поверхность) и нем. Flasche (бутылка).

[8] Эгрегор — понятие, термин и концепция в оккультизме и эзотерике, означающее нефизическую сущность, групповое биополе. В научной среде считается маргинальной антинаучной теорией. Сторонники этих теорий предполагают, что более или менее крупные человеческие сообщества способны вырабатывать собственное энергетическое поле под влиянием устремления к одной цели (эгрегор творческой школы, эгрегор государства, эгрегор религии и пр.).

[9] Мьельнир — молот Тора.

[10] Ноосфера — гипотетическая сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера»). Ноосфера — предположительно новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы.

***

Ночь они провели в доме Суворина. Компаньон Филиппа, — ну или Магнуса, если называть Сковью на местный лад, — распорядился на этот счет еще до их приезда, и, когда Габи вошла в приготовленную для нее комнату, все ее вещи были уже тут. А еще здесь была отличная ванная, пользоваться которой она могла благодаря украденному знанию. И кто-то заботливый приготовил для нее не только постель, но и ночную рубашку, — слишком короткую, впрочем, для такой дылды, как она, — банный халат, домашние тапочки и вообще все, что душе угодно, если душа пожелает отмокнуть в горячей воде со всякими «вкусными» добавками. Несмотря на поздний час, ее душа желала, и Габи довольно долго отмокала в горячей воде, заодно приводя свои мысли в ставший уже привычным для нее идеальный порядок. И в этом порядке нашлось место и для новых впечатлений, — включая, разумеется, новые знания, — и для прежних недоумений, вопросов и размышлений. А с утра начались тренировки. Местом их стал берег лесного озера, расположенного, как сказал дед в чуть больше, чем в тысяче километрах от резиденции Суворова. Суровое место, холодное, — здесь уже лежал снег, — и безлюдное. Хвойные деревья, скалы и ледяная вода под низким, обложенным тучами небом. В общем, подходящее место, чтобы творить колдовство в мире, не знающем или, во всяком случае, не признающем, существование магии.

Переместились они к озеру тем же способом, каким прежде попали в этот мир. Сковь построил очередной портал, одновременно похожий и непохожий на тот, что позволял путешествовать между мирами. На этот раз, правда, Габи знала, чего ожидать и, не привлекая к себе внимания «излишней любознательностью» изучила, тем не менее, весь процесс от начала и до конца, уловив заодно и общий принцип, лежащий в основе пространственно-временных порталов.

— Подходящее место, — резюмировал Сковь, осмотрев берег озера и, наверняка, просканировав ближайшие окрестности. — Людей нет... Простор есть... Приступим!

И они приступили, причем учил ее Сковь, не разделяя теорию и практику, и вбивая в Габи новое понимание мира, магии и колдовства тем способом, о котором упоминал в Лионе. Он ломал внутренний мир Габи, продавливая свое видение вопроса, свой, часто чуждый ей подход к атаке и защите. И он не соврал, ей было больно, а временами даже очень больно, но оно того стоило, поскольку это сокровенное знание было бесценно и потому еще, что дело двигалось, как здесь говорили, семимильными шагами.

Если в основе человеческой магии лежали стихии и другие подобные им силы, — сила духа, например, или так называемая вита[1], — то разделенные джа, как поняла теперь Габи, напрямую работали с интенсивными и экстенсивными физическими величинами[2] такими как температура, давление или энергия, а так же с агрегатными состояниями вещества[3]. Габи помнила эти термины из курса физики, но опознала их не сразу. Однако в тот момент, когда она догадалась, что, на самом деле, представляют из себя серые, — иногда серебристые и даже золотистые, — пульсирующие нити, из которых Сковь сплетал свое колдовство, «кастовать в стиле джа» стало не то, чтобы просто, но, как минимум, доступно. Гравитация и энергия, жидкость и газ, плазма, наконец, — все это было весьма конкретным и четким, как при обобщении, так и при противопоставлении. Оперировать ими было довольно сложно, но скорее от того, что непривычно, чем от того, что «неподъемно».

И Габи «поднимала», трудилась, как вол, училась, что называется, днем и ночью. С дедом или одна. Реально манипулируя силами и состояниями или ставя мысленный эксперимент. Она работала и терпела боль, и результат не заставил себя ждать. Трудное неожиданно стало легким, сложное — простым, а Габи превратилась в настоящего монстра. Ее возможности были теперь настолько велики, что, когда она думала об этом, то временами ей самой становилось страшно. Впрочем, ей помогало то, что это было в третий раз в ее все еще довольно короткой жизни, когда перемены происходили с такой пугающей быстротой. Она знала, как с этим справляться, и справлялась, преодолевая физическую, но, прежде всего, психологическую усталость и «отравление» избыточным знанием.

Занятия с Филиппом занимали львиную долю дневного времени суток. Где-то с восьми утра до пяти вечера. Без еды, без перерывов на отдых и прочей дребедени. Вот разве что пить разрешалось, да и то нечасто. Не чаще раза в два-три часа и ровно столько, сколько дадут. Давал же Сковья самый минимум — глотков пять-шесть крепко заваренного чая с листьями коки и сахаром, и это все. Делалось это по-видимому с умыслом, но умысел был не в том, чтобы уморить ее голодом, жаждой, болью или усталостью. Был во всем этом какой-то смысл, но в чем там дело, Габи так и не поняла. Предположила только, что, возможно, таким образом Сковья пытался задействовать весь ее скрытый потенциал. И, если это действительно так, то своего он добился, потому что довольно быстро, — буквально за пять дней, — Габи не только почувствовала в себе ту силу, о которой шла речь, но также научилась ею манипулировать. По первости, правда, грубовато, расточительно и «грязно», но еще через пару дней, ухватив, наконец, принцип, резко повысила качества своего колдовства.

Было жаль, разумеется, что практически все ее время в этом мире уходит на одни лишь занятия. Но, с другой стороны, разве не за тем Сковья привел ее сюда, чтобы научиться пользоваться магией народа джа? А раз так, то и роптать бессмысленно, тем более, что вечерами она все-таки отдыхала. Занималась спортом, отмокала в ванне, смотрела фильмы, — некоторые из них оказались попросту порнографическими, хотя местные, как ни странно, так не считали, — но, в основном, общалась с Вероникой и Василием. Они не слишком хорошо понимали, чем именно занимается Габи с Магнусом, — куда исчезают, зачем и почему после этих отлучек Габи выглядит так, что «*краше в гроб кладут*», — но, выполняя давний договор между Сковья и Максимом Сувориным, вопросов не задавали. Как, впрочем, не задавала их и Габи, а спросить кое о чем хотелось до невозможности. Столько всего интересного вокруг, но не судьба. У всех свои секреты, которые следует уважать, как свои собственные. Впрочем, кое-что ей все-таки рассказали. Наверное, только то, что можно, но тоже оказалось ого-го, как интересно. Оказывается, специальная группа СБ холдинга «Парус» занималась не столько охраной тайн и секретов, но, прежде всего, созданием магических усилителей, накопителей и имитаторов. Смысл этой затеи заключался в том, чтобы облегчить работу с магией тем, кто на это способен, усилив их Дар и позволив накапливать силу, которой местным магам вечно не хватало. И, если с этим все было более или менее понятно, поскольку в империи тоже производились артефакты подобного назначения, то с имитаторами дело обстояло иначе. Насколько поняла Габи, речь шла о создании генератора «искусственной» магии, то есть, о том, чтобы колдовать могли не только природные маги, но и обыкновенные, лишенные Дара и Таланта люди. Идея, прямо сказать, опасная. Габи не взялась бы вот так сходу объяснить, в чем заключается эта опасность. Но интуиция подсказывала, что дело это нехорошее и неправильное, ибо решать в

таким случае богам, а не людям. Но объяснять это принимающей стороне, по-видимому, не стоило, и Габи промолчала. В чужой монастырь, как говорится, со своим уставом не ходят. Где-то так.

В остальном же общение с Василием и Вероникой было и приятным, и полезным. Приятным, потому что они оказались веселыми компанейскими ребятами и смогли расшевелить даже Снежную королеву, как прозвали они Габи. Снежная королева или Ума Турман, поскольку выяснилось, что Габи оказалась невероятно похожа на одну местную кинозвезду, но не на ту, какой она стала сейчас, а на ту, какой актриса была лет тридцать назад. Габи посмотрела два рекомендованных ее новыми друзьями фильма, — «Генри и Джун» и «Криминальное чтиво»[4], - и должна была признать, что так оно и есть: похожа. В общем, с этим, как и с выпивкой, но без излишеств, все было просто замечательно. Не хуже, чем с Эвой Сабинией и Марией. Однако общение с «молодежью» оказалось так же невероятно полезным. Вероника ей так и сказала открытым текстом: у старших свои связи, а у нас свои.

— Ты же сможешь прийти к нам как-нибудь сама?

— Возможно, — пожалала плечами Габи. — Может быть. Если научусь.

Она не хотела раскрывать все свои карты, но интуиция подсказывала, что этот шанс упускать не стоит. Свои контакты на этой стороне могли оказаться крайне полезными.

— Хотите учиться Магии? — спросила прямо.

— Да, — подтвердил Василий. — Я-то вряд ли, но Вероника — может. И еще есть пара ребят на примете. Мы бы хотели создать свой ковен.

Ковенами, как знала теперь Габи, в этом мире назывались по большей части тайные объединения ведьм. А ведьмами, в свою очередь, являлись местные маги и колдуны.

— И еще нам не помешали бы кое-какие артефакты, — добавила Вероника. — Твой дед Суворину принес такие, мы знаем, но до нас это не доходит.

А нужны им были все те же усилители и накопители, а также боевые артефакты — защитные и атакующие, поскольку сами местные маги были в большинстве своем все-таки слабоваты. Так что им, как, впрочем, и всем слабым магам в империи нужны были «внешние подпорки». Недешевое развлечение, но вполне реализуемое в ее мире. И, если она все-таки воспользуется любезным приглашением и продолжит дружбу с этими приятными, но отнюдь не простыми людьми, она сможет, разумеется, купить кое-что на той стороне и принести это кое-что сюда.

Однако Василий и Вероника тоже были людьми с понятиями и правильными инстинктами. Поэтому на девятый день пребывания в гостях, Василий выложил на стол перед Габи несколько весьма любопытных предметов.

— Это паспорт, — подвинул он к ней тонкую книжечку. — Ты же знаешь, что такое паспорт?

— Знаю, — Габи взяла паспорт в руки, открыла и просмотрела. — Настоящий?

— Липы не держим! — улыбнулся Василий. — Я понимаю, что он тебе нафиг не сдался, но иногда легче показать документ, чем пользоваться магией.

— Согласна, — кивнула Габи. — Спасибо.

— Не за что, на самом деле, — вступила в разговор Вероника. — Мы сами заинтересованы, чтобы связь была устойчивой. — Поэтому держи.

И она подвинула к Габи пару пластиковых банковских карт и местный телефон.

— Телефон — самый продвинутый, — объяснил Василий. — Защищенный,

водонепроницаемый, экранированный и не бьющийся. Титановый корпус и все такое. Наши телефоны и телефон «Славика» — это коммутатор нашей группы, — вшиты в аппарат заранее. Время, я так понял, идет у нас по-разному. Здесь — медленнее. Но все равно, мы этот номер будем оплачивать. Интернет — тоже, а значит, будут у тебя и карты, и все, что захочешь. Мы там еще музыку тебе записали, а так же несколько фильмов и книг, но надо подумать, как ты его станешь там заряжать.

— Зарядка не проблема, — отмахнулась Габи. — Заряжу. Есть способы.

Она не обманывала ни себя, ни их. Уже несколько дней, как она научилась дистантно работать с электричеством, и сейчас была уверена, что сможет сама, — без проводов, переходников, трансформаторов и прочей ерунды, — зарядить батарею телефона. Но знала она и другое. Если взять отсюда кабели, переходники и трансформаторы, то они с Трисом смогут построить нормальное зарядное устройство от их имперской сети.

— Скажите лучше, насколько большая у него память? — спросила она новых друзей.

— А сколько нужно? — задал Василий встречный вопрос.

— Мне нужны книги по физике и химии, — объяснила Габи. — Что-нибудь от уровня начала прошлого века и до современных книг. Справочники, учебники для университета, какие-то итоговые монографии...

Идея, как ей казалось, была просто блестящей. Поскольку магия джа была привязана к фундаментальным физическим законам, развивать способности можно было, изучая физику и химию. Так ей во всяком случае казалось.

— Прогрессорствовать собираешься? — усмехнулся Василий.

— Ни в коем случае, — объяснилась Габи. — Для личного пользования.

— Да, нам-то что, — пожала плечами Вероника. — Запиши на бумажке, что тебе нужно. Я найду и впишу. А пока вернемся к нашим баранам. Эти банковские карты привязаны к двум разным счетам в двух разных банках. Оба на твоё имя, — кивнула она на паспорт, и на обоих лежит примерно по пятьсот тысяч долларов и столько же в рублях. На первый случай хватит, как бы не повернулась ситуация.

Что ж, это было щедро и умно. Языки Габи теперь знала, а паспорт, карты и телефон много места не занимают, зато означают для нее полную автономность и мобильность по эту сторону барьера.

— Спасибо.

— Не за что! О! — сказала Вероника, что-то сообразив. — Ты сказала, что зарядка аккумуляторов для тебя не проблема?

— Так и есть, — кивнула Габи. — Я уже пробовала, если честно. На электро-фонаре и на телевизоре.

— На телевизоре? — удивился Василий. — Но у него же нет батарей, он от сети запитан.

— Я его выключила, — криво усмехнулась Габи, признавая, что была неправа. Нельзя так экспериментировать с чужими вещами, могло ведь не получиться. Испортила бы хорошую вещь.

— Постой! — поднял руку Василий. — Ты его сама запитала?

— Да, — не поняла его по всей видимости радостного возбуждения.

— Касалась?

— Нет, дистантно.

— Расстояние? — подался к ней Василий, хотя и Вероника отчего-то выглядела едва ли

не потрясенной.

— Метра два, — пожалала Габи плечами. — Может быть, три. Я как-то...

— Беспроводная передача энергии! — вдруг заорала Вероника.

— И что? — не поняла Габи.

— А то, что, если можешь ты, значит теоретически возможно создать прибор, который будет передавать энергию на расстоянии. А это, уважаемая Ума, настоящее золотое дно. Такая технология будет стоить миллиарды!

«Миллиарды? — удивилась Габи. — Так вот отчего они так возбудились!»

Она не знала пока, как это сделает, но была уверена, что теперь, когда она, более или менее, понимает, как работает магия народа джа, ей удастся повторить некоторые вещи без магии. Электричество — оно электричество и есть. Можно воздействовать на него магией, а можно, наверное, и без нее. Возьмет время, чтобы изучить, понять и воспроизвести, но миллиарды? Миллиарды и база в другом мире — это крайне серьезно!

«Трис это оценит!»

— Хорошо, — сказала она вслух. — Я поняла. Попробую с этим разобраться, но, сами понимаете, это возьмет время, и я не знаю, сколько именно. Однако теперь мне точно нужны книги по физике.

— Раз есть электричество, дадим тебе комп, — счастливо улыбнулась Вероника. — Я завтра же соберу тебе библиотеку... Не я сама, как, наверное, догадываешься, но есть у меня кого попросить. И тогда уже лекции корифеев в придачу. Видео-лекции!

«Видео-лекции? — сообразила Габи. — Ага-ага! Это же, как фильм, только вместо актера профессор на кафедре!»

— Ну, тогда я еще немного обнаглею, — сказала она вслух.

— Наглей, — с улыбкой предложил Василий.

— Анатомия и физиология человека, болезни, работа мозга.

— Ого! — подняла брови Вероника. — Ты что целительство занимаешься?

— Учусь понемногу, — ушла Габи от прямого ответа. — А еще мне нужны книги по психиатрии и нервным болезням.

— Нейрофизиология, — кивнула Вероника. — И нейропсихиатрия...

[1] Вита (лат. *Vita*) — жизнь.

[2] Интенсивные и экстенсивные величины — две противоположные разновидности физических величин. Величина называется интенсивной, если её значение не зависит от размеров системы — например, температура или плотность. Напротив, экстенсивные величины, такие как энергия и электрический заряд, обычно обладают свойством аддитивности (по массе или объёму), то есть значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин, соответствующих его частям.

[3] Агрегатное состояние вещества — физическое состояние вещества, зависящее от соответствующего сочетания температуры и давления. Изменение агрегатного состояния может сопровождаться скачкообразным изменением свободной энергии, энтропии, плотности и других физических величин. Традиционно выделяют три агрегатных состояния: твёрдое, жидкое и газообразное.

[4] Если кто не видел, рекомендую: «Генри и Джун» (1990) и «Криминальное чтение» (1994).

Глава 8. Декабрь 1939

1. Зандер

Антверпен встретил их холодным дождем: сильный ветер с моря и ледяной ливень с небес. Скверная погода, совершенно неподходящая для авиации. Пилотам удалось посадить самолет только потому, что один из них был магом Воздуха, а другой — Воды. Вместе они совладали со стихией, а, когда «Storm petrel»[1] остановился в самом конце взлетно-посадочной полосы, к нему уже выруливал герцогский кортеж. Машины остановились так, чтобы пассажирам самолета нужно было только спуститься по трапу, а у открытой двери автомобиля, украшенного герцогской короной, их ожидал слуга с большим черным зонтиком. Однако Зандер решил сам позаботиться о своей женщине. Дар стихии Воды — а у него был Борисфен выше девятого ранга, — позволял это сделать с легкостью и изяществом. Поэтому, покинув салон самолета, не только он и Анаис, но также четверо их слуг достигли автомобилей кортежа, что называется, не замочив ног.

— Надеюсь, ты не волнуешься, — шепнула ему Анаис, когда они уже сидели в авто.

— Не более, чем ты вчера, — вернул ей мяч Зандер.

Вчера была ее очередь волноваться, потому что это был ее первый визит в его дом. В родительский дом — палаццо Ноэн, если быть точным. Ну, а сегодня его день, поскольку с ее родителями Зандер тоже прежде не встречался.

— Я вчера... — Улыбнулась ему Анаис. — Ты сегодня... Отец наверняка спросит тебя о том, отчего ты вышел в свет только с началом Турнира.

Это был интересный вопрос. В последнее время его часто об этом спрашивали, но Зандер правду рассказать не мог, — да и не хотел, — и поэтому отделялся шутками. Даже Анаис до сих пор не получила ответа ни на один подобного рода вопрос. Но при этом она согласилась выйти за него замуж, — купила кота в мешке, — и, значит, настало время ей что-нибудь рассказать. Не все, разумеется, и не всю правду, а сильно облегченную версию событий, но все-таки за Зандером рассказ. Так почему бы не сейчас в салоне машины, перед тем, как рассказать эту же историю ее семье?

— Видишь ли, — сказал он, обернувшись к Анаис, — если спросить моих отца, мать и старшего брата, но не так, как это было вчера, — вчера, ты же понимаешь, главное было соблюсти политес, — а в обстановке, располагающей к откровенности, они скажут, что я рос нелюдимым, замкнутым мальчиком. Чурался детских игр, был неприветлив и не обходителен со старшими и в добавок плохо учился. Учеба? Что ж, по общему мнению, я был ленив и несообразителен, можно сказать, туповат... В общем, в какой-то момент, отчаявшись сделать из меня человека, родители махнули на меня рукой и оставили в покое.

— Как-то непохоже на тебя... осторожно заметила Анаис. Похоже, была шокирована его откровениями, но и за правду принять не могла.

— Непохоже? Но так и было, — чуть пожал плечами Зандер. — Вопрос — почему? Но мои мотивы никогда не интересовали моих отца и мать, а вслед за ними братьев и сестер. А суть проблемы сводилась к тому, что мне было просто скучно. Скучно играть в их дурацкие игры, слушать пустопорожнюю болтовню, читать рекомендованные ими книги... Впрочем, это требует объяснения. Видишь ли, Натье, я научился читать сам в возрасте трех лет. Просто следил за тем, как читает нам книжку гувернантка, и понял принцип. Побежал

рассказать об этом матери, но ей было не до меня ни в тот день, ни в последующие дни. Отец же меня выслушал и высмеял, сказав, чтобы я не придумывал. А моему старшему брату было пять, и приставленный к нему наставник еще не начал обучать Валентина грамоте. Представь, он даже не понял, о чем я говорю, потому что твердо знал, что читать его научат через год, когда ему исполнится шесть. Валентин всегда был правильным, делал только то, что разрешено, и только так, как положено. Но я этого тогда не знал и очень обиделся. На всех них... На учителя, который не хотел меня учить, ведь я был слишком мал «для постижения высоких искусств», на гувернантку, не способную ответить ни на один мой вопрос о магии, мире и населяющих его существах... Я обиделся, Натье, и с тех пор никогда не рассказывал им о своих успехах и никогда не демонстрировал им, никому из них своих талантов. А я был, к слову, невероятно талантлив, и захоти они это увидеть, сумеи разглядеть, все могло случиться иначе, но произошло то, что произошло.

Вообще-то, рассказывать было непросто. Если честно, Зандер даже представить себе не мог, насколько мучительно и стыдно рассказывать такое любимой женщине. Ну, пусть даже не любимой, ведь влюбленность еще не любовь, и трезвый расчет весьма далек от чувств, о которых обычно пишут поэты. Но Натье была его невестой и вскоре должна была стать его женой, и рассказывать ей эту постыдную историю было совсем непросто. Но и не рассказать было тоже нельзя. Не понимая его мотивов, его сути, ей будет сложно понять истинный смысл его поступков.

— Приведу пример, — продолжал он тем временем свой рассказ, — как считаешь, что интересного я мог найти в «Рассказах из истории франков», книги, написанной для недалеких умов, да еще и адаптированной для малышей, ведь ко времени, когда мне ее соизволили предложить, я уже прочел, — мне было тогда семь лет, — все двенадцать томов «Великого наследия»? Мне было попросту неинтересно учиться, потому что я все это уже знал, но при этом, как я тебе уже говорил, мне не хотелось рассказывать посторонним о своих резонах и, вообще, что-нибудь кому-нибудь объяснять. Так я получил репутацию глуповатого нерадивого и ленивого ученика. Забавы детей нашего круга казались мне пустыми и детские разговоры — верхом идиотизма. Мне было не о чем с ними говорить и неинтересно проводить с ними время. Угрюмый затворник, нелюдимый отрок... Так я стал аутсайдером.

— Невероятная история, — покачала головой Анаис. — Мне так жаль, Лекс[2], так жаль... А дальше? Что случилось потом?

— В шестнадцать лет меня отправили в провинцию, — продолжил Зандер свой рассказ, благо из аэропорта во дворец путь не близкий, да еще и в непогоду. — Как говорится, с глаз долой, из сердца вон. Но главное, чтобы не стыдиться меня. Ведь юношу, по идее, надо выводить в свет. Сказали, что возникли проблемы с развитием Дара... Это все объясняло и позволяло держать меня в удалении. К слову, они были так добры, что даже не стали выяснять, какой у меня ранг. Им все было понятно и так... Представь, они только два года назад узнали, что у меня Борей девятого ранга. Ближе к десятому, пожалуй, и, если немного поднажму, будет именно десятый, но не суть важно. В применении ко мне никто о таком даже помыслить не мог, и, когда узнали, — да и то только по случаю, — это сало для них настоящим шоком.

— Ты не устала? — заботливо спросил помрачневшую от его рассказа невесту.

— Нет, но... — она прикрыла на мгновение глаза, словно переживая физическую боль, а, открыв, снова посмотрела на Зандера. — Не знаю, чему я удивляюсь. Это так характерно для нашей среды...

— Извини, что перебила, Лекс, — сказала после короткой паузы. — Продолжай, пожалуйста.

— На самом деле, это было чудное время, — улыбнулся Зандер недоверчиво посмотревшей на него Анаис. — Мне было шестнадцать лет. Я жил в старом доме во Франкских Альпах на берегу озера Лак-де-Науссак. Когда-то этот особняк принадлежал моему двоюродному деду, считавшемуся, — если верить семейным преданиям, — большим оригиналом. Не знаю, каким он был на самом деле, — дед умер лет за десять до моего рождения, — но в его особняке я нашел колоссальную библиотеку. Старик не был ученым, но, по-видимому, являлся настоящим энциклопедистом. В его библиотеке находилось множество книг, относящихся к самым разным областям знания, и это, не говоря уже об алхимической лаборатории и большой артефактной мастерской. Коротко говоря, я узнал в те несколько лет так много нового, что оставаться в провинции мне стало попросту невмоготу, и я ударился в бега. Собрал все те деньги, что присылали мне родители, добавил к ним небольшую сумму в золоте, из случайно найденного дедовского тайника, — уж не знаю, зачем старик прятал эти деньги, — и уехал в Гейдельберг. К этому времени я был изрядно образован, освоил основы алхимии, научился чертить и работать руками, применяя тут и там свой Дар. Оказалось, что кроме Воды я могу довольно прилично оперировать магией Воздуха — Мельник, седьмой ранг и Земли — Лозоходец, шестой уровень силы. С этим можно было многого достичь, но, прежде всего, я хотел учиться. Выправил себе левые документы на имя Иеронима фон Берлинга и поступил в Гейдельбергский университет. Через три года я защитил магистерскую диссертацию, а спустя еще два года — докторскую. С тех пор я занимался только наукой, поэтому никогда не появлялся при дворе и, вообще, в светском обществе. И все это продолжалось до тех пор, пока Эва Сабиния не объявила Турнир.

— Ты так хотел на ней жениться? — удивилась Анаис.

— Нет, я так сильно хотел попасть в императорскую сокровищницу, в которой кроме золота и драгоценностей хранятся редчайшие книги, каких нигде больше не найдешь.

— Ты сумасшедший!

— Есть такое.

— Моим родителям об этом не рассказывай! — обдумав услышанное, постановила Цикада империи. — Просто ученый. Этого достаточно. Про Гейдельберг можешь рассказать, про остальное — не надо. Про Турнир скажи, что поспорил с братом, что справишься, тем более, что твой отец рассказывал мне вчера именно такую историю. И не говори, что никогда не умел танцевать или ездить верхом. Умел, но не показывал!

— Это ты, о чем? — нахмурился Зандер.

Эту часть истории он Анаис рассказать пока не успел и даже не знал пока, как будет рассказывать.

— Про твою способность перенимать навыки, — улыбнулась женщина. — Полезный талант, что тут скажешь? Но лучше о нем не распространяться.

— С чего ты взяла, что я могу... Как ты сказала, перенимать навыки? — И в самом деле, как узнала? Откуда взяла.

— Только не говори, что это не так! — возразила женщина. — Я точно знаю, и это многое объясняет.

— Допустим, — не стал спорить Зандер. — И все-таки, кто тебе это сказал?

Сейчас было не время играть в молчанку, куда важнее было узнать, откуда у Анаис эта

информация, и кто еще об этом знает.

— Анна Мария, — ничуть не смутившись, ответила Анаис.

— Ты имеешь в виду баронессу де Сегюр? — на всякий случай уточнил Зандер.

Он помнил, что в качестве подозреваемого в телепаты, Габриэлла назвала как раз шевалье Рене де Марбёф — жениха этой самой Анны Марии.

— Ну, да! — подтвердила невеста.

— А она откуда знает? — закономерный вопрос, не правда ли?

— Я ее тоже об этом спросила, — еще шире улыбнулась Анаис. — Она, знаешь ли, случайно проговорилась. Была навеселе, вот и сказала к слову. А я ее возьми и спроси.

— Что она ответила?

— Сказала, что это конфиденциальная информация, которой поделился с семьей ее отец — барон д'Эрваль. Ты, может быть, не знаешь, но заместитель председателя Дворянской ложи.

«Похоже, Габи все-таки ошиблась, — сделал Зандер мысленную зарубку. — Не Рене де Марбёф, а его будущий тесть — барон д'Эрваль».

Кем бы ни был барон, какое бы высокое положение он ни занимал в Дворянской ложе, знать про этот специфический талант Зандера он не мог. И причина этому была проста и очевидна: Зандер никогда не регистрировал этот Талант в ложе. И в роду у него, — во всяком случае, в последних пяти поколениях, — такого Дара ни у кого не было. Так что и угадать, что он способен перенимать моторные навыки, никто не мог. Те же, кто видел его за работой, мало того, что дали обет молчания, не знали, как называется этот Талант. Зандер это и сам узнал совсем недавно, каких-то два года назад, да и то практически случайно. Редкий, вернее, очень редкий Талант, о котором не то, что простые смертные, но и большинство аристократов никогда не слышали. И вдруг такое точное определение, которое не так уж сложно было достать прямо из его собственной головы.

2. Габи

В субботу Сковья завершил занятие на два часа раньше обычного и, оставив Габи одну где-то в «дебрях севера», «ушел» по своим делам. Вряд ли он решил ее угробить, обрекая на голодную и холодную смерть где-то в Хибинах между Апатитами и Коашвой[3]. Скорее всего, имелись в виду два наиболее очевидных варианта развития событий. В первом случае, она сама построит портал, — если все-таки умеет это делать, — и вернется в особняк Суворина. Во втором — доберется до ближайшего населенного пункта, на что уйдет, конечно, время, но колдунам на то и дана магия, чтобы решать насущные проблемы: костер, скажем, развести, животину съедобную приманить, а несъедобную отогнать, и все прочее в том же духе. Ну а карта местности была записана в ее собственном телефоне. Читать умеет, значит, разберется.

Обдумав возникшую ситуацию, Габи решила не множить сущности[4] и, построив портал, перешла напрямик в свою комнату в доме Суворина. Сбросила полушубок, в котором выходила на занятия «в поле» и, спустившись вниз, в гостиную, где обычно проводила вечера, — одна, но чаще в компании Вероники и Василия, — самостоятельно запустила кофе-машину и, немерено гордясь своим успехом, сварила чашку кофе. В комнатах этой части дома никого сейчас не было, но в три часа дня, по идее, и не должно было быть. Поэтому, устроившись в кресле, Габи закурила и включила телевизор. Однако насладиться «*миром завтрашнего дня*» у нее не получилось. Позвонила Вероника и сходу

спросила:

— Ты где?

— В доме твоего дяди.

— Значит, сама добралась?

— А ты откуда знаешь?

— Твой дед сказал, что или получится, или нет, — объяснила Вероника, — и, если да, то ты уже дома. Вот я и позвонила. А то вдруг надо вертолет на твои поиски высылать.

— Вертолет не нужен, — улыбнулась Габи. — Я в полном порядке. Пью кофе, смотрю телевизор.

— А, ну да, ну да, — задумалась девушка *«на другом конце провода»*.

— Как смотришь на то, чтобы пообедать в городе, а после прошвырнуться по значным местам Санкт-Петербурга? — спросила через пару мгновений.

— А не рано ли для значных мест? — осторожно уточнила Габи.

— А это смотря, что за места, — хихикнула Вероника и сразу же добавила:

— Не бойся, Габи, к шлюхам я тебя точно не поведу!

— Да, я, к слову, не против, — хохотнула в ответ Габи, у которой уже девять дней не было секса. Так что покувыркаться с красивой женщиной показалось ей сейчас не самой плохой идеей. С мужчиной, впрочем, тоже. Тем более, что магия, как здесь говорят, рулит. Ни залететь, ни заразиться какой-нибудь гадостью ей не грозило. Что есть гуд, как опять же говорят местные.

— Это ты, о чем? — не поняла ее Вероника.

— О блядях, — честно ответила Габи, иногда путавшаяся в синонимах нового для нее языка.

— Э... — раздалось в трубке.

— Я что-то сказала не так? — озаботилась Габи.

— Слово грубоватое, — объяснила ей собеседница. — Нет, по смыслу все правильно, но лексически...

— Неприемлемо, — подсказала Габи.

— Ну, не то, чтобы совсем уж неприемлемо...

— Я поняла.

— Но по сути вопроса, если нужна девушка, устроим, — встрепенулась где-то там Вероника. — Тебе на время или на всю ночь?

— Я пошутила, — сдала назад Габи.

В конце концов, не сексом единым жив человек. А дня через четыре, максимум — через пять, они все равно вернутся домой, и, если уж ей так захотелось девушку, то принцесса будет только рада.

— А, ну ладно, тогда, — судя по интонации, ее собеседница пожала плечами, хотя ничего толком не поняла. — Но, если вдруг, есть к кому обратиться. И выбор, говорят, такой, что даже у султана в серале такого не было.

— Спасибо, но обойдусь.

— Как скажешь, — тут же отступила Вероника. — Тогда, седлай Козлевича, и двигайте на Каменноостровский в «Черный прилив». Он знает. Буду ждать тебя там.

Отчего все в доме, — имея в виду Василия и Веронику, — называли Егора Петровича Ивановна Козлевичем, Габи пока не знала. И спросить было как-то неловко. Но именно он был сегодня дежурным водителем, заодно выполнявшим функцию телохранителя. Не то,

чтобы Габи нуждалась в бодигарде, но даже ей, — на самом деле, ей в первую очередь нужен был кто-то, кто при необходимости «разрулит» ситуацию, не прибегая при этом к использованию огнестрела. Магия в этом случае являлась аналогом тяжелой артиллерии.

«Черный прилив? — Прислушалась Габи к названию. — Наверное, ресторан».

Но, если это был ресторан, то одетой кое-как туда не пойдешь.

— Дресс-код? — задала Габи уточняющий вопрос.

— После пяти[5], - коротко бросила собеседница и дала отбой.

Самое смешное, что, вырвав из местного эгрегора сразу два языка — релевантных, как позже выяснилось именно для этой географической зоны, — русский и английский, Габи получила вместе с ними и тот культурный слой, в котором они существовали. Это было похоже на то, как извлекают из земли растение с корнями. Чем более разветвленной окажется корневая система, тем больше останется на ней земли. Не все культурные особенности социума, в который попала сейчас Габи, были ей понятны, но знать она их знала и, как минимум, умела ими пользоваться. А что касается дресс-кода, то это был как раз один из тех моментов, которые были ей хорошо известны и понятны, поскольку существовали не только здесь, но и «там», то есть в империи франков.

Переодевшись и набросив, не застегивая, меховое пальто, Габи села в машину, — тяжелый внедорожник фирмы «Ленд ровер», — и отправилась на поиски приключений. Но кто ищет, тот и находит. Не всегда и необязательно, но все-таки случается. Однако на этот раз ей даже искать не пришлось, приключения нашли ее сами. Впрочем, случилось это несколько позже, уже после того, как они с Вероникой и Василием отобедали в «Черном приливе», оказавшемся довольно приличным рестораном и хорошо покуролесили, пройдясь тайфуном по барам, ночным клубам и тусовкам золотой молодежи. Как оказалось, Вероника давно уже хотела показать гостю из иного мира значные места Северной Пальмиры, и показала, да так, что даже Габи «включилась». Расслабилась, наконец, растворяясь музыкальных ритмах нового дивного мира, ароматах эксклюзивных французских духов и не менее элитных коньяков, почувствовала на губах сладость греха, не совершив при этом ни одного опрометчивого поступка, и продолжала плыть по волнам изысканного гедонизма[6] даже оказавшись в салоне везущего их всех домой роскошного автомобиля. Вот тогда все, собственно, и случилось.

Габи ощутила укол нешуточной тревоги, — практически предчувствие неминуемой гибели, — и разом выпала из состояния довольства, спустившись с небес на грешную землю. Первым делом, еще не зная, что там и как, она сожгла весь оставшийся в ее организме алкоголь. Вторым «движением», волной чистого Духа, очистила сознание и вызвала в себе искусственный скачок энергии, переходя из состояния блаженной расслабленности в холодное бесчувствие боевого транса. Потом хотела было бросить поисковую сеть, но в мире, где магии так мало, что даже плакать хочется, сеть хоть и сплелась, но оказалась недостаточно сильной. Бросать ее было бессмысленно, все равно никуда не улетит. С этим не вышло, но зато в голову Габи пришла наконец правильная идея. Там, где буксует обычная человеческая магия, сила народа джа продолжает работать, как ни в чем ни бывало. А Габи сейчас уже знала, что это такое — магия джа. И не просто знала, но и умела ею управлять.

— Василий, — позвала она. — Ты действительно пьяный или претворяешься?

— Сейчас, — сказал в ответ он. — У меня таблетки...

— Не надо, — остановила его она и отрезвила сначала Василия, а потом и Веронику, слегка обалдевшую от такого резкого перехода из одного состояния в другое.

— В трех километрах впереди засада, — сказала она, глядя своим вымораживающим взглядом в глаза разом протрезвевшей девушки. — Снайпер, несколько стрелков и ручной противотанковый гранатомет.

— Там, — указала она рукой влево, — два вертолета. — Будут нас убивать.

— На кого охотятся, не знаешь? — подался к ней Василий. — На Веру или на тебя?

— Не знаю, — отмахнулась Габи от неуместного вопроса. — Вас спасти или как?

На самом деле, она бы их спасла в любом случае, но неожиданно захотелось покуражиться. Причем так сильно, что она сама не на шутку испугалась. Возможно, в ней просыпался темный охотник. И это было более, чем скверно. Это было попросту ужасно.

— Можно развернуться, — неуверенно предложила Вероника.

— Вертолеты нас не отпустят, — поморщился Василий.

— Сзади нас догоняет несколько автомобилей с вооруженными людьми, — уточнила Габи.

— Вот черт! — расстроилась Вероника. — Моих сил хватит только, чтобы прикрыть нас от обычного огнестрела. Гранату я не удержу. Снайперку, если это что-то крупнокалиберное, тоже.

— Я прикрою, — успокоила ее Габи. — Но без спецэффектов. Не надо нам светиться перед всеми сразу.

— Теперь не мешайте, — сказала уверенно. — Сейчас будет неприятно...

Неприятно — это слабо сказано. Габи такого еще не делала и о побочных эффектах знала только теоретически. Да и то, чай, не по учебнику и не из рассказов Сковьи. Сама вычислила и представила, и сейчас готовилась проверить на практике не только силу своей новой магии, но и силу интеллекта, способного, как думалось, видеть будущее.

«Начали!»

— Козлевич! — окликнула она водителя. — Чтобы ни случилось, езжай не сворачивая. Только по шоссе. Ты понял?

— Так точно, мадемуазель! — неожиданно по-военному ответил водитель.

— Так держать!

За прошедшие с первой ее реплики девяносто три секунды Габи сплела портал «Локального действия». Как ни странно, порталы, позволявшие совершить переход на короткую дистанцию, потребляли практически столько же сил, что и порталы «Дальних переходов». В чем там дело, Габи не знала. Ей теорию никто не преподавал, да и сама она, — даже если бы могла и умела, — построить новую просто не успевала физически. Разве что, вывела для себя несколько правил и дала некоторым эффектам свои названия.

Итак, она сплела портал и бросила его вперед на дорогу где-то в полукилометре от засады. Визуально, в свете фар он выглядел, как возникший вдруг из неоткуда клочок густого тумана.

— Вперед! — подхлестнула она Козлевича и разом активировала портал.

Вот тут и дали себя знать побочные эффекты: мгновенные судороги, прокатывавшиеся по телу, удары то горячего, то ледяного ветра, приходившие то с одной стороны, то с другой, — сверху, снизу, спереди или сзади, — а еще головокружение и дезориентация, и тошнота до кучи. В общем, не хило так приложило. Хорошо хоть, что Габи, привыкшая уже к такого рода испытаниям, не потеряла контроль над ситуацией, и, сообразив, что Козлевич в таком состоянии руль не удержит, удержала его ногу на педали газа и руки на оплетке руля. Несложное действие, как оказалось, но работать с тонкими гравитационными потоками ей

раньше тоже не приходилось. Так что это был еще один вынужденный эксперимент, но прошел он, к счастью, нормально. Внедорожник пронесся последний отрезок пути по прямой, нырнул в туман и вынырнул, потеряв скорость, на подъездной аллее дома Суворина, метрах в двадцати от парадного крыльца.

— Приехали! — с облегчением выдохнула Габи. — Теперь можно поднимать тревогу.

[1] Storm petrel — буревестник.

[2] Лекс — уменьшительное от Александр в нидерландском языке.

[3] Апатиты — город в Мурманской области России. Расположен на Кольском полуострове, между озером Имандра и горным массивом Хибины на левом берегу реки Белая.

Коашва — населённый пункт в Мурманской области России.

[4] Бритва Оккама — методологический принцип, в кратком виде гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости»).

[5] После пяти — After Five (A5). Мероприятия: любое вечернее мероприятие, начинающееся после 17:00. Женщинам: коктейльное платье, вечерний наряд, топ и юбка, нарядный костюм с юбкой или брюками, туфли на каблуке.

[6] Гедонизм — аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной (то есть, конечной) ценностью (тогда как все остальные ценности являются инструментальными, то есть средствами достижения удовольствия).

***

Остаток ночи и всю первую половину следующего дня они просидели в осаде. Даже Сковья согласился, что пока Суворин не «разрулит ситуацию», покидать охраняемую территорию не стоит. Сам, впрочем, ушел. Построил очередной портал и исчез. Габи с собой не позвал, — мол, у него свои дела, — и она на целый день зависла с Вероникой. Однако сначала был, как выразился хозяин дома, геволт[1], аврал и набат. Набежали какие-то спецназовцы, прилетели вертолеты, машины с мигалками заполонили двор. Даже два броневика притащились и взяли на прицел, подъезды к особняку. В общем, было на что посмотреть, но история продолжения не имела. Никто ни на кого больше не нападал, полиция клятвенно обещала разобраться, но Василий демонстрировал откровенный скепсис.

— Не их уровень, — резюмировал он для девушек. — Если кто и сможет разобраться, так это Максим Тимофеевич. Но это по-всякому не сегодня и даже не завтра. Такие дела быстро не делаются. Надо найти нужных людей, перетереть, то да се... В общем, возьмет время.

Он был прав, разумеется, но неизвестность тревожит. И, если Габи было не о чем беспокоиться, — она от любой атаки отбилась бы на раз, — для Вероники это приключение без последствий не обошлось. Ведьма или нет, — а здесь магесс чаще всего называли именно ведьмами, — Вероника оставалась молодой, неискушенной в жизни девушкой, лишь недавно присоединившейся к своему весьма непростому дядюшке, и вследствие этого оказавшейся едва ли не на передовой. То есть, там, где пули не понарошку свистят. Однако раньше, это было для нее чисто умозрительное знание. Сегодня же она на практике познакомилась с изнанкой жизни «богатых и знаменитых», и это ее напугало по-настоящему. Так что ее «неожиданное» появление в своей спальне Габи не удивило. Боевой стресс, как она знала из литературы, довольно часто пробивает на секс.

Итак, было три часа ночи. Вокруг особняка по-прежнему сновали люди, множество людей. Там было оживленно, шумно и светло из-за включенных парковых фонарей. Впрочем, в доме тоже было светло: свет включили едва ли не во всех комнатах, но девушек это не касалось. Их опросили по-быстрому следователь прокуратуры и какая-то дамочка из организации без названия, перед которой, однако, тянулись и прокурорские, и полицейские, и отпустили с богом, поскольку по легенде они ничего не знали, никого не видели и ни о чем не слышали. Гребаных ассасинов засекла служба безопасности холдинга, но, к сожалению, вспугнула. Вот и все, что «знали» девушки. Это не противоречило их статусу богатых дурёх, возвращавшихся домой из загула, и вскоре обе две ушли спать.

Габи приняла душ, подумала мгновение над тем, одевать ли пижаму, и решила не надевать, поскольку ожидала гостью. Из тех же соображений она не стала запирать на замок дверь. Легла под одеяло, закурила и приготовилась ждать, однако ждать долго не пришлось. Кто-то тихий, но отнюдь не эфемерный, приблизился к двери со стороны коридора, осторожно попробовал повернуть бронзовую ручку и, преуспев, отворил дверь. Окна в спальне были плотно зашторены, но в комнате было достаточно светло, потому что, во-первых, был разожжен камин, и пламя, чуть потрескивая, танцевало на красновато-оранжевых ольховых поленьях, а, во-вторых, Габи оставила включенным прикроватное бра. Поэтому Веронику она видела хорошо, рассмотрев все детали и даже мысленно хмыкнув на

этот счет. Девушка была в короткой и наверняка прозрачной ночнушке и в еще более коротком, — максимум до середины бедер, — но чуть более плотном шелковом халатике. В руке она держала бутылку коньяка. И Габи даже удивилась ее выбору.

«Отчего не шампанское? — подумала она мимолетно, рассматривая ночную гостью. — Будем напиваться?»

— Не спишь? — спросила Вероника шепотом.

— Не сплю, — подтвердила Габи. — Тебя жду.

— Серьезно?

— Нет в шутку! — хмыкнула Габи и добавила:

— Дверь закрой, пожалуйста. Мы больше никого не ждем.

Она уже поняла, что Вероника Акиньюшина *«не из этих»*, но, нанервничавшись из-за покушения, наверняка захочет попробовать, тем более, что разговор на эту тему имел место быть как раз перед обедом в «Черном приливе». И сама Габи тоже не возражала сбросить пар, — но кувыркаться со случайным любовником не хотела, — женщина в этом случае была предпочтительнее. Так что одно к одному. И вечер скоротать, и дружбу укрепить, и себя любимую побаловать.

— Выпьешь? — спросила между тем Вероника. Закрыв дверь, она пошла к кровати каким-то сложным зигзагом. Похоже, все еще не зная толком, куда идти, что говорить и что делать.

«И хочется, и колется, и мама не велит, — усмехнулась мысленно Габи. — А кстати, что у нее с мамой и папой? Дядя точно есть, младшая сестра, вроде бы, тоже. И это все?»

— Выпью, — улыбнулась она Веронике. — Да, не робей, Вера! Иди ко мне под одеяло.

— Вот так сразу?

— Отчего же сразу, — еще шире улыбнулась Габи. — Можешь сначала раздеться. Я бы посмотрела, тем более, что есть на что, но, если ты стесняешься...

— Не стесняюсь! — Вероника подошла к кровати, поставила бутылку на прикроватную тумбу и, гордо вздернув подбородок, начала раздеваться.

Ну, ей, собственно, предстояло снять с себя всего две вещи: схваченный пояском запашной халатик и ночнушку. Но, надо сказать, это оказалось весьма возбуждающим действием, поскольку племянница Максима Суворина раздеваться, оказывается, умела на ять. И делала это не менее артистично, чем стриптизерши в ночных клубах Лиона. Без музыки, правда, но зрелище все равно оказалось более, чем впечатляющим, тем более, что у Вероники действительно было на что посмотреть. У девушки была отличная фигура, длинные ноги и плоский животик, и, как вишенка на торте, впечатляющая грудь при общей subtilности организма.

«Полноценный «Си»[2], - отметила Габи. — И зад аккуратный, и вообще...»

— Ты красивая, — сказала она вслух. — Хотела бы я иметь такую грудь.

— Завидовать вредно! — парировала гостья. — И кстати я тоже не против взглянуть.

— Было бы на что смотреть! — откинула Габи край одеяла.

Грудь у нее была маленькая, во всяком случае, при ее росте размер «Би» смотрелся не лучше иного «Эй».

— Дура! — ответила ей Вероника. — Сама не знаешь, что несешь!

— Комплимент засчитан! — улыбнулась Габи, которая на самом деле себя некрасивой уже не считала. Теперь она смотрела на себя совсем другими глазами и понимала, в принципе, что увидел в ней тогда, — при первой встрече, — Трис. И что в ней привлекало

взгляд Эвы Сабинии и некоторых других девушек, она знала тоже. Впрочем, мужчинам, — тому же Гийому, — она нравилась ничуть не меньше. Во всяком случае, заводился он по всем признакам по-настоящему. Ну, а наготы она не стеснялась в принципе. Золотой человек отучил ее от излишней скромности раз и навсегда.

— Если насмотрелась, — хмыкнула Габи, дав Веронике время освоиться, — давай, детка, залезай под одеяло. И тащи сюда свою бутылку!

— Ой! — сказала вдруг ночная гостя. — Я ее откупорить забыла.

— Не беда! — Габи напряглась, подхватывая бутылку гравитационной петлей, притянула к себе, выдрала пробку, создав область вакуума над ней, и тут же приложила к горлышку.

Коньяк оказался очень хорошим. Букет, аромат — все, как надо, и Габи, собиравшаяся сделать всего один скромный глоток, сделала вместо этого три.

— Великолепный напиток! — передала она бутылку Веронике, успевшей между делом лечь рядом и подтянуть одеяло, накрывая себя и Габи. Все-таки, как ни тепло было в комнате, психологически трудно было отрешиться от того, что за плотно зашторенным окном — зима.

3. Трис

Сказать по правде, он порядком волновался. Вся эта история с *разделенными джа*, их особой магией и происхождением самой девушки казалась ему слишком вычурной, чтобы быть правдой. Но факты упрямая вещь, и все, что он до сих пор узнал об Источниках и «волках», говорило в пользу реальности того, о чем рассказывала ему младшая сестра. К слову сказать, информация о ее происхождении многое объясняла, как в его, возможно, отнюдь неслучайном выборе, так и в том, как отнесся к Габи их Золотой человек. Наследственность, и вообще-то, является серьезным фактором, недаром же маги так увлечены своими родословными. Генетические исследования находятся пока, правда, в самом начале пути, но интуиция ученого подсказывала Трису, что развитие новой науки может привести к замечательным результатам. Это и еще, разумеется, то, что благодаря Габи, их клан стал обладателем по-настоящему сокровенного знания, вселяло в него гордость. Но одновременно порождало тревогу.

Трис беспокоился о Габриэлле. За эти месяцы она стала его сестрой не только по формальным признакам. Он, как ни странно, проникся к ней уважением и, пожалуй, даже любовью. Она была дорога ему, и он не мог не беспокоиться, зная с визитом к кому она сегодня отправилась. В этом смысле, он слишком мало знал о волках, чтобы понять, чего добивается ее родной дед. Сковья был чужд всему человеческому, а значит, было крайне сложно, — если возможно вообще, — предугадать ход его мысли, его мотивы и планы. Оставалось надеяться на удачу и на то, что Габи только выглядит юной девушкой, являясь, на самом деле настоящим бойцом. Умная, сильная и волевая, она, по идее, должна была справиться и с этим вызовом. И все-таки, все-таки... После всего, что они уже пережили, как семья, не волноваться о ней он просто не мог. И поэтому, занимаясь теми или иными вопросами, — встречаясь с людьми и изучая документы, — подспудно он все время отслеживал ситуацию, готовый к моментальной реакции на любой вызов.

Однако время шло, и ничего не происходило, и главное — Трису было крайне сложно решить, сколько времени Габи может провести в гостях у Сковьи. Разговор по душам и, тем более, серьезный «разбор полетов», — еще одна вырванная из контекста фраза,

принадлежащая его забытому прошлому, — могли занять и час, и три часа и даже весь вечер и всю ночь. Иди знай, как повернется разговор. Может быть, щедрый дед раскроет перед своей внучкой такие глубины мудрости и сокровищницы знания, что ей и не захочется уходить. Но могло случиться и по-другому, поскольку намерения волка были неясны, а сам он представлялся весьма опасным контрагентом.

Итак, время шло, и вечер уже вот-вот готовился превратиться в ночь, а Габи все еще не появилась в палаццо Коро и даже не позвонила. Неведение угнетало, но и вмешаться было нельзя. Не мог Трис отправиться по известному адресу, и позвонить в этот отель тоже не мог. Правила хорошего тона не оставляли ему выбора. Он мог только ждать. И он ждал, но, к счастью, в двенадцатом часу вечера Габи позвонила сама и, коротко сообщив, что едет домой, дала отбой.

«Что ж, — с облегчением выдохнул Трис, — по крайней мере, она жива. Послушаем теперь ее рассказ».

Однако в следующее мгновение он осознал странный факт. Тревога, сопровождавшая его в течении всех этих долгих часов, возникла не на пустом месте. Вернее, именно из-за чувства «пустоты» она и возникла или, вернее, усилилась. Сейчас, когда он говорил с Габи, но, скорее всего, чуть раньше, где-то, наверное, за четверть часа до того, как она телефонировала домой, «пустота» закрылась, и его отпустило. Это было какое-то совершенно новое ощущение. Что-то, с чем Трис никогда прежде не сталкивался. Сначала возникновение чувства «пустоты», — он просто не мог пока подобрать лучшего определения, — а затем «исчезновение» этого чувства, словно бы, там, где только-что чего-то не хватало, все стало, как всегда. Учитывая временной фактор и сопутствующие ему обстоятельства, связано это могло быть только с Габи. И единственной здоровой идеей, которую выдал на-гора мозг Триса, было предположение, что Скосья каким-то образом может «экранировать» Габи, как бы вырывая ее из их общего пространства. Но, если это так, то следовало предположить, что превращение девушки в его младшую сестру породило некую внечувственную связь между ними двумя. Просто в обычных обстоятельствах он чувствовал ее присутствие постоянно и, соответственно, не обращал на это внимания, привыкнув к этому ощущению, как к некой неизменной составляющей его внутреннего мира. Но стоило ей исчезнуть из зоны его восприятия, как он ощутил тревогу, еще не сознавая, что все дело в «пустоте», возникшей там, где должна была находиться Габи.

«Любопытное открытие, — констатировал Трис. — Вернее, сразу два открытия. Во-первых, мы с ней теперь связаны, но природа этой связи мне неизвестна. А во-вторых, волки, ну или, по крайней мере, один из них, способны разрывать эту связь. И что это за способность такая, я тоже не знаю».

Да, здесь явно было, о чем подумать, но, разумеется, не сейчас, когда он ждал возвращения сестры. И она, к слову сказать, не заставила себя долго ждать. Заявилась буквально через полчаса и сразу же, не раздеваясь, направилась в кабинет Триса. Он легко отслеживал ее перемещения по палаццо, — в своем доме магия позволяла ему и не такое, — и определил с точностью до мгновения тот момент, когда она аккуратно постучала в дверь, и, открыв ее, вошла в кабинет.

— Привет! — сказала, чуть улыбнувшись и снижая этим эффект своего несколько легкомысленного и совсем неформального обращения к брату.

Поставила на пол принесенный с собой большой кожаный баул и стала снимать пальто. В отношениях наедине она не терпела, чтобы он помогал ей с верхней одеждой. Такой вот

всплеск самостоятельности.

— Рад, что ты наконец вернулась, — испытующи посмотрел на нее Трис.

Он пытался уловить сейчас ее настроение и понять, что в ней изменилось за несколько прошедших с их последней встречи часов. Что-то точно изменилось, но что?

— Волновался? — спросила между тем Габи, небрежно кинув пальто на один из поставленных у стены стульев. — Тревожился?

— Не без этого, — ответил Трис, переключившись с ее непонятого настроения, — то ли возбуждена, то ли, напротив, пытается скрыть навалившуюся вдруг усталость, — на ее весьма оригинальный внешний вид.

Одета Габи была более чем странно. Коротковатые, — едва достигающие щиколоток, — брюки черного цвета, неприлично обтягивающие красивые длинные ноги. Светло-коричневые полусапожки на высоком тонком каблуке, какая-то необычного кроя белоснежная кофта из плотного трикотажа или чего-то вроде этого и расстегнутый длиннополый кожаный пиджак бутылочного цвета.

— Нравится? — спросила, поворачиваясь на месте, чтобы продемонстрировать себя со всех ракурсов.

— Нравится, — должен был признать Трис.

Это было странно, поскольку не соответствовало ни общепринятому стилю женской одежды, ни нынешней имперской моде, но при том не казалось Трису чужеродным. Он, словно бы, уже видел такое. Когда-то, где-то, возможно, в другой жизни.

«Любопытный феномен! Узнавание без узнавания».

— Садись! — кивнул он на ее обычное место. — Рассказывай!

— Первое и главное, — сказала Габи, устроившись в кресле. — То, о чем вы говорили с Зандером, возможно. Другие миры действительно существуют, и волки умеют между ними «ходить». Строят, знаешь ли, порталы, — их магия это позволяет, — и переходят туда, куда хотят. Сковья взял меня в один из таких миров. Время там идет быстрее. Мы провели в том мире пятнадцать дней, а здесь прошло только шесть часов.

— Другой мир? — переспросил потрясенный ее сообщением Трис. — Ты уверена? Может быть...

— Уверена, — перебила его Габи. — У нас никто не способен сделать такое.

С этими словами она достала из кармана что-то невероятно элегантное, серебристо-черное размером с женскую записную книжку из тех, что носят с собой в кармане жакета. Это явно был какой-то электрический прибор, — Трис улавливал в нем очевидную, пусть и крайне слабую электрическую активность, — но таких миниатюрных изделий неизвестного назначения здесь, в этом мире никто делать не умел, и это неоспоримый факт.

— Красивая игрушка, — сказал, беря прибор в руки. — Легкая, элегантная...

«Телефон? — вдруг вспомнил он назначение этого прибора, не понял, что было бы понятно, но именно вспомнил. — Это телефон?»

— Что это? — спросил вслух, боясь услышать подтверждение своей догадке и отчаянно надеясь его получить.

— Это, Трис, представь себе, телефон, — без тени сомнения объяснила сестра. — Беспроводная связь и практически на любые расстояния.

«Не ошибся... Телефон», — Он еще немного повертел игрушку в руках и оживил ее нажатием на какой-то крошечный выступ. То ли интуиция подсказала, то ли случай вышел, но экран, словно бы это был такой миниатюрный телевизор, вдруг засветился, явно

оповещающая о том, что телефон включился. Впрочем, через какое-то довольно короткое время прибор объявил, — на самом деле, написал четкими белыми буквами на темно-сером поле крошечного экрана, — что не может найти сеть. Любопытно, что Трис эти слова, написанные кириллицей, прочел и понял, хотя видят боги, не знал ни одного славянского языка.

— Ты знаешь, что это за язык? — вскинул взгляд на Габи.

— Знаю, — кивнула сестра. — Это русский. Я была в России, Трис. Только там Россия не империя, а республика.

«Значит, в прошлой жизни я знал русский язык, — привычно «записал» Трис в своей памяти. — И таким телефоном умел пользоваться...»

— Вот как... — сказал вслух. — И зачем же Сковья потащил тебя в такую даль?

— Учил пользоваться их магией, раз уж она у меня теперь есть.

И она начала рассказывать ему такое, что, не зная он с кем имеет дело, решил бы — выдумывает. Но это была Габи. Э клана Мишильер. И она никогда ничего не выдумывала. Могла умолчать и, наверняка, рассказывала ему сейчас отнюдь не все, что знала, что увидела там, за гранью, что поняла и что почувствовала. Но врать она бы ему не стала. Раньше не врала, и сейчас тоже говорила правду.

«Как там у римлян? *Правду, ничего кроме правды...* Такая уж она... моя сестра».

— Постой, — остановил он ее рассказ, стремительно усваивая новую информацию и процеживая ее через фильтры первичного осмысления. — На каком языке вы общались? Они что, знают франкский? Или, может быть, германский? Как ты с ними говорила?

— Там наш язык называют французским, — невпопад ответила Габи. — Немного отличается от нашего... Ну, ладно, уговорил! Довольно сильно отличается! Как овернский диалект от окситанского. Но понять все-таки можно. Не все, но кое-что...

— Я спросил тебя о другом!

— Мы говорили на русском, — нехотя призналась Габи, подтверждая подозрение, что рассказывает она отнюдь не все, хотя мотивы умолчания были не всегда очевидны.

— Откуда ты знаешь русский язык? — решил дожать Трис, почувствовавший, что за словами Габи скрыта тайна, спрятанная в другой тайне.

— Выучила...

— За пятнадцать дней?

— Вот же ты настырный какой, — поморщилась девушка. — Ну, да Зевс с тобой, Трис! Я украла его у местного эгрегора...

— У кого? — не понял ее Трис.

— Ты ведь знаешь, что такое эгрегор?

— Я-то знаю... Постой! — сообразил вдруг Трис. — Ты хочешь сказать, что вошла в плотный контакт с эгрегором этих... Кто они кстати?

— Русские в большинстве, — пожалала плечами Габи. — Страна Россия, и эгрегор, скорее всего, именно этой их России. Про контакт ничего не скажу. Сама еще не поняла, как это у меня получилось. Было ощущение отчаяния от того, что я их не понимаю, беспомощности. Чужой мир, незнакомые люди, язык, культура... Плюс отсутствие магии.

— Что значит, отсутствие магии? — уточнил, насторожившись, Трис, ведь, судя по всему, мир из которого его выдернул Август Перигор-Мишильер был тоже лишен магии. Во всяком случае, наличие магии в этом мире его тогда сильно удивило.

— Ну, не то, чтобы совсем лишен, — поморщилась Габи. — Кое-что все-таки есть, но

очень мало. Колдовать там сложно.

— Что значит, сложно? Каковы ограничения? — Трис был ученым-магом, и эта тема просто не могла оставить его равнодушным.

— Ограничения... — как бы, размышляя вслух, повторила за ним Габи. — Скажем так, серьезные ограничения, Трис. Я все-таки, как ни как, Дракон в стихии Огня и сильная Фея-Сильфида[3] или даже Tempestas[4] в стихии Воздуха. И я не могла бы вызвать там нормальную бурю или поставить настоящую стену огня. Опустилась в силу на нижнюю границу посредственности. Пятый-шестой ранг от силы. Теперь понимаешь, почему я психанула?

— Понимаю.

— Ну вот, — продолжила Габи. — У меня случилась истерика, как я понимаю. Буря эмоций... И все отрицательные, если ты понимаешь, о чем речь. И еще желание, необходимость, острая потребность. Но это я уже потом поняла, когда посмотрела на ситуацию и свое состояние обратным взглядом... А тогда... Тогда, Трис, я что-то такое сделала с перепугу, что вокруг заглохли автомобильные моторы и исчезло электричество. Я остановила все движение на большом проспекте и обесточила довольно немаленький жилой район. А у них там электричества много, буквально везде... В общем, устроила им локальный Армагеддон, а когда пришла в себя... Забытье было недолгим. Максимум минута. Но, когда я пришла в себя, я уже знала и русский, и английский языки и все культурные «довески», связанные с использованием этих языков. Похоже на то, что сделал тогда со мной наш Золотой человек, только на этот раз я все это проделала сама. Raz i vsë!

— Ну-ка, повтори! — резко отреагировал на ее последние слова Трис.

— Раз и все!

— Нет, не так. Скажи, как сказала прежде!

— Raz i vsë! — пожав плечами, повторила Габи.

«Значит, я действительно знаю... Нет, скорее, знал когда-то русский язык!»

Он так и не смог перейти мысленно на этот язык, но вот письменную фразу про сеть и эти вот слова Габи понял правильно.

«А сеть, — вспомнил он вдруг, — это что-то вроде зоны приема, как у радиостанций...»

— Расскажи мне, пожалуйста, всю эту историю про эгрегор по-русски, — попросил он.

— Как skazhesh! — усмехнулась Габи и снова рассказала всю эту историю, но уже не по-франкски, а на этом чужом для них языке.

Трис слушал ее внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова, и в результате пришел к выводу, что понимает примерно четверть всех слов и кое-какие элементы грамматики. Это было странно, но, в целом, подтверждало его предположение о том, кем и где он был раньше. И попытка Габи пересказать ту же историю, но уже по-английски, однозначно подтвердила его предположение. Английский он, похоже, знал несколько хуже, да и произношение Габи показалось ему тяжелым для восприятия, чего не случилось, когда она говорила с ним по-русски.

— А кстати, — сказал он, не озвучив, что естественно, ход своих рассуждений, — что там люди говорили по поводу твоего знания русского и английского языков?

— Про русский, — ничуть не удивилась его вопросу Габи, — сказали, что говорю, как коренная петербуржка, ну то есть, уроженка их старой столицы — Петербурга и не просто так, а непременно из хорошей интеллигентной семьи, в которой так говорят уже не первое поколение. А английский у меня действительно английский. Так называемое оксфордское

произношение. Это у них там так принято. У кого есть деньги, посылают детей учиться в Лондон, а в Лондоне, в частных школах говорят именно на этом диалекте.

— Похоже, у них Лондон не такая дыра, как у нас, — хмыкнул в ответ Трис.

И в самом деле, Англия и Шотландия, не говоря уже об Ирландии и Уэльсе, являлись в этом мире третьеразрядными странами, и было сложно представить, чтобы кто-то в здравом уме и твердой памяти послал своего ребенка учиться в королевство англоу.

«Но меня это отчего-то не удивило, — отметил Трис. — Неужели я оттуда, и эта девочка поможет мне и в этом тоже?»

Вопрос, в чем? Оттуда он или нет, это на самом деле, теперь не так уж важно. Там, если верить Августу Мишильеру, его жизнь закончилась уже несколько лет назад. Да и не помнит он ничего путного о той жизни, а значит вопрос этот, — «Откуда мы пришли, куда свой путь вершим»[5], - носит чисто гносеологический[6] характер. Любопытно конечно узнать, кем он был «до того, как», но отнюдь не критично.

— Значит, портал, — подытожил Трис длинный и очень подробный рассказ своей сестры. — И ты сможешь его построить?

— Да, — кивнула Габи. — Думаю, что смогу. Ты тоже когда-нибудь сможешь. Уверена, что ты сам или вместе с Зандером способны решить проблему. Просто все вы не там искали. «Переход» по своему характеру не магический, а физический, в смысле, физики. Интенсивные и экстенсивные физические величины. Температура, давление, энергия. Понимаешь, о чем я говорю? Портал строится из гравитационных жгутов и электромагнитных полей разной интенсивности. Наша магия к этому неспособна. Ну, то есть, может быть, и способна, но только опосредствованно. Я знаю, как надо сделать, но я воздействую на поля непосредственно, — это магия разделенных джа, — а можно, наверное, опосредованно: воздействуя, скажем, на гравитацию магией Земли или Огнем на температуру. Мне нужны для начала обычные измерительные приборы, тогда я опытным путем смогу построить схему, как перевести наши ощущения в их. Понимаешь?

— Понимаю, — улыбнулся Трис, испытывая необычное для него чувство гордости, смешанной с восхищением. Его сестра была не просто талантлива, она была гениальна! — Вместе сделаем. Вот разберемся с первоочередными делами, поймем телепата, сыграем свадьбу и тогда займемся физикой порталов. Наверняка, жутко интересное занятие.

— То есть, вместе?

— Можно еще Зандера позвать, — предположил Трис. — Он умный малый. Втроем мы точно разберемся...

[1] Геволт — караул; шум; вой; все то, что называется в Одессе «громкие базары».

[2] Французский «С» (размер чашечки бюстгальтера) соответствует российскому 3-му номеру. Соответственно, «А» — 1-й и «В» — 2-й.

[3] Сильфы — в средневековом фольклоре духи воздуха. Существо впервые описано алхимиком Парацельсом в качестве элемента Воздуха. Женских особей называют сильфидами и феями.

[4] В древнеримской религии, Tempestas (лат. tempestas: «время года, погода; непогода; буря, буря») — богиня грозы или внезапной погоды.

[5] Первая строфа из знаменитого четверостишья Омара Хайма.

[6] Гносеология, или учение о познании — это раздел философии, изучающий возможности познания мира человеком, структуру познавательной деятельности, формы знания в его отношении к действительности, критерии истинности и достоверности знания,

его природу и границы.

Глава 9. Январь 1940

Габи

Было странно вернуться к прежней жизни, и жить так, словно, ничего не произошло. Но в том-то и дело, что за те несколько часов, что прошли в Лионе, Габи пережила невероятное приключение. Почти пятнадцать дней, проведенные ею в другом мире, очень сильно повлияли на нее, на ее мировоззрение и видение собственных перспектив. И даже более того, путешествие между мирами позволило ей найти баланс между тем, кем она была прежде, до встречи с Трисом, кем являлась теперь, благодаря чуду преобразования, и кем хотела бы стать в будущем, если конечно не превратится в злобного монстра или бездушного охотника. В остальном же, жизнь продолжалась, и это означало, что ей не следует забывать ни о своих обязанностях, ни о том, что мир отнюдь не вращается вокруг нее одной.

Несмотря на то, что разговор с Трисом затянулся практически на всю ночь, Габи позволила себе уделить на сон всего лишь жалких три часа. Слишком много всего ей предстояло сделать в этот день. Поэтому даже утренний моцион был сокращен до минимума, и завтракала она тоже на скорую руку. А затем, в течении двух часов помогала брату в его лаборатории. Задача была не из легких: надо было придумать и собрать систему для подзарядки компьютера, телефона и читалки. Будучи человеком предусмотрительным Вероника Акиньюшина буквально заставила Габи взять с собой разные кабели, переходники и трансформаторы. Все это теперь надо было разобрать и совместить с тем током, которым пользовались в империи. Спасибо еще, Василий позаботился сунуть ей в ее многострадальный баул несколько совершенно необходимых для этого дела приборов: амперметр, вольтметр и даже комбинированный тестер. Так что, в конце концов, они построили-таки в четыре руки вполне надежный трансформатор, от которого могли уже подзаряджать доставшиеся ей электронные «девайсы».

Следующим этапом их «наполеоновских» планов, станет полная ревизия книжных богатств, принесенных Габи из другого мира. К сожалению, Трис не читал ни по-русски, ни по-английски, так что заниматься этим им предстояло вдвоем, но явно позже, поскольку сейчас тана ожидала прогулка с невестой, — погода стояла солнечная, и грех было этим не воспользоваться, — а Габи должна была посетить императорский дворец. Эва Сабиния, оказывается, искала ее накануне вечером и, не найдя, оставила сообщение, что хочет видеть свою подругу Габриэлу Э'Мишильер. Отказывать принцессе было нельзя, — да и не хотелось, если честно, — так что воленс-ноленс пришлось отрываться от одних дел, чтобы заняться другими. И это, не говоря уже о том, что надо было повидаться с Марией, то есть, посидеть с ней и обсудить тет-а-тет массу животрепещущих вопросов, начиная матримониальными, — все-таки две свадьбы на носу, — и заканчивая уголовными, имея в виду все еще не раскрытое покушение на Марию и Эву Сабинию. И, наконец, на вечер Габи запланировала ужин при свечах с господином де Ламот-Уданкур из Сентонжа. И ужин этот просто обязан был завершиться ночью безумств, о которой Габи мечтала уже вторую неделю подряд. Так что, планов было много, и все дела — неотложные. Пришлось даже оставить на время «хозяйственные заботы», которых у Э'Мишильер было, выражаясь языком иного мира, «до хрена и больше».

Итак, ее секретарь-референт Натали де Вюйяр связалась с секретарем Эвы Сабинии, и

встреча была назначена на полдень. Однако, знаменитое полдничное чаепитие во дворце начиналось обычно не «в двенадцать ноль-ноль», а «не ранее часа и не позднее двух», и значит принцесса хотела с ней поговорить о чем-то наедине. Тем для подобного рода разговоров было немало, но Габи полагала, что речь пойдет о чем-то ей до сих пор неизвестном. О том, о чем Эва Сабиния предполагала поговорить с ней в их последнюю встречу, но реализовать свои планы не успела. Ее отвлекли, и, удя по тому, как это выглядело, принцессу позвал императорский Источник, и, значит, дело было неотложное и напрямую связанное с императорской семьей. Однако поговорить по душам не получилось и в этот раз. Из дворца сообщили, что принцесса занята неотложными делами и предложили связаться с ней завтра.

«Ну, завтра, так завтра, — мысленно пожалала Габи плечами. — Вряд ли она от меня бежит, сама же хотела пообщаться. Но должность у нее такая, что никогда не знаешь, какие еще императивы[1] могут всплыть по ходу дела».

Впрочем, поговорить тет-а-тет не удалось ни на следующий день, ни через неделю. Сначала Эва Сабиния была занята исключительно важными государственными делами, — принимала посольства сразу трех европейских стран и королевства Бенин[2] в придачу, производила смотр гвардейским полкам и вручала награды ветеранам, — а затем, заменяя своего отца-императора, вылетела с краткосрочным визитом в Неаполитанское королевство. И, наконец, и опять же от имени Карл II провела подобие Малого императорского приема, на котором среди прочего объявила об окончательном закрытии Турнира. Такое странное окончание состязаний не могло не разочаровывать и, разумеется, многих разочаровало. Но, с другой стороны, Турнир себя явно исчерпал. Он затянулся, и в условиях неопределенности, вызванной тем, что заговор против Эвы Сабинии и Марии Перигорской до сих пор не был раскрыт, продолжать его, и в самом деле, было более чем рискованно. Впрочем, все «финалисты» Турнира получили ценные подарки и «окончательный расчет», поскольку Эва Сабиния официально объявила, что уже нашла себе жениха, имя которого будет обнародовано несколько позже. Заявление это Габи не просто удивило, оно сбilo ее с толку, поскольку кто-кто, а она точно знала, что нет у принцессы ни жениха, ни кандидатуры в женихи, ни желания такового подыскивать. Но снова, как и прежде, поговорить об этом никак не получалось. Однако в народе не зря говорят, что сколько веревочке не виться, а конец будет. Год, — если исчислять его по григорианскому календарю, завершился, и в первый день нового года, они все-таки встретились и поговорили. И да, это была судьбоносная встреча и для Габи, и для Эвы Сабинии, и, вообще, для всех, всех, всех...

Первого января во время бала в императорском дворце, — он был приурочен к празднику Юноны, — князь Зандер Трентский сделал официальное предложение руки и сердца принцессе Брабантского дома графине Гелдерна баронессе Анаис д'Антиньи. Анаис предложение приняла, специальный посланник герцога Брабантского граф Бентхейма Готье засвидетельствовал это событие от лица брабантской родни, а отец Зандера герцог Ноэн — от себя и своей супруги. Таким образом, формальности были соблюдены, и все присутствующие бросились поздравлять жениха и невесту. На самом деле, никто никуда не бросался, — еще не хватало уронить свою честь излишней поспешностью, — но по сути так все и обстояло: гости императорского дворца считали не только честью и долгом, но и острой необходимостью, поздравить Зандера и Анаис, а заодно и Триса с Марией, о помолвке которых было объявлено восемь дней назад. Однако тогда обстоятельства сложились таким образом, что поздравить их лично смогли лишь самые близкие

родственники и мизерное число их самых близких друзей. Остальным до сегодняшнего дня приходилось довольствоваться букетами цветов или элегантными подарками, поскольку просто так, не прикрепив ее к чему-нибудь подходящему, записку с поздравлениями в палатку Коро не отправишь. Вот и слали: оранжерейные розы и тюльпаны, доставленные самолетами экзотические цветы из Азии и Африки и, наконец, колдовские цветы, созданные магами Земли и Воды здесь же в Лионе. Впрочем, кое-кто пошел иным путем, прислав вместо живых, пусть и наколдованных с помощью магии цветов, хрустальные и фарфоровые розы и лотосы из цветного стекла, а граф д'Артуа подарил невесте бутоньерку на руку — великолепный браслет, выполненный из серебра, зеленого золота и драгоценных камней пяти разных цветов. Если же говорить о подарках, то чего там только не было: и седло из Кордовы, и грузинский кинжал «кама», и, одни боги ведают, что еще. Сама Габи к подаркам никакого отношения не имела, но, демонстрируя «непереносимую» дружественность, выдержала почти часовую экскурсию по внезапно возникшей в замке оранжерее и немного повосхищалась полученными Марией в подарок драгоценными безделушками, типа готского гребня-пейнеты из перламутра или аграфа[3] из русских изумрудов.

Однако все это были заочные поздравления, и сейчас в императорском дворце все желающие получили возможность лично засвидетельствовать обоим брачующимся парам свою «бесконечную любовь и дружбу». Ну, а поскольку дело касалось клана Мишильеров, — не говоря уже о Перигорах, — присутствие сестры тана, носящей между прочим, как и он сам, двойную фамилию Мишильер-Перигор, было необходимо и обязательно. Так что Габи, исполняя сестринский и дружеский долг, честно отбывала номер, но при этом не забывала *смотреть по сторонам*. И вот что она сразу же подметила. Во-первых, она не увидела на балу самого императора, и сразу же вспомнила, что Карла II нигде не видели с того самого дня, когда некое срочное дело прервало их с Эвой Сабинией разговор по душам. Напротив, именно после этого, его везде, где только возможно, замещала именно принцесса-наследница. Она же объявила сегодня о прекращении Турнира. Вроде бы, уже не новость, но публично и в присутствии цвета франкской аристократии эти слова были произнесены только сегодня, и произнесла их принцесса Эва Сабиния, а не император Карл II.

Разумеется, никто ничего пока не знал, — во всяком случае, никто из тех, с кем общалась Габи, — но интуиция подсказывала, что дела в империи обстоят не так, чтобы очень хорошо. Возможно, и даже скорее всего, император был болен. В это было сложно поверить, ведь он являлся одним из сильнейших магов империи, но другого объяснения в голову не приходило. Вопрос сводился лишь к тому, чем конкретно он болен, и насколько серьезна его болезнь? Не будучи ни целителем, ни академически образованным медиком, Габи не могла и даже не пыталась развеять свои недоумения, но интуиция подсказывала, что вопросы заданы верно, а значит, император действительно серьезно болен. Настораживало, однако, что ни принцесса, ни статс-секретарь двора, — не говоря уже об императорской канцелярии, — не выступили по этому поводу даже с самым лаконичным заявлением. Но, по-видимому, родня Карла II была так или иначе осведомлена о состоянии дел либо же просто почуяла запах беды и оценила значимость момента.

На празднике Юноны неожиданно появились близкие родственники Эвы Сабинии, которых Габи видела впервые. Из Лотарингии прибыли сестра императора герцогиня Филиппа де Берлемон со своим супругом Гиллисом маркизом Антена, Гондрена и Монтеспана и, разумеется, герцогом, раз уж он на ней женился. Красивая, следует отметить, пара: оба высокие, сухощавые и все еще достаточно молодые, несмотря на то, что маркиз

много воевал в африканских колониях и по слухам был неоднократно ранен в магических поединках, а его жена в тщетной попытке произвести на свет подходящего наследника родила ему пятерых дочерей. Старшая из них, приходившаяся Эве Сабинии двоюродной сестрой, сопровождала родителей. Еще недавно эта молодая красивая брюнетка носила титул графини дю Фе, но год назад император даровал ей герцогский титул и право именоваться принцессой императорского дома.

«Еще одна принцесса...»

Габи эта семейка сразу не понравилась. Вот, вроде бы, все в порядке, — люди, как люди, в смысле, аристократы, — и нет в них ничего такого, что вызывало бы у нее, антипатию или идиосинкразию[4], но ощущение, тем не менее, нехорошее. И особенно ей не пришлось по душе то, как они смотрели на Эву Сабинию. Впрочем, на представителей младшей ветви императорского дома — графа Валуа и его родичей, которых сегодня здесь собралось общим числом восемь персон, Берлемоны вообще смотрели волками, но и те, правду сказать, отвечали им взаимностью. Но все это Габи никак не касалось. Ей была дорога одна лишь Эва Сабиния, а ее присутствие этих людей явным образом раздражало. Принцесса, разумеется, умела держать лицо, и держала его, как и положено официальной наследнице престола, но Габи слишком хорошо знала теперь свою подругу, чтобы обманываться на ее счет. Принцесса нервничала, хотя и не показывала вида. Напротив, она демонстрировала радушие и даже *«сдержанную радость»* по случаю приезда «милых родичей», которые, как поняла Габи из шепотков, пробежавших тут и там среди гостей, были в последние годы отнюдь нечастыми гостями в столице и, уж тем более, при дворе. В особенности, после того, как два года назад император Карл официально объявил Эву Сабинию наследницей престола.

«Зашевелились змеюки... — отметила Габи, увидевшая сейчас во дворце ровно то, что не раз и не два видела в Пойме, когда у кого-нибудь из соседей начинался дележ наследства. — Серпентарий!»

Она сделала круг по залу, шла, не торопясь, обменивалась улыбками и репликами с теми, кого знала, а те уже, в свою очередь, представляли ее тем, с кем она была еще незнакома. Таких было немного, но они, тем не менее, были. Баронесса Икс, граф Игрек, виконт Зет...

— Принцесса, позвольте представить вам *княжну* Мишильер, — приторно улыбнулась виконтесса д'Алансон, любившая Габи просто-таки неземной любовью.

— Очень приятно, Ваше высочество, — чуть склонила голову Габи. Получилось уважительно, но не более того. В конце концов, принцесса — герцогиня, а она княгиня, во всяком случае, до тех пор, пока Трис не женится на Марии. Да и тогда велика вероятность, что она «рулит» кланом внутри объединенного герцогства. Тогда она и вовсе станет полноценной княгиней.

— Рада знакомству, — неожиданно улыбнулась герцогиня д'Ив де Баве. — Это ведь вашего брата поздравляют с помолвкой?

— Да, ваше высочество! — подтвердила Габи. — Все так и обстоит. Мой старший брат тан Мишильер женится на герцогине Перигор.

— Но, если так, — продолжила свою линию принцесса, — вы, Габриэлла, Э клана?

«Знает мое имя, значит сделала уроки... Молодцом!» — отметила Габи, но это было единственное, что ей понравилось.

«Что за панибратство! — возмутилась она. — Я ей, кажется, не разрешала обращаться

ко мне по имени!»

— Не думаю, Кларисса, что это хорошая идея называть коннетабля клана по имени, — очень вовремя вмешалась Эва Сабиния, оказавшаяся, как это с ней обычно и случалось, в нужном месте в подходящее время. — Или я что-то упустила, и вы с Габриэлкой близкие подруги?

— Ох! — якобы, смутилась герцогиня д'Ив де Баве. — Я проявила вопиющую бестактность! Прошу простить меня, *княжна!*

В сущности, согласно общему правилу Габи была именно княжной, но традиция требовала обращаться к коннетаблям, как к главам семей. То есть, если во главе клана стоит тан или по имперской табели о рангах светлейший князь, то и к ней, Габриэлле Мишильер, следовало обращаться как к княгине. И кроме того, пока Трис не женат, она первая дама клана, то есть опять-таки, по существу, княгиня. И «двоюродная принцесса» не знать этого не могла. Значит, просто решила потоптаться на чужих мозолях. Другое дело, что, не будучи знакома с Габи, принцесса предположила, что заденет ее за живое. Вот только ей самой это было неважно. Не оскорбление, и слава богам! Габи даже улыбнулась для приличия и пошла дальше, рассчитав траекторию движения таким образом, чтобы оказаться рядом с братом тогда, когда он на пару минут остался один.

— Что скажешь о принцессе Клариссе? — тихо спросила Габи, оказавшись наконец рядом с Трисом.

— Первая Нереида[5], — тихо ответил он. — Одиннадцатый ранг, не дотягивает до двенадцатого всего на две десятые.

«Сильная стерва! — признала Габи. — Оттого, наверное, и стерва...»

— Она может претендовать? — Предполагалось, что брат поймет, на что именно могла бы претендовать Кларисса, если, не попустите боги, что-нибудь случится с Эвой Сабинией. Вот это и был тот самый вопрос, который Габи хотела задать, но, как оказалось, у Триса не было однозначного ответа.

— Не знаю, — чуть пожал он плечами. — Но думаю, что теоретически может. Родная кровь и сильная магия.

— А ее мать?

— Герцогиня точно нет, ее Дар в стихии Воздуха едва дотягивает до седьмого ранга. К тому же, она замужем и у нее пятеро дочек и ни одного сына. Я бы скорее поставил в этом смысле на графа Валуа, — осторожно указал Трис на невысокого худощавого мужчину с абсолютно седой головой и темным от загара, изрезанным морщинами лицом.

— Каким образом? — Момент для разговора был просто замечательный, поскольку на некоторое время их обоих оставили в покое, переключившись на принцессу Клер, герцогиню д'Ив де Баве.

— У прадеда Эвы Сабинии был младший брат Людовик, носивший титул графа Валуа. Графы Валуа, таким образом, это младшая ветвь императорской семьи, но родство это кровное, по мужской линии. К тому же граф имеет одиннадцатый ранг в стихиях Огня и Воздуха и у него трое одаренных сыновей. А это уже готовая династия...

— Мне как-то тревожно, — призналась Габи.

— Ну, если ты что-то чувствуешь, то дела действительно плохи. — Трис намекал на ее интуицию, но Габи и сама понимала, что чувство тревоги на пустом месте возникнуть у нее не могло. Не тот случай.

— А что с нашими «не пойми кем»?

«Не пойми кем» в недавнем разговоре Мария Перигорская обозвала мужа своей тети барона д'Эрваля и жениха Анны Марии шевалье Рене де Марбёфа. Оба, хотя и по разным причинам, могли быть искомым телепатом, но кто именно из них двоих было непонятно.

— Не знаю, — признался Трис. — Я их сегодня близко еще не видел, а издалека мне ничего не видно. Попробую подобраться ближе.

— Пробуй! — усмехнулась Габи и пошла навстречу Зандеру и Анаис. Они то и дело встречались тут и там, то в одной части зала, то в другой. Самой Габи ситуация напоминала модель Солнечной системы, в которой Трис, Мария, Зандер и Анаис — планеты, а они с Эвой Сабинией — свободно движущиеся кометы. Лети куда хочешь, встречай кого придется! И сейчас была очередь Зандера и Анаис. Но до них Габи на этот раз не дошла. Откуда-то слева и вовсе неожиданно появился тот, кого она меньше всего ожидала встретить этим вечером в императорском дворце.

— Здравствуй, дедушка! — вполне искренно улыбнулась она Сковья. — Уже не чаяла увидеться, а ты тут как тут.

— И тебе не хворать, внучка! — вернул ей улыбку волк. На самом деле, ощерился, но такая уж у него была улыбка.

— Вы что, родственники? — возникла за ее правым плечом Эва Сабиния.

— Нет, к сожалению, — поклонился ей Сковья. — Принцесса!

— Мне просто интересно, — призналась Эва Сабиния. — Вы ведь приезжали как-то к отцу?

— Да, — подтвердил «дедушка». — Около года тому назад. Но позвольте представиться, принцесса! Филипп д'Аренберг, 9-й граф д'Архот, — снова поклонился он. — Когда-то приятельствовал с дедом этой красавицы. И в этот приезд в Лион постарался ее найти.

— Вы приятельствовали с отцом Августа Мишильера? — удивилась Эва Сабиния. Отчего-то все замыкались именно на Мишильере и забывали, что, если есть отец, то должна быть и мать. Причем, мать в первую очередь.

— Нет, я был знаком с дедом Габриэллы по материнской линии, с шевалье д'Астараком.

«Надо же, помнит!» — удивилась Габи.

Прямо сказать, она от волка ничего не ждала, он и так сделал для нее так много, что до сих пор не верилось. Поэтому, когда на следующий день после возвращения из другого мира, Габи его на месте не нашла она ничуть не удивилась и, тем более, не обиделась. На кого обижаться и за что? Но, если честно, и расстроилась, и обиделась. Бывает так, знаешь ведь, что не имеешь на что-то никаких прав, но все равно и хочешь, и надеешься.

А в тот день, она заехала в отель «Рекамье», но Сковьи там уже не нашла. Граф д'Архот, — сообщил ей портье, — съехал еще ранним утром, никому не сообщив, разумеется, куда держит путь.

«Что ж, — решила тогда Габи, выходя из отеля, — может быть, так даже лучше. Пересеклись по случаю и разошлись, чтобы никогда больше не встречаться. Так даже лучше!»

Отчего-то она была уверена, что, сделав доброе дело и обучив ее магии разделенных джа, Сковья нарушил не столько обычаи своей стаи, — хотя их он тоже наверняка поправил, — сколько собственные правила, что, возможно, было для него куда важнее всего прочего. Судя по тому, что увидела и поняла Габи, в отличие от настоящих волков, *волкиджа* являлись

отпетыми индивидуалистами. Одиночки, они жили каждый наособицу, — сами по себе и без оглядки на кого бы то ни было, — и, естественно, не ощущали потребности в общении с себе подобными. Тем более, с кем-то вроде Габи. Полукровки, вообще, не считались в их среде «людьми». Даже не второй сорт, а нечто вроде швали подзаборной. Есть и есть, потому что, случается порой, если ты регулярно спишь с человеческими женщинами. Однако существовал другой и крайне важный вопрос, который она так и не задала своему деду: сами-то волки способны к размножению? И, если способны, как это у них происходит? Есть ли вообще среди них женские особи, — то есть, суки, разумеется, если уж они все-таки волки, — и, если есть, испытывают ли волчицы потребность в создании семьи, рожают ли и выхаживают малышей, заботятся ли о ком-нибудь кроме самих себя? Возможно, и даже скорее всего, ответ на все эти вопросы сугубо отрицательный. Нет, нет, и еще раз нет. Но в этом случае, позаботившись о своей внучке-полукровке, Сковья, и в самом деле, совершил нечто из ряда вон выходящее. После такого грехопадения ему действительно не стоило оставаться в Лионе и снова встречаться с той, к кому он проявил несвойственную его виду «человечность». К девушке, которая, к слову сказать, равна ему теперь по силе, встав вровень с другими волками. Впрочем, если придется с кем-нибудь из них бодаться, она еще долго им не соперник, потому что все еще уступает любому из них в опыте. Впрочем, опыт — дело наживное. Все еще будет, если она не свихнется раньше времени. У темных охотников жизнь коротка, и в любом случае, превратившись в чудовище, она перестанет быть самой собой. Так что запас времени невелик, а сделать предстоит еще так много.

Брат и принцесса, порталы и империя, неизвестный враг и растущее не по дням, а по часам «боевое тело». Как со всем этим справиться?

— Нет, — сказал Сковья, отвечая на вопрос Эвы Сабинии, — я был знаком с дедом Габриэлли по материнской линии, с шевалье д'Астараком.

— Тогда не стану вам мешать... — И принцесса исчезла среди гостей.

— Ты здесь как? — спросила тогда Габи. — У тебя какие-то дела?

— Угадала, — хмыкнул «дедушка», и Габи подумала, что, чем дольше она знакома со Сковья, тем более человеческим он становится. Ну или это она к нему начала привыкать.

— Пойдем-ка, отойдем! — позвал он ее, кивнув в сторону боковых дверей. — Надо поговорить.

— Я вся в предвкушении, — ирония, переходящая в сарказм, но, тем не менее, она повернулась и пошла за Сковья.

Эта часть дворца предназначалась для больших приемов. Здесь было расположено несколько больших залов, — четыре, если быть точным, расположенных по сторонам самого большого — пятого, — и множество небольших гостиных, альковов, прикрытых тяжелыми тканными портьерами, и глубоких оконных ниш. Все было устроено так, чтобы гости могли не только танцевать, угощаться яствами и напитками, и, разумеется, «разминать ноги», переходя от одной группы родичей и знакомцев к другой, но и пообщаться наедине. Тет-а-тет, так сказать. При этом степень приватности зависела только от желания тех, кто предпочитал остаться наедине, и от того, для чего именно они желали это сделать. Кое-кто умудрялся даже заниматься во время бала сексом, что было небезопасно, так как одному из двоих, — и это наверняка, — но чаще сразу обоим обнаружение за столь предосудительным занятием грозило компрометацией.

Однако у Сковьи и Габи цели были куда скромнее, хотя и намного интереснее секса, во всяком случае для нее. То есть, на самом деле, она этого не знала, поскольку с волком

никогда нельзя быть уверенным в его истинных целях и мотивах, но интуиция подсказывала, что искал ее «дедушка» неспроста. Поэтому Габи без колебаний следовала за мужчиной, не роняя, впрочем, своего достоинства. Здесь, в этих стенах, у нее была особая репутация, и портить ее по пустякам, — быстрыми шагами, например, или бурными чувствами, — она не собиралась. А Сковья между тем провел ее через несколько гостиных и коридоров, и они оказались, наконец, в довольно большом алькове, отделенном тяжелым гобеленом от небольшого зала с «географической тематикой»: фрески-карты на стенах и несколько старинных глобусов тут и там. Людей в этом помещении сейчас не было, а гобелен, к слову, был повешен так, что, не имея дара заметить, что он висит не на стене, а прикрывает собой альков, было бы сложно. Стена и стена, и всех дел. Однако, как только они зашли за гобелен, Сковья тут же перекрыл вход в альков материальной иллюзией каменной стены. Такие иллюзии не только выглядят чем-то, чем не являются, но этим и становятся, пусть и ненадолго.

— Помнишь, как строится портал? — спросил Сковья, когда они наконец остались одни.

— В мир Суворина?

— Да, к озеру в горах, где мы тренировались.

— Могу, наверное, — пожала Габи плечами.

— Тогда строй! — приказал волк, и Габи без возражений занялась порученным ей делом.

Если честно, практически любое дело, когда делаешь его впервые, представляется трудным. И плетение портала ничем в этом смысле от любой другой работы не отличается. В общем, Габи, в конце концов, справилась, но сплетала портал чуть больше пяти минут, тогда как Сковья завершал работу секунд за сорок-пятьдесят. Впрочем, главное, что у нее все получилось, и еще через десять секунд они уже стояли на берегу холодного озера.

— Разницу во времени помнишь?

— Не успела забыть.

— Хорошо, — кивнул «дедушка». — А теперь я покажу тебе один хитрый трюк. Следи за плетением.

Что ж, эта конструкция портала была несколько иной, чем та, которую Габи называла «универсальной». Не сложнее, нет, но другой, запомнить которую, впрочем, не представляло труда.

— Пошли! — позвал Сковья, открывая портал, и Габи шагнула в неизвестность.

Неизвестность, однако, оказалась довольно любопытной: древние развалины замка на поросшем деревьями мысу, далеко вдающемся в воды горного озера. Горы вокруг были довольно высокие, у парочки из них имелись даже покрытые льдом вершины, но климат был явно несеверный, как, впрочем, и растительность по берегам озера. Юг империи, где-то так.

— Это Европа, — объяснил Сковья. — Где-то в районе Доломитовых гор. Но здесь, как ты, наверное, догадываешься, другие не только названия, но также климат и рельеф местности. Пойдем!

И они пошли по тропе, ведущей к замку. К счастью, дорожка была вымощена гранитными плитами, так что Габи, одетая в вечернее платье и туфли на высоких каблуках шла по ней без проблем.

— Раньше эта долина соединялась с другой, — рассказывал между тем Сковья, — но после землетрясения стала практически изолированной. Остались лишь горные тропы, но я

проследил за тем, чтобы люди сюда без моего ведома не приходили.

— Это твой замок? — спросила тогда Габи, с интересом рассматривавшая руины и заметившая уже, что не так уж значительны были разрушения. Больше видимость, чем объективная реальность.

— Мой.

— Зачем мы здесь?

— Есть дело. — И все. Лаконично и не по существу вопроса. Что хочешь, то и думай. — Пойдем!

«Иду!»

Они прошли через ворота, миновали внутренний двор и, поднявшись по ступеням парадного крыльца, вошли в палас[6]. Приемный зал, лестница на второй этаж, коридор и, наконец, комната, по-видимому служившая хозяину кабинетом. Эркерное окно с видом на сад, разбитый рядом с рухнувшей стеной, стол и полукресла из полированного красного дерева с инкрустациями из черного дерева и перламутра, большой старинный глобус на бронзовой подставке, два застекленных шкафа и изящный столик, чем-то напоминающий ломберные столики империи франков, между ними. На полированной столешнице странная вещица, от которой так и тянет магией разделенных джа. Три вертикально поставленных золотых солнечных диска, проходящих один через другой, образуя, — если смотреть сверху, — шестилучевую звезду.

— Возьми «агарах» в руки, — кивнул Сковья на артефакт.

Габи подошла к столику и взяла вещицу в руки, и только в этот момент почувствовала истинную силу артефакта. Он содержал в себе невероятную мощь и был, по-видимому, по-настоящему могущественным. Но в чем выражалось его могущество и для чего он был предназначен Габи не знала.

— Агарах держит всю долину и замок, — объяснил Сковья. — Без моего позволения никто не проникнет в долину и не войдет в замок. В чужие руки агарах тоже не дастся.

— Но я же взяла... — посмотрела Габи на своего деда.

— Взяла, потому что я позволил.

— И что теперь?

— Теперь тебе открыт доступ в это место, — усмехнулся Сковья. — Приходи, когда хочешь, делай, что пожелаешь. В замке есть библиотека и много чего еще. Недавно я установил на донжоне спутниковую антенну, поэтому теперь здесь есть телевидение, интернет и телефон. Техника здесь несколько иная, чем в мире Максима Суворина, но принципы те же. Думаю, разберешься без труда. Что еще?

«Еще что-то?» — подумала Габи, ошеломленная свалившимся на нее богатством.

— Других волков в этом мире нет, а, если и появятся, сюда не придут. Это мое личное пространство. Местные про эту долину не помнят, а спутники ее не видят. В этих шкафах артефакты. В правый, — показал он рукой, — пока не лезь. Нечего тебе там делать, а вот левый будет тебе весьма полезен.

— Посмотри! — он открыл створки шкафа и повел рукой, показывая ей полки, уставленные странными ни на что не похожими предметами, от которых, как и от «агараха» несло силой разделенных джа. — Это «вонги». Если простыми словами, то каждый из них — это отдельный язык и, прилегающие к нему базы данных. Культура, наука, история и прочее, что связано с языком. Эти три, — указал он на верхнюю полку, — язык разделенных джа. Наш язык, наша культура и немного нашей истории. В этом, — коснулся он пальцем

следующего артефакта, — несколько основных языков этого мира, а в следующем — данные о десятке близлежащих миров. Как только усвоишь наш язык, будет достаточно коснуться пальцем любого из этих артефактов, чтобы узнать, какую информацию он содержит. А чтобы получить эту информацию в собственность, надо взять его в руки и захотеть.

— А током не ударит? — осторожно поинтересовалась Габи, хорошо помнившая, что случилось, когда она ограбила то ли эгрегор, то ли ноосферу, как говорят тамошние аборигены.

— Ударит, конечно, — усмехнулся в ответ Сковья. — Только не током. Будет откат. Поэтому подходить к делу надо осторожно и по-умному. Заранее приготовить место, где будешь отлеживаться. Тут дальше по коридору есть несколько гостевых спален. Бери любую. Нужны так же питье и еда. В подвалах есть кое-что для долговременного хранения, но лучше озаботиться заранее и принести с собой.

— Сколько времени придется отлеживаться?

— Как пойдет, — развел руками волк. — Может быть, день, а может быть, два или даже три.

— Но тогда, в Петербурге... — попробовала возразить Габи.

— Тогда рядом с тобой был я.

— Постой! Постой! — сообразила вдруг Габи. — Ты же не для меня все это приготовил!

— Не для тебя, — согласился «дед». — Впрок готовил с расчетом, что когда-нибудь появится преемник.

— Волк?

— Да, волк, — кивнул Сковья. — У нас тоже иногда рождаются дети. Не как у вас и сразу взрослые, но ребенок, как бы он ни выглядел, ничего не знает и не умеет. А значит, придется учить.

— То есть, реакция, которую ты описал, это реакция таких, как ты. Я правильно поняла?

— Правильно, — кивнул волк. — Я сделал небольшую поправку на различия в физиологии, но и только. Ты переживешь процесс поглощения информации, но тебе будет чуть тяжелее, чем нашему молодняку.

«Значит, молодняк у них все-таки есть, но это не дети...» — Хотелось задать хотя бы несколько дополнительных вопросов, но делать этого, вероятно, не стоило, и она промолчала.

— Все запомнила? — спросил между тем Сковья.

— Да, — ответила Габи, проверив закрома своей памяти. — Все.

— Тогда еще кое-что и возвращаемся.

— Как скажешь, — пожала Габи плечами.

— В замок и из замка ходу нет. Портал срабатывает только вне крепостных стен. И еще одно. Этот мир одновременно синхронизирован и с твоим миром, и с миром Максима Суворина. Поэтому, если переходить в Петербург через этот замок, время там будет то же самое, что и в твоём Лионе. Но, если прыгнешь напрямиком, шесть часов у вас будут равны пятнадцати дням там.

«О, как! — обалдела Габи от таких откровений. — Но это значит...»

— Это значит, что пока я дома, время у них и у нас синхронизировано, но в тот момент, когда я перехожу к ним, происходит сбой, и наоборот?

— Очень сложная физика пространственно-временных континуумов, — усмехнулся

Сковья. — Объяснить сложно, понять еще сложнее. Поэтому лучше принять, как данность.

— То есть, поверить на слово?

— Разве это плохо, если поддается проверке?

— Нет, наверное, — согласилась Габи с очевидным.

— Хорошо, — закрыл тему Сковья. — Тогда вот еще что. Я уйду из твоего мира. Куда — неважно, но, скорее всего надолго. Если вдруг возникнет надобность, записки можно оставлять в этом кабинете. Положи на стол и прижми пресс-папье. Я здесь появляюсь нечасто, но все-таки иногда прихожу. Ты тоже заглядывай. Мало ли что.

— Спасибо! — Габи очень хотела знать, что все это значит, и что это за фестиваль невиданной щедрости. Но опять-таки не спросила. Чувствовала, что не стоит, и не стала лезть, куда не надо.

***

Во дворец вернулись той же дорогой, которой ушли. Появились в алькове за гобеленом через три минуты и двадцать семь секунд после ухода, и на этот раз Габи построила портал за рекордные три минуты и сорок две секунды.

— Неплохо! — скупой похвалил ее Сковья. — А теперь прощай!

И все, собственно. Никаких лишних эмоций, ничего вообще. Даже слов напутственных не сказал. Кивнул, развернулся и ушел. А Габи осталась стоять, где стояла — около гобелена, прикрывающего альков. Оказалось, к слову, что это было «Околдование Арнульфа»[7]. Постояла минуту не в силах сдвинуться с места, затем вдохнула глубоко, выдохнула длинно и пошла искать новые приключения, и, что характерно, нашла. Вернее, нашли ее. Едва успела войти в один из больших залов, — зал «Флора» с росписями на тему магии Земли, — как ее перехватил один из слуг:

— Велено передать! — протянул он ей крошечный листок бумаги, сложенный пополам и запечатанный магией.

Оказалось, что ее приглашает на приватную беседу сама Эва Сабиния.

— Следуйте за мной, ваша светлость! — Титулование было, что называется, на голову выше. Габи хватило бы и сиятельства, но слуги знают лучше. И еще они всегда держат нос по ветру, и этот слуга тоже, наверное, знал, куда ветер дует.

«Любопытно!» — отметила Габи, проходя вслед за слугой во внутренние покои дворца. — О чем будем говорить? О любви и мужчинах уже было. О силе — тоже. И даже о тайнах прошлого Эва как-то упомянула. Так что же еще на повестке дня?»

Но, по-видимому, это было что-то серьезное. Иначе зачем было принимать ее в личном рабочем кабинете? Но именно туда и проводил ее слуга.

— Мы в прошлый раз недоговорили, — встретила ее принцесса у самых дверей, — но откладывать дальше нельзя. Поэтому здесь и сейчас.

— Располагайся! — кивнула на кресла, поставленные по обе стороны небольшого кофейного столика в «приватном» уголке. — Есть серьезный разговор, Наша Жемчужная женщина прикроет. Так что подслушивание невозможно. Поговорим тет-а-тет.

— Мне заранее становится страшно, — как можно более мягко откликнулась Габи. Такой разговор, и в самом деле, не сулил ничего хорошего.

— Не верю, — покачала головой принцесса.

— Твое право, — улыбнулась Габи. — Так, о чем пойдет разговор?

— О многом, — ответила Эва Сабиния. — И все это крайне опасные темы.

— Но ты же не отступишься, — посмотрела ей в глаза Габи. — Ведь так? Тогда начинай!

— Отец умирает, — сообщила принцесса каким-то неживым голосом. — Горячка Фауста. Знаешь, о чем идет речь?

— Нет, — честно призналась Габи. — Извини, пробел в моем образовании.

— Ничего, — отмахнулась Эва Сабиния. — Об этой болезни даже не все целители знают. Это магическая горячка, Габи. Поднимается не температура, а уровень Дара. Очень редкое явление, но случается у таких сильных магов, как мой отец. Сила растет иногда плавно, а иногда рывками, но исход неизбежен. На каком-то этапе нервная система уже не способна справляться с такой мощью, и это — смерть.

— Боги! — прошептала Габи, испытав мгновенный ужас перед ликом неисповедимого будущего.

— Месяц-два и все... — выдохнула принцесса.

— Тебе надо срочно выйти замуж! — опомнилась Габи. — Срочно! Стервятники уже здесь... Они тебя просто убьют!

— Есть другой вариант, — остановила ее Эва Сабиния, которая уж точно понимала всю сложность своего положения не хуже неискушенной в политике подруги.

— Какой? — нахмурилась Габи.

— Я объявлю себя мужчиной и приму корону не как наследница, а как наследник.

Такой вариант был действительно возможен. Об этом не так давно говорил с ней Трис, предложив рассмотреть его, как вполне жизнеспособный выход из положения.

— Многим это не понравится..., — сказала Габи вслух, вспомнив заодно и свои сомнения. — Ты же знаешь, я плохо разбираюсь в политике, но думаю, покушение на олимпийском стадионе станет в этом случае первым, но не последним.

— Да, это возможно, — согласилась Эва Сабиния. — Гиллис де Берлемон имеет старые, разветвленные и, по-видимому, достаточно прочные связи в армии. А Филиппа знакома чуть ли не со всеми матронами Лиона. Они оттого и вылетели из столицы, что отцу не понравилась их неумеренная активность.

— Зачем же он даровал Клариссе титул принцессы? — Вопрос напрашивался, вот Габи и спросила.

— Это отступные, — поморщилась Эва Сабиния. — Кто мог знать, что болезнь ударит так внезапно!

— Граф Валуа тоже с ними?

— Нет, разумеется! — отмахнулась принцесса. — Артур играет свою игру. Его может поддержать служилое дворянство и провинциальные сеньоры. Есть там спорные моменты в его «партийной программе»: с одной стороны, даровать выслужившим титул права, принадлежащие сейчас только старой аристократии, а, с другой стороны, вернуть сеньорам все права по «Франкскому кодексу». Это разом вернет нас в средневековье, но некоторым, как ты понимаешь, это нравится.

— Тогда, они тебя точно убьют! — ужаснулась Габи.

— Это решаемо, — поморщилась Эва Сабиния. — Хотя бы отчасти. Есть преданные мне лично полковники, которые хотят стать генералами, и бароны, мечтающие о графских коронах. Есть богачи из плебса, готовые хорошо заплатить за статус и титул, за возможность влиять на политику империи. Есть офицеры тайной полиции, которым не нравится, как руководят службой чиновники, состарившиеся в креслах начальников. И так везде, Габи!

— Переворот? — Поняла Габи.

— Тебя это пугает?

— Пугает не сам переворот, — покачала головой Габи, — а то, что ты можешь пострадать.

— Могу, — кивнула принцесса, — но кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— Значит, ты давно уже готовишься к перевороту?

— Несколько лет...

— А Турнир?

— Хорошая ширма для того чтобы подготовиться к решающему шагу...

Куда делась веселая легкомысленная принцесса? Перед Габи сидела женщина, твердо знающая, чего она хочет, и понимающая, что просто так, — без крови и без слез, — такие дела не делаются. И она явно ждала, что Габи ответит на ее откровенность своей искренностью и дружбой.

— Эва, — сказала она вслух. — ты же знаешь, я очень сильная колдунья. Я не рассказывала тебе всех подробностей, но у меня пятнадцатый уровень Воздуха, тринадцатый — Огня и десятый — Воды и Земли. Дракон в стихии Огня, Фея-Сильфида в стихии Воздуха и где-то между средней силы Садовницей и слабым Вулканом в стихии Земли.

— А Вода? — подалась к ней принцесса.

— Скорее всего, Тетис[8], но я это не проверяла. Просто мне так кажется.

— Водяной смерч запустить сможешь?

— Ну, только если небольшой... Метров сто в диаметре и не больше чем на пять минут.

— Тогда, точно Тетис.

— Значит, Тетис, — согласилась Габи, которая, на самом деле, с помощью магии разделенных джа могла создать настоящий ураган. — Но дело не в этом, а в том, что пока я не сошла с ума, я буду рядом с тобой, чтобы тебе ни потребовалось.

— Да, я помню, — не без облегчения вздохнула принцесса. — Мы ведь с тобой говорили об этом буквально на днях...

— Тысячу лет назад, — улыбнулась Габи.

В конце концов, почему бы не сделать что-нибудь такое, пока она вообще может хоть что-нибудь делать?

— Как император я должна буду жениться на женщине, которая родит мне наследника.

— Ты хочешь, чтобы этой женщиной стала я? — в очередной раз ужаснулась Габи.

— Да, милая, именно этого я и хочу, — подтвердила Эва Сабиния. — Сначала ты станешь коннетаблем империи, а потом выйдешь за меня замуж и станешь императрицей.

— Но я же коннетабль клана... — попыталась возразить Габи.

— Думаю, что тан, который вскоре станет герцогом, пойдет нам навстречу. Тем более, что я твердо намерена сделать его отцом, как минимум, двоих своих детей.

— А разве так можно? — удивилась Габи.

— Можно, — кивнула Эва Сабиния. — Формально они будут считаться моими бастардами, но я смогу их признать. Я хочу родить сильных магов от сильного мага.

— А ты сможешь с мужчиной? — деликатный вопрос, но Габи обязана была его задать.

— Смогу... — чуть поморщилась принцесса. — Уже пробовала. Не скажу, что сильно понравилось, но вполне терпимо. Так что смогу. А вот ты вольна рожать от кого пожелаешь. От этого твоего Гийома или от Зандера...

— Зандер женится, — возразила Габи.

— Анаис не откажет мне, а Зандер тебе.

— У тебя все так просто! — покачала головой Габи.

— Не просто, — усмехнулась принцесса. — Но я против того, чтобы усложнять там, где этого делать не надо.

— Хорошо, не буду, — согласилась Габи, у которой от всех этих идей голова уже шла кругом.

«Я стану императрицей? Я?! Габи, демоны меня раздери, Новак — девчонка из Поймы, — стану императрицей, и мои дети... Кто-то из моих детей когда-нибудь станет императором! Великие боги, как не хочется умирать!»

Однако преобразование в темного охотника все еще висело над ней дамокловым мечом.

— Чем я могу тебе помочь? — спросила она вслух.

— Я собрала человек двадцать боевых магов, — сразу же ответила принцесса. — Все молодежь, но все довольно сильные и неплохо обучены. Хотя обучение, как и у тебя чисто домашнее. В день переворота возьмешь их под свое командование, ты коннетабль, тебе и командовать. Прикроете меня, припугнете кого будет надо, ну или убьете...

— А когда переворот?

— В любой день, как только отец...

— Понимаю, — кивнула Габи. — Когда познакомишь меня с отрядом?

— Сейчас пойдем пить чай, вот за чаем и познакомлю. Источник прикроет на пять минут, вот я вас друг другу и представлю. А потом вернемся на бал.

Они проговори почти полчаса. Без сюсюканий и прочих «девичьих глупостей». На этот раз и, в общем-то, впервые, это был чисто деловой разговор двух взрослых женщин. Только факты, только дела, только точные договоренности. А потом служанка доложила, что чайный стол сервирован, и Габи познакомилась с пятью людьми принцессы, о которых до этого дня никогда даже не слышала. Финансовой советницей Эвы Сабинии, немолодой женщиной-профессором, преподающей макроэкономику в Лионском университете, и четырьмя боевыми магами, тремя молодыми людьми из хороших фамилий и юной баронессой дю Камбу. У Мадлен был одиннадцатый ранг в стихии Воздуха и девятый — в стихии Воды и она занималась боевой магией с пяти лет, когда у нее разом открылись два канала большой силы: Бора[9] и Ундина Магнификата[10]. Юноши были послабее, но все трое имели склонность к стихии Огня; одна Саламандра и два Сурта[11], десятый ранг и два восьмых. Им всем, давшим Эве Сабинии клятву верности полного ритуала, принцесса представила Габи, как своего коннетабля и одного из сильнейших магов империи. Так что, слово было произнесено, и дело — сделано. А остальное так и осталось остальным...

Оставить отзыв о книге - <https://knigoed.net/url/4yj>

[1] Императив — безусловное требование.

[2] Бенин или Бенинское царство — историческое государство народов бини и йоруба, существовавшее в низовьях реки Нигер, на территории современной Нигерии, в XIII–XIV веках.

[3] Аграф — застёжка в виде броши для причёсок и платьев.

[4] Идиосинкразия — генетически обусловленная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определённые неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители.

[5] Нереиды — морские нимфы, сестры Амфитриты. Амфитрита — богиня моря, супруга Посейдона.

[6] Палас — жилой дом во дворе большого замка, со всеми удобствами для проживания

в условиях отсутствия осады замка (в условиях осады семья лорда переселялась в цитадель замка).

[7] Согласно «Истории франков», два человека были казнены за то, что якобы околдовали императора Арнульфа и вызвали insult, который привел к его смерти.

[8] Тетис или Тефида — в древнегреческой мифологии одно из древнейших божеств, титанида, дочь Урана и Геи, супруга своего брата Океана, с которым породила три тысячи сыновей — речных потоков и три тысячи дочерей — океанид.

[9] Бора (итал. bora — северный ветер; «борей» — холодный северный ветер) — сильный, холодный, порывистый местный ветер.

[10] Ундина Магнификата Великая ундина.

Ундина (от лат. unda — «волна») — мифологическое человекоподобное существо женского пола, связанное с водоёмами.

[11] Сурт — в германо-скандинавской мифологии огненный великан, владыка Муспельхейма. Сурт правит огненными великанами.